

РЕВУЩАЯ ТЬМА

КРИСТОФЕР
РУОККИО

YANNER

Пожиратель солнца

Кристофер Руоккио

Ревущая Тьма

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Руоккио К.

Ревущая Тьма / К. Руоккио — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Пожиратель солнца)

ISBN 978-5-389-19527-1

Полвека Адриан провел в поисках затерянной планеты Воргоссос, надеясь вступить в контакт с загадочными пришельцами-сьельсинами. Чтобы положить конец четырехсотлетней войне, он возглавляет отряд наемников и отправляется за пределы Соларианской империи. Ему предстоит столкнуться с предательством, стать свидетелем жутких экспериментов и встретить не только пришельцев, с которыми он хочет заключить мир, но и существ, отринувших свою человечность. А еще бессмертного героя древних легенд и заклятого врага рода человеческого – врага, у которого, кажется, есть свои виды на Адриана... Успех миссии принесет мир, какого еще не знала история. Если же Адриан потерпит неудачу, Галактика запылает. Впервые на русском! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-19527-1

© Руоккио К., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	50
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	67
Глава 11	73
Глава 12	78
Глава 13	85
Глава 14	87
Глава 15	93
Глава 16	97
Глава 17	104
Глава 18	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кристофер Руоккио

Ревущая Тьма

*Моим родителям Полу и Пенни.
За то, что всегда были рядом.
У меня все будет хорошо*

Christopher Ruocchio
HOWLING DARK
Copyright © 2019 by Christopher Ruocchio
All rights reserved

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Благодарности

Вот это год! С момента выхода летом 2018-го «Империя тишины» попала в руки нескольких тысяч читателей, которым я буду навеки признателен. В прошлый раз я благодарил тех, кто помог мне с публикацией: мою семью, друзей, агентов, добрых сотрудников «DAW Books», моих коллег из «Ваеп», учителей и так далее. Теперь эта страница целиком для вас, читатель. Без вас моя первая книга превратилась бы в труху на магазинной полке или на складе и мне пришлось бы зарабатывать на жизнь чем-то иным. Позвольте отдельно поблагодарить в произвольном порядке тех, кого я обошел вниманием в первой книге.

Прежде всего продавцов! Ребят из «Quail Ridge Books» в Роли, особенно Рене и Тима, а также прекрасных людей из «Anderida Books» в Великобритании – за доброту и поддержку. Гленнис из «The Missing Volume» и Алекси из «Bard's Tower» – за дружбу и помощь в лабиринтах фестивалей и ярмарок.

Критиков! Петроса, Трейси, Эмили Грейс, Нильса, сотрудников «Unseen Library» и многих других. Я тронут тем, что вам понравилась книга, и надеюсь, что новая не обманет ваших надежд. Был рад со всеми познакомиться.

Читателей! Многие из вас писали мне письма и подходили лично, и пусть перечислить каждого поименно невозможно, знайте, что я благодарен всем вам. Отдельное спасибо Дэвиду К., Ти-Джею, Лене, Алексу и Мэри-Энн, Луке из Италии, Эмилю из Швеции и Натану из Австралии. И конечно, всем моим друзьям по Интернету. Без вас у меня ничего бы не вышло.

Моих новых друзей (если они позволят так себя называть). Джеральда Брандта, Эда Уиллета, Эй-Си Эмброза, Джошуа Палматье и Джули Чернеду – за то, что помогли новичку почувствовать себя своим на вечеринках «DAW». Дэна Стаута и Кэсс Моррис – за то, что составляли мне компанию, будучи такими же новичками. Мою семью из «Ваеп»: Веберов, Дрейков, Коррейя (Ларри, спасибо за то, что помог мне поставить рекорд продаж!), Кейси Эзелл, Джоди Линн Най, Майка Массу, Гриффина Барбера... и всех-всех-всех. Р. Р. Вирди и Эл-Джея Хакмейстера – вы самые крутые! И конечно, Ди-Джея Батлера, одного из самых благородных и щедрых людей в нашем деле.

И наконец, Дженну, которая за последние полтора года прошла путь от моей подруги до невесты. Я буду вечно тебе благодарен. За все. Люблю тебя, моя дорогая.

Глава 1

Красный отряд

Тьма.

Зеленые, словно старая бронза, глаза смотрели на меня из тумана – впивались рыболовными крючками, тянули на поверхность. Я чувствовал себя странно. Было холодно. В воздухе висела голограмма лица Борделона, которого я уничтожил мгновением раньше. И не только она. Рядом я видел Гиллиама, скривившего губы в презрительной усмешке. Уванари. Мой мир наполнился какофонией: криками умирающих, улюлюканьем зрителей Колоссо, биением собственной крови в ушах.

Тогда я осознал, что был мертв и вся эта осязаемая тяжесть – плата за преодоление беспамятства. Бремя возвращающейся жизни. Я – выжил. Снова.

– Лорд-комендант? – раздался знакомый голос с необычным акцентом, происхождение которого я не мог вспомнить – если вообще знал. – Лорд-комендант?

Я скрывался в подвале на Фаросе. Со мной была женщина, которую я любил, – ах, эти волосы чернее ночи! Мы прятались от Борделона и норманцев, ведь те сдали нас адмиралу Венту. Нет. Нет, это было очень давно, после Эмеша, но мой сбитый с толку мозг впитывал ее аромат вместе с запахом горелой древесины, вспоминал ее тепло и вкус пайков, которые мы делили во тьме.

– Лорд-комендант?

Туман рассеивался, отступал в глубины исторических эпох. Я слышал крики, всхлипы и понимал, что они – мои собственные, пропущенные сквозь кости и время, чтобы заставить меня почувствовать и узреть ужасы прошлого, ибо невозможно быть живым, не помня всего этого. Той ночью в Боросево сильные пальцы порвали на мне одежду, тело Кэт утонуло в канале... Ясные, как будто заново пережитые, воспоминания бумажными фонариками взмывали ввысь, прочь от меня. Я пытался схватить их, но руки словно налились свинцом и не слушались. По телу растекалось тепло, прогоняя тот океанический холод, что кровоточил из моих ладоней.

Кровоточил.

Я был в постели. Или в некоем подобии постели. Надо мной кто-то склонился. Я узнал старого Тора Гибсона. Его серые глаза показались мне в бреду зелеными, как его мантия, но львиную гриву и щетинистые бакенбарды, трепетавшие на порывистом мейдуанском ветру, ни с чем нельзя было спутать.

– Мертв? – прохрипел я, имея в виду то ли себя, то ли его.

– Пока нет, – улыбнулся старый схоласт. – Этого еще можно избежать.

– Лорд-комендант, не шевелитесь, – снова раздался этот странный голос. Знакомый. Мне казалось, что он тоже исходит изо рта Гибсона. – Вы еще в фуге.

– Неправда, – ответил я, глядя на схоласта. – Я же вижу Гибсона.

– Кроме нас, здесь никого нет! – прозвучал голос из другого места, напротив, но сам схоласт остался недвижим.

Когда Гибсон говорил, его губы не шевелились: «Актер знает, что он на сцене. Персонаж знает, что никакой сцены нет».

Похоже на один из его афоризмов, хотя я такого не помнил.

Рассудок мой помрачился. Я ведь сейчас в подвале на Фаросе – или это случилось много лет назад? Она была со мной, за нами охотились головорезы адмирала Вента, но мы спаслись. А Гибсон умер. И я тоже – или оказался на волосок от смерти. Был заморожен.

– Вы знаете, где находитесь?

Мне задан вопрос. Вопрос, обращенный к древнейшим системам поиска и ориентирования, расположенным в глубоких уголках моего разума.

«Вы знаете, где находитесь?»

На сцене словно поднялся занавес и возникли голографические декорации. Туман рассеялся, мир обрел внятные очертания. Я был в корабельном госпитале – медике. Белые стены, белый пол, белый потолок. Невероятная чистота. Я лежал в открытой портативной фуге, которую кто-то притащил сюда и использовал для моего воскрешения. Повернувшись, я понял, что Гибсон исчез. Галлюцинация? Не иначе вызванная тем, что я отчасти думал голосом Гибсона.

После Эмеша минуло двенадцать лет.

Я вспомнил:

– Это «Фараон».

Корабль мы раздобыли на Фаросе и оставили себе после той истории с норманцами и адмиралом Вентом, когда нас предал Борделон. Его команду наняли вместе с нашей, чтобы доставить оружие повстанцам, желавшим сбросить диктатора Мариуса Вента. Мы согласились, потому что репутация надежных наемников могла помочь нам в поисках Воргоссоса. Но Борделон проявил вероломство. Пришлось прорываться с боем. Мариус Вент сдался, Эмиля Борделона убили его же солдаты – после того как я сделал им предложение, от которого невозможно отказаться.

Женщина у моей постели, чернокожая норманка с похожими на витую проволоку волосами, одобрительно кивнула:

– Правильно. А меня вы помните?

На ней был облегающий бордовый комбинезон. Униформа, которую я сам придумал. С карманами на застёжках и манжетами.

– Доктор Окойо, – это был не ответ, а обращение, – кажется, на мне нет криоожогов.

Я попробовал сесть и вдруг понял, что гол, как Адам.

– Лорд Марло, не шевелитесь. – Она аккуратно, но настойчиво снова уложила меня. – Я еще не откачала весь ТХ-9.

Повернувшись, я увидел стойку с пакетами для переливания крови. Четвертая группа, резус-фактор положительный. Напротив в таз стекала незамерзающая жидкость, которой была заменена кровь в моих венах. В ослепительно-белом свете она мерцала густым синим, почти черным оттенком.

Спустя секунду я предложил:

– Доктор, вы могли бы оставить меня на попечение медтехника.

– За такое, – выразительно произнесла она, – коммодор Лин спустил бы с меня шкуру. Слышала, у вас, имперцев, это в ходу.

– Возразить нечего, – согласился я, – но нас не надо бояться.

Ненадолго воцарилась тишина. Доктор Окойо принялась работать с диагностическим терминалом, а я сделал вид, будто не замечаю собственной наготы, и попробовал рассортировать навязчивые образы. После фуги всегда трудно соображать. Те, кто бросил меня на Эмеше, удосужились залить в мое тело достаточно крови, чтобы их не обвинили в умышленном убийстве. Во время той заварушки я был без сознания, но с тех пор всякий раз перед пробуждением мне приходилось продираться сквозь дебри памяти. Говоря научным языком, при возвращении в сознание мозг проявлял гиперактивность. Так, должно быть, ощущается смерть, ведь в фуге жизненные процессы прекращаются. Быть заспиртованным – все равно что умереть. Я был сродни трупам или куску мяса в холодильнике.

Конечно, я ошибался. Со смертью это состояние не имело ничего общего. Совсем ничего.

– Какой сегодня день?

– Шестнадцать-два-девятнадцать-точка-один-один, – не оборачиваясь, ответила Окойо.

– Ноябрь, – задумчиво произнес я.

Шестнадцать тысяч двести девятнадцатый год по имперскому летоисчислению. После Эмеша прошло сорок восемь лет, однако прожил я лишь двенадцать из них. Сорок восемь лет мы притворялись наемными солдатами. Сорок восемь лет вдали от графа Матаро и его видов на меня для своей дочери. Сорок восемь лет в качестве рекрута Имперских легионов.

Сорок восемь лет войны. Бесплодного, геноцидального крестового похода на съельсинов – ксенобитов, охотившихся на людей, словно волки на овец. Сорок восемь лет поисков Воргос-соса, с пленными съельсинами на борту и надеждой на дипломатическое решение конфликта. На мир.

– Есть новости? – спросил я, пользуясь моментом, чтобы сесть, пока доктор не смотрит.

Голова закружилась, и мне пришлось схватиться за края фуги. Вскоре я обрел равновесие и вытащил из бокового отсека сложенный халат.

– Удалось выследить того торговца оружием, о котором рассказывали пираты на Саноре? – спросил я.

Доктор обернулась на шум и поспешила ко мне. Повысив голос, она опять попробовала уложить меня, но я остановил ее:

– Дайте хотя бы одеться.

– Лорд Марло, вы рискуете вновь отключиться! – вспылила Окойо.

– Все хорошо, – неожиданно слабым голосом прошептал я. – Все хорошо.

Она придержала меня за плечи, но я смог лишь прикрыться халатом ниже пояса. Этого было достаточно. Меня насторожило мое дыхание – тяжелое и влажное. Повернувшись на бок, я согнулся над тазом и выкашлял из легких сгусток фиолетового раствора.

– Ничего хорошего, – возразила Окойо. – Вы шесть лет были заморожены.

– Шесть лет? – изумился я. На такое я не рассчитывал. – Где мы?

– Лорд, – помотала головой доктор, – об этом лучше спросить коммодора.

* * *

Бассандер Лин выглядел старше, чем мне помнилось, и я невольно задумался о том, какой отрезок нашего путешествия язвительный капитан провел в сознании. Я зову его капитаном, потому что он, по сути, и есть капитан. Роль коммодора – лишь ширма, маска, как и мой титул лорда-коменданта. Перемены не были разительными: никаких морщин в уголках рта или глаз, ни проблеска седины на висках. Впрочем, Лин был патрицием, бронзовокожим мандари из древнего рода, почти столь же высоких кровей, что и я. Единственная заметная перемена проявилась во взгляде его черных глаз. Он стал тверже, как будто ядовитая смола наших с ним взаимоотношений превратилась в янтарь. Его каюта на борту «Фараона» раньше принадлежала норманскому коммодору Эмилю Борделону, и Бассандер Лин позаботился о том, чтобы о предыдущем хозяине ничто не напоминало. Порнографические картины были выброшены вместе с вычурными рамами, ковры убраны. На полу еще виднелись следы гигантской кровати прежнего коммодора, на месте которой теперь стояла простая солдатская койка. Даже одеял не было.

– Хорошо выспались? – спросил он, не поднимаясь из-за рабочего стола. – Окойо сказала, вы полностью здоровы.

У него была дурацкая привычка отвечать на собственные вопросы. И я промолчал, а усевшись в кресло, поерзал и сполз по сиденью, развалившись. В бордовой униформе я чувствовал себя неловко. На Бассандере была такая же; воротник-стойка отутюжен, воинские регалии смотрятся как влитые. У меня знаков отличия не было, если не считать эмблемы, золотой нитью пришитой к левому плечу.

Бассандер взял со стола тяжелую кружку и, не глядя на меня, произнес:

– Эта Корво считает, что нашла нужного нам человека.

Я тут же выпрямился и с любопытством оперся на столешницу. Лин пристально посмотрел на меня и сделал глоток.

– Крашеного? – спросил я.

Так звали того человека саноранские пираты.

Капитан помотал головой и встал, повернувшись ко мне спиной.

– Некого прохиндея по имени Самир. Корво говорит, он работает на Крашеного.

Тонкий, узкоплечий Лин напоминал рапиру. Его как будто обрамлял голографический экран, на который выводились записи с корабельных камер наблюдения.

– Корво послала на планету лейтенанта, – продолжил капитан. – Он связался с целью.

– Значит, мы нашли Воргоссос? – спросил я.

Бассандер не шелохнулся, лишь переключил экран на другую камеру.

– Нет...

Он опустил руки по швам, и я заметил на его поясе меч из высшей материи, ранее принадлежавший адмиралу Мариусу Венту, из-за которого мы едва не погибли на Фаросе.

– Человек Корво сообщил, что этот Самир – местный, представляющий интересы экстрасоларианцев, – пояснил Лин.

– Надо бы договориться о встрече.

– Как сказать, – пожал плечами капитан и взъерошил дымчатые волосы. – Это было бы легко, будь с нами Четыреста тридцать седьмой легион, но с нашей репутацией... засмеют.

В любом случае подкрепления нам ждать было неоткуда. Ближайшие союзники находились в тысячах световых лет и нескольких десятилетиях реального времени от нас.

– Бассандер, – произнес я с нажимом, – то, что мы действуем под прикрытием, не значит, что над нами можно смеяться.

Лин презрительно кашлянул и уставился в экраны:

– У нас один человек на шесть норманцев, которых вы подобрали, а про ваших колоссианских крыс я вообще молчу.

Я с трудом удержался, чтобы не швырнуть в него его же кружкой, и, овладев собой, просто скрестил руки на груди и сказал:

– Нам нужны были люди.

– Нам были нужны солдаты.

– А они кто?

– Федераты! – Бассандер наконец повернулся ко мне. – Верны, пока им платят. Стоит им получить более выгодное предложение, как они тут же пойдут против нас.

– Значит, нельзя позволить им получить такое предложение. – Теперь, в свою очередь, презрительно кашлянул я. – Накинем еще половину от того, что им платил Борделон.

– Кто-то все равно может предложить больше. Я им не доверяю. Корво тоже. Наше сотрудничество приносит плоды только благодаря деньгам.

– А что может измениться? – спросил я и схватился за лицо. В висках стучало. Я слишком рано покинул медику. – За нами стоят Имперские легионы. Корво прекрасно это знает. Мейдуанский Красный отряд...

– Мейдуанский Красный отряд, – саркастично повторил Бассандер, опускаясь в старое кресло commodора Борделона. – Знаете, что это для меня?

Я надавил на глазные яблоки, чтобы голова прояснилась, и сказал:

– Трибун возложила на нас миссию по поиску сьельсинов, и мы...

– Это наказание. Она подсунула мне вас вместе с вашей бандой в наказание. Одной Земле известно почему.

Я прищурился:

– Сколько вы уже не спите?

Бассандер рассуждал так, как будто провел наедине с собой долгие годы, как будто тысячи раз репетировал этот разговор в пустынных коридорах «Фараона», пока остальные спали. Поняв, на что я намекаю, он промолчал, лишь сердито посмотрел на меня, и это дало мне возможность продолжить:

– Хотите, чтобы я отправился на планету искать Самира? И Крашеного?

Коммодор, который на самом деле был капитаном, нахмурился:

– Хочу, чтобы вы держали Корво на коротком поводке, только и всего. Повторяю: у меня к ней нет доверия.

– Она с нами уже семнадцать стандартных лет, – парировал я. – Я назначил ее капитаном «Мистраля».

Заметив раздражение Бассандера, я примирительно вскинул руки:

– Мы назначили. У нее хорошо получается.

Прежде Отавия Корво была третьим помощником Эмиля Борделона на «Фараоне», и то, с какой охотой она пошла против бывшего начальника, многое говорит о его отношении к офицерам. Однако я не стану утверждать, что не понимал опасений Бассандера. Я невольно взглянул на стол, украшенный резными барельефами слившихся в экстазе нимф и сатиров.

Бассандер сделал глубокий глоток из кружки.

– Я просто хочу, чтобы вы участвовали в процессе.

Про себя я улыбнулся, но внешне остался невозмутим.

– Любезно с вашей стороны.

– Однако о том, чтобы руководить группой высадки, не может быть и речи, – заявил Лин. – Особенно после случившегося на Фаросе. Мы едва не потеряли вас и капитана Азхар. Мне совсем не нужно, чтобы джаддианцы обозлились на нас из-за гибели их посланника.

– Но с этим экстрасоларианцем, Крашеным, должен встретиться кто-то из лидеров отряда. Корво исключается, а Джинан я не отправлю.

Капитан собрался перебить меня, и я добавил:

– Бассандер, это должен быть кто-то, представляющий Империю. Корво и Джинан не подходят, Валка – тоже. Остаемся только мы с вами. Послать вас нельзя, значит это буду я. – (Между нами рыбой на леске забила тишина.) – Но нам так ничего толком и не известно... Человек Корво хоть о чем-то договорился?

– Он дал понять, что нас интересует ядерное... антиматериальное оружие и тому подобное.

– Дэймоны? – не удержался я.

– Что? – опешил Бассандер. – Бог и император, нет!

Его отвращение было мне понятно. Я сам являлся отпрыском благородного дома, воспитанным в страхе перед мерикани, чей безжалостный конгресс, управляемый искусственным разумом, едва не уничтожил человечество в доимперские времена. Я не удивился бы, если бы чопорный Бассандер отчитал меня или даже обвинил в ереси, но он лишь заскрежетал зубами, позволяя мне объясниться.

– Я только имел в виду, что раз мы ищем экстрасоларианцев, то должны просить нечто большее, чем ящик плазмометов.

– С каких пор ядерное оружие превратилось в плазмометы? – Бассандер воздел глаза к потолку, словно прося бога дать ему терпения.

Я развел руками:

– Так вы хотите, чтобы я высадился, или нет?

– Не хочу. – Бассандер откинулся на спинку кресла. – Но прошло уже почти пятьдесят лет, с тех пор как мы покинули Эмеш. Пятьдесят лет, Марло. Знаете, сколько колоний разорили сельсины, пока мы были увлечены вашей авантюрой?

– Рыцарь-трибун Смайт считает...

– Тринадцать, – перебил Бассандер. – Тринадцать, Марло.

Он принялся перечислять названия: Баннатия, Ликия, Идунн... и с каждым словом повышал голос, пока едва не перешел на крик:

– Я ложусь в фугу, а когда просыпаюсь, то узнаю, что список пополнился. Погибших миллионы. Всякий раз. А я палец о палец не ударил, чтобы этому помешать.

С трудом поборов желание встать и уйти, я спросил:

– А чем, по-вашему, мы занимаемся?

– Впустую тратим время! – выпалил он. – Во имя Земли, я только что принял очередное послание! Новое нападение, Марло, и число жертв еще не успели подсчитать.

– Если нам удастся заключить мир хотя бы с одним кланом съельсинов, мы повлияем на ход войны сильнее, чем любая битва. – Я все-таки поднялся, одернув короткий камзол. – Нравится вам или нет, я отправлюсь с группой высадки.

Бассандер резко кивнул и принялся тереть переносицу:

– Пожалуй, вы правы. Да простит меня Земля.

– Мне нужно перебраться на «Бальмунг», – сказал я, отворачиваясь. – Времени хватит?

Капитан, раздетый коммодором, почесал подбородок, даже не взглянув в мою сторону. В огромном кресле Борделона, за громадным столом он выглядел крошечным, придавленным гнетом пережитых вместе со мной и в одиночестве лет.

– Человек Корво еще не подал сигнал. Время есть.

Когда я уже готов был выйти, он окликнул меня:

– Марло!

– В чем дело, Лин? – остановился я, назвав его по фамилии. Он никогда не замечал разницы между обращениями по имени и фамилии. Для него это не имело значения.

– Шутки шутками, но мы – военная организация, а не эскорт для вашего гарема.

Во мне вспыхнула ярость, и я вздрогнул. Сжал кулаки, напряг плечи. Но сдержался, ответил лишь:

– Одна женщина – еще не гарем, капитан.

Даже не оборачиваясь, я почувствовал, как всколыхнулся воздух. Обращение «капитан» не понравилось коммодору.

* * *

– Все хорошо? – выходя из каюты Бассандера в бронзовый коридор, услышал я знакомый голос и, повернувшись, увидел у двери своего ликтора. Его темно-красная униформа была изрядно помятой, как будто он долго опирался на переборку.

– Выглядишь так, словно тебя поколотили, – сказал он.

– Хлыст! И чувствую себя так же, – ответил я, протирая глаза. – Лин весь вечер в своем репертуаре.

– Все настолько плохо? Кстати, сейчас утро, – уточнил Хлыст.

Следуя за мной по коридору, он клацал каблуками.

– Правда? – в недоумении переспросил я. – Тьма меня разбери...

Мы прошли мимо пары младших механиков – норманцев. Те отсалютовали мне, восклицая: «Лорд Марло!» Я с улыбкой помахал им. Даже от этого незначительного усилия у меня разболелась голова.

Ожидая вызванный Хлыстом лифт, я осмотрел ликтора. За время моего сна в фуге он стал выглядеть старше. В уголках мутно-зеленых глаз наметились «гусиные лапки», среди рыжих волос засеребрились соломенные и седые. Сам я ничуть не изменился с Эмеша, а вот Хлыст несколько поистерся. Впрочем, я-то был рожден в замке и выращен по строгому плану, без участия родителей; каждый мой ген был непогрешим, как у сверхчеловека. Хлыст

же появился на свет в семье клерка и, отданный в рабство за отцовские долги, все детство подвергался издевательствам. Он был выходцем из низшего сословия, но по воле судьбы или случая нас связывала крепкая дружба.

– Шаттл ожидает в трюме, – сказал Хлыст, приглаживая волосы и форму.

Блестящая дверь лифта послужила ему зеркалом. Когда она с шипением открылась, ликтор робко улыбнулся приехавшему в кабине легионеру. Тот вышел, поклонился мне – но не отдал честь – и быстрым шагом удалился по коридору.

Хлыст стал серьезен:

– Капитан Азхар послала за тобой, как только узнала, что Лин тебя полощет.

При упоминании Джинан Азхар я выпрямился:

– Замечательно. Не хочу оставаться здесь ни минуты.

Бассандер перебрался на «Фараон» сразу после того, как мы захватили корабль на Фаросе и объявили новым флагманом нашего разросшегося флота. Норманку Корво перевели на «Мистраль», небольшой угранский перехватчик, взятый вместе с «Фараоном». Наш прежний флагман, старинный имперский эсминец «Бальмунг», перешел под командование джаддианского посланника, капитана Джинан Азхар. Бассандер доверял ей и ее меднокожим профессиональным солдатам из Княжеств. Для них понятие чести не было пустым звуком. Они дали клятву верности его высочеству Верховному князю Алдии ди Отранто, первому среди равных правителей Княжеств Джадда. Джинан с Лином были похожи – и не похожи одновременно. Таким образом, теперь тремя нашими кораблями управляли капитаны: имперец, джаддианка и норманская наемница. Младших офицеров поровну распределили по экипажам, чтобы все могли присматривать друг за другом, а Бассандер – за всеми сразу.

Вот почему я хотел как можно скорее покинуть «Фараон». Мало того что имперские офицеры докладывали Бассандеру всякий раз, когда я покидал каюту, так он еще и с помощью камер наблюдал за мной. А вот за происходящим на «Бальмунге» он следить не мог. Были и иные причины. Прежде всего, на «Бальмунге» находились пленные сьельсины. Мы держали их в яслях для фуги, в которых обычно перевозили скот между звездными системами. Эти ясли невозможно было перенести с одного корабля на другой, и Бассандеру пришлось оставить сьельсинов под надзором Джинан. Валка Ондерра тоже не пожелала забрать свои бумаги и кристаллы данных из кабинета в гидропоническом отсеке «Бальмунга». На корабле остались и другие мои друзья: Хлыст, Гхен, старый Паллино, еще несколько мирмидонцев, знакомых мне по Колоссо Боросево. Остальных распределили на «Фараон» и «Мистраль». И конечно, здесь была Джинан, которая по сравнению со скучным Бассандером все равно что цветок в пустыне.

– Давно проснулся? – спросил я Хлыста, массируя виски.

Он сунул руки в карманы:

– Недели три как. Джинан разбудила меня, когда Корво отправила Бандита на поверхность.

– Бандита? – Я вспомнил молодого норманского лейтенанта Карима Гароне. – Хорошо, а то я боялся, что Лин мог додуматься послать Суассона или Дулию.

Хлыст улыбнулся так, что лицо чуть не треснуло.

– Только если захотел бы устроить очередную заварушку.

Мы посмеялись. Лифт со свистом тронулся. «Фараон» был типичным угранским флагманом: кинжаловидным, две мили в длину, достаточно плоским, с заостренным носом. Мостик располагался почти на самой корме, наверху напоминающей рыбий плавник двухсотпятидесятиметрового шпиля. Каюта Бассандера находилась рядом с мостиком. Мы покинули шпиль; лифт переместился в горизонтальную шахту, где через добрых сто метров снова опустился и направился еще дальше к корме. В хвостовой части «Фараон» расширился – здесь размещалась связка двигателей, окруженная кольцом варп-двигателя, и ангары для шаттлов и двух десятков

легких истребителей класса «пустельга» для межкорабельных баталий. Я наблюдал, как красная точка на голубом терминале лифта обозначает наше движение вниз.

– Как Этьен? – спросил я, уткнувшись лбом в стену над терминалом.

Этьен был норманским солдатом и последним известным мне любовником Хлыста.

Ликтор ответил не сразу:

– Все кончено. Но он служит здесь, а я на «Бальмунге», поэтому все в порядке.

– Жаль, – сказал я.

– Чего жалеть? – усмехнулся Хлыст. – Он сам виноват. А как у тебя с дамой сердца?

Вспомнив замечание Бассандера насчет гарема, я потупил взгляд:

– Хорошо. Все хорошо.

То ли из уважения к моему самочувствию, то ли потому, что сказать больше было нечего, Хлыст замолчал. Мы оказались в новом коридоре, похожем на тот, из которого вышли, только шире, со скругленными углами и ребристыми переборками каждые десять метров. На потолке и стенах немигающе светили диодные лампы. Мы миновали троих легионеров в темно-красной униформе. Если они и поприветствовали меня, я этого не заметил.

Шаттлы висели под «Фараоном», подобно рыбам-прилипалам под брюхом большой акулы. К ним вел извилистый трап. Как положено по протоколу, Хлыст спустился первым и получил разрешение на вылет. Кроме нас и пилота, молодого светловолосого норманца с оливковой кожей, на борту не было никого. Хлыст сел за его спиной лицом ко мне, а я опустился на скамью в хвосте. Ответив на приветствие пилота, насколько позволили силы, я устроился поудобнее и впервые с момента пробуждения выглянул наружу через окно из алюминостекла.

– Отключаю компенсирующее поле, – объявил пилот, и мгновением спустя искусственная гравитация исчезла.

Несмотря на ремни безопасности, я немного поднялся в воздух. После пребывания в фуге ощущение было не из приятных. Хлыст разглядывал ладони. Раздался громкий лязг.

– Фал отсоединился, – прокомментировал пилот.

Остальные его реплики прошли мимо моих ушей. Мы вывалились из чрева «Фараона» во тьму. Удалившись от металлической громады корабля, оказались в открытом космосе. Я заметил подернутый облаками коричневый диск планеты Рустам. Теперь от этой имперской колонии почти ничего не осталось. Через окно был виден черный шрам на поверхности одного из материков, на границе света и тени, где съельсины вырвали из земли целый город.

Я сглотнул, на миг забыв о мучительной головной боли. Ни до, ни после я не сталкивался с чем-то столь же устрашающим. Почувствовав, что Хлыст наблюдает за мной, я опустил взгляд.

– Дворец палатина стерли с лица земли, – сказал он, – вместе со всем правительством, почти десять лет назад. Новый город – на другой стороне, отсюда не видеть.

– Сколько?

– Погибших? – уточнил Хлыст. – Точно не знаю. По словам Лина, около двух миллионов. Но выживших в два раза больше.

Я отвернулся. Черные развалины словно смотрели на меня. Сквозь меня.

– Может, Лин прав, и мы тратим время зря.

– Ты бы не смог предотвратить это.

– Не смог бы, – согласился я, – но в наших силах не допустить повторения.

Мы оба понимали, что это ложь. Прямо сейчас где-нибудь в Пространстве Наугольника съельсины уничтожали другую планету.

Я закрыл глаза, прячась от темноты, но лишь обрел иную, еще более глубокую тьму.

Глава 2

Спящие и неприкаянные

Холод. В кубикULE всегда стоял холод. Иней покрывал пол и обрамлял силуэты яслей, в которых спали наши демоны. Ветер из вентиляционных отверстий что-то зловеще нашептывал, и меня пробрала дрожь, даже несмотря на униформу. Я проводил в этой камере много времени, особенно до заварушки на Фаросе. Это место напоминало мне семейный некрополь под Обителью Дьявола, где в погребальных сосудах хранились глаза, мозги и сердца моих предков. Быть может, поэтому я испытывал здесь некое мрачное умиротворение. А может, дело в холоде. После целой вечности на тропическом Эмеше мне пришлось по душе лютый мороз и тишина. Ни звука, кроме гула машин, моего собственного дыхания и похрустывания льда под сапогами.

Здесь, в промозглых склепах, спали сьельсины, зависшие между двоичными ударами пульса, словно вурдалаки в ожидании кровавой луны, когда можно будет восстать из мертвых и снова напиться человеческой крови. Выжившие с разбившегося на Эмеше корабля. Всего одиннадцать. Скрестив руки на груди, чтобы согреться, я прошел вдоль капсул, углубляясь в кубикУлу. Воздух стал еще морознее. На каждой капсуле были написаны имена: Этанитары, Оанаторо, Сватаром, Танаран. У яслей Танарана я задержался, пощупал пальцами заледенелую поверхность. Их командир. Какой-то жрец, насколько я мог судить, или, по крайней мере, нобиль. В ясли он улегся добровольно, согласившись с моим планом.

– Почти добрались, – произнес я, представляя, что существо может меня слышать, и отвернулся.

Где же капитан Азхар? Хлыст уже должен был сообщить ей о моем возвращении. Лампочки на яслях успокаивали приятным голубоватым светом. Никаких проблем.

– Скоро будете дома, – добавил я.

– Вы все еще в это верите?

Я едва не подскочил как ужаленный, а обернувшись, увидел женщину, но не ту, которую ожидал. Передо мной стояла Валка Ондерра Вхад Эдда. Вопреки всему, что мы пережили после Эмеша – и отчасти из-за этого, – мне снова стало больно при одном только взгляде на нее. Тонкая, бледная, словно вырезанная из хрусталя, с пронизательными глазами. Не подумайте, я не хочу сказать, что она была хрупкой. Скорее наоборот – при встрече она могла вас ранить. Со мной это случалось всякий раз.

Она была тавросианкой, потомком древних траватскаров, бежавших из нордских колоний на Ганимеде. Косторезы, формировавшие генетический код, создали ее похожей на Афину Палладу. Высокая, прекрасная, суровая. Ее темно-рыжие волосы казались черными, как мои, и эта чернота до красных на свету, огненных проблесков контрастировала с морозной белизной кожи.

– Я в этом совсем не уверена, – сказала она с улыбкой, но ее золотистые глаза остались холодными.

Потерев ладони, чтобы согреться, я подошел к ней:

– И вы туда же...

– Простите?

Брови Валки вспорхнули в изумлении.

– Я только что говорил с Лином. Он по-прежнему считает, что мы попусту тратим время.

– А-а...

Казалось, она не ощущала холода, хотя была одета всего лишь в брюки и длинную рубашку с изображением черепов и какой-то тавросианской надписью.

Заправив густую прядь волос за ухо, она сказала:

– Адриан, по-моему, он прав.

Поджав губы, я прошел мимо нее в коридор. Внутри «Бальмунга» было темнее, чем на «Фараоне», – кругом черная глазурь и отполированная латунь. Соларианский стиль. Этот в прошлом имперский эсминец в какой-то степени все еще оставался таковым. Он был гораздо старше двух других кораблей Красного отряда.

Валка последовала за мной.

– Мне нужно продолжать исследования, – сказала она. – Я хочу поговорить со съельсинами, а Лин не позволяет их будить.

– Понимаю, но бессилён помочь.

– За все эти годы мы не узнали ничего нового. Я...

– Валка, я прекрасно вас понимаю.

Зачем? Зачем она вываливает это на меня сейчас, когда я едва покинул фугу?

Не оборачиваясь, я прикрыл лицо руками и постарался объяснить:

– Я же только что проснулся. Этот разговор может подождать?

Спиной я почувствовал ее прожигающий, словно лазером, взгляд. Мне даже показалось, что запахло паленым.

– Подождать? Сколько уже лет мы не общались?

– Знаю, – повернулся я к ней.

Эти годы прошли довольно удачно. Валка спала в фуге больше моего. Мы заработали репутацию надежной военной компании. Но путь к Воргоссосу был долог, а мы так и не получили подтверждения тому, что планета в самом деле существует. Сомнениям и разочарованию Валки имелось оправдание.

Я отвел ее в альков, где тускло светились наблюдательные мониторы, и сказал:

– У нас есть наводка.

Она хотела было возразить, но я не позволил ей вставить ни слова:

– Бассандер лично меня разбудил. Говорит, Отавия послала Бандита на планету, и тот нашел человека, который выведет нас на экстрасоларианцев.

Валка изменилась в лице. Слабая улыбка тронула ее губы.

– Это правда?

– Была бы неправда, я бы все еще спал. Лин хочет, чтобы я тоже высадился. Ему без меня никак.

– Вот это уже похоже на правду, – скорчив гримаску, пошутила она и одарила меня такой улыбкой, что земля качнулась под ногами.

Договариваться с Валкой было все равно что бороться с бурными волнами, а привязанность, которую я по-прежнему к ней испытывал, змеей вилась в моих внутренностях и еще сильнее усложняла дело.

– Хорошо выспались? – спросила она с интонацией, которая вернула нас обоих на твердую почву.

– Быть замороженным не так тяжело.

Впрочем, я понимал, к чему она клонит, и покачал головой:

– Меня снова преследовали кошмары, когда я просыпался...

Доктор Окойо говорила, что при выходе из фуги у многих возникают галлюцинации. Подкорка мозга пробуждается быстрее, чем основное сознание. Миндалевидные тела. Гипоталамус. Механизмы памяти и мотивации. Страх.

– ...Я снова видел Борделона. Его смерть. Гиллиама. Уванари.

Последние двое умерли от моей руки: Гиллиам – на поле белой травы в Боросево, Уванари – в мрачных казематах Капеллы. С Борделоном было иначе. Управляя «Фараоном», я

сжег его корабль дотла. Потом несколько недель перед глазами стояло, как голограмма сначала бледнеет, затем отключается...

Слушая, тавросианка склонила голову. Мне показалось или она жалеет меня? Ее ладонь легла мне на плечо, и пальцы заботливо сжались. Нет. Беспокоится. Не жалеет.

– При разморозке пробуждаются старые воспоминания, – сказала Валка. – Мусор. Пройдет.

– С вами тоже такое бывает?

– Мои воспоминания, анагуан, хранятся не в голове, – постучала она себя ноготком по виску.

Я сглотнул. Валка, будучи родом не из Империи, в отличие от меня, не испытывала ужаса и отвращения перед машинами. Более того, позволяла им менять свое тело и разум. На Тавросе, откуда она прибыла, такое в порядке вещей. В глазах Святой Земной Капеллы она считалась демониаком. Я же принимал ее за колдунью, которые часто встречались в написанных моей матерью операх. Но она не вызывала во мне страха. Ее увлечение запретными устройствами и познания в технике трудно было переоценить: сначала – на Эмеше, затем – на Ардистаме и Фаросе. И в будущем – тоже.

– Я справлюсь, – сказал я, желая поскорее сменить тему.

Валка, как и все тавросиане, не одобряла насилия. Они развили старинный и довольно странный способ разрешения конфликтов – детант. Каждый тавросианский клан обладал арсеналом, способным полностью уничтожить соседей, поэтому любая стычка грозила стереть с лица земли всю конфедерацию. А еще нас сумасшедшими называют...

– Если наводка Бандита подтвердится, я снова поговорю с Лином, – продолжил я. – Попробую добиться разрешения разбудить кого-то из Бледных.

– Командира, – ткнула меня пальцем в грудь Валка.

– Постараюсь.

Она снова улыбнулась, но улыбка вышла натянутой. Усталой. Черт побери, мы все устали. Даже когда ты в фуге, сорок восемь лет – приличный срок, а я двенадцать из них бодрствовал. Прощаясь с сэром Олорином Милтой на космодроме Боросево, я воображал, что выполню миссию за несколько месяцев. Как же мало я знал о космических путешествиях!

– Адриан, мы прошли долгий путь. – Валка отступила, прислонившись к стене. – Но я же ученый – я не солдат. А это работа для солдат, – печально усмехнулась она.

– Не навсегда. Когда найдем съельсинов, у нас будет чем заняться.

С тех пор как мы покинули Эмеш, я обучил Валку языку ксенобитов. Она оказалась весьма способной и с феноменальной скоростью усвоила синтаксис, склонения и сложную, полную половых различий речевую систему. Подозреваю, здесь не обошлось без подключенного к ее черепу деймона.

– Ну что вы, Адриан, – отмахнулась она.

– Не успеете глазом моргнуть, как сможете общаться с ними лучше меня. Я уже много лет не практиковался, – решил подбодрить ее я.

Это сработало. Валка расплылась в дразнящей улыбке и сказала:

– Я уже говорю лучше вас. Но на всякий случай не мешало бы нам еще позаниматься.

Согласившись с ней, я направился из алькова в мерцающую тьму коридора. С потолка лился яркий белый свет, и мы отражались на полу и стенах, как в кривых зеркалах.

Миновав холл, мы вышли в проход с низким потолком – издержку стреловидной конструкции «Бальмунга». Щелеобразные, не шире моей груди, иллюминаторы из укрепленного алюминия тянулись по внешней стенке корпуса. Вдалеке я мог различить очертания похожего на кинжал с чересчур массивной рукоятью «Фараона», с мостиком и шпилем, наподобие гарды.

– Вас Хлыст привез? – спросила Валка. – Столкнулась с ним в коридоре.

Я остановился, взирая сквозь темноту на соседний корабль.

– Да. – Я почти прижимался лицом к стеклу. – А где «Мистраль»?

– На низкой орбите, – ответила Валка. – Говорят, Корво отправила в Арслан команду, но в подробности меня не посвящали.

Она посмотрела на меня, прищурившись, и добавила:

– Кажется, Джинан мне не доверяет.

Позднее я узнал, что Арслан был новым городом, отстроенным колонистами, выжившими после вторжения сьельсинов.

– Почему? – спросил я, отвернувшись от иллюминатора.

Мне было хорошо известно, как Джинан относится к Валке. Джаддиане, и она в их числе, в своем недоверии к машинам могли посоперничать с самыми набожными имперцами. Но я подозревал, что здесь замешано что-то еще. Нечто более древнее, глубинное, сокровенное. Нечто неизъяснимое – женское.

– Да так, ничего особенного, – равнодушно пожала плечами Валка. – Просто...

– Вот и он! – прогремел мужской голос. – Личико не обжег, твое величество?

Из-за угла появились двое в униформе Красного отряда с золотыми полосками на левых рукавах, указывающими на ранг центуриона. Старшим в парочке был Паллино – прожженный ветеран с кожаной повязкой на одном глазу, сорок лет прослуживший в Имперских легионах. Но громогласно басил, словно издавая грохот от столкновения двух валунов, младший – Гхен, высокий, крепкий, как бронированный шаттл, темнокожий, лопоухий и бородатый.

Валка осеклась и обернулась. Я шагнул вперед и обнял здоровяка:

– Если б обжег, Гхен, стал бы чертовски милее тебя.

Он ухмыльнулся в притворном гневе:

– Ох и врезал бы я тебе, если б ты не мнил себя императором всей известной Вселенной!

– Только попробуй!

Все, и даже Валка, рассмеялись.

– А Хлыста где потеряли? – спросил я. – Он должен был отправиться к Джинан, пока я проверял наш... груз.

Гхен отстранился от меня, и Паллино пожал мне руку, внимательно глядя единственным голубым глазом:

– Капитан ждет в подфюзеляжной обсерватории. Мы с бычком решили тебя сопроводить.

Тут он обнаружил присутствие Валки, стоявшей со стороны пустого глаза, и поклонился:

– Госпожа доктор, не заметил вас.

Она поприветствовала его, и Паллино снова переключил внимание на меня:

– Как поживает наш мандарийский сукин сын?

– Лин-то? – хмыкнул я. – Как обычно. Хочет развернуться и воссоединиться с флотом.

Считает, мы тут ерундой занимаемся.

Поразмыслив несколько секунд, Паллино произнес:

– Знаю я этих типчиков. Ставят принципы превыше долга. Не самое плохое качество, но из-за таких порой люди гибнут.

– Не сегодня, – вмешался Гхен. – Пока не получим весточки от Бандита, никто на планету не высадится.

Валка недоумевающе моргнула и скрестила руки на груди:

– Даже тебе об этом известно?

Гхен пожал плечами:

– Я был на мостике, когда Корво выходила на связь. Не думал, что это такая уж тайна.

Иначе зачем мы вообще здесь?

Я жестом приказал обоим замолчать.

– Так, значит, капитан в обсерватории?

Гхену не понравилось, что его затыкают, но он примирительно поднял ладони:

– Так точно, сэр. Изучает рапорты.

– Тогда мне сразу туда, – сказал я и зашагал по коридору.

– Мы с тобой! – воскликнул Гхен.

В отсутствие Хлыста мне, вероятно, полагалась охрана. Но «Бальмунг» – и Мейдуанский Красный отряд – были моим домом. Я был дома и потому, со смехом развернувшись, сказал всем троим:

– Нет нужды. Я знаю дорогу.

* * *

Подфюзеляжная обсерватория располагалась в небольшом помещении на корме «Бальмунга», втиснутом между бронированными панелями. Когда те были открыты, посетители обсерватории могли разглядывать ослепительную темноту космоса через стеклянный купол. Изначально помещение было предназначено для конференций, но сейчас туда мало кто заходил. Капитан Красного отряда Джинан Азхар – она же лейтенант джаддианской армии, а главное, мой капитан – сидела одна за круглым столом для совещаний спиной к выходу.

Снизу, сквозь стеклянный геодезический экран под платформой, выглядывал коричневый глаз планеты. Рустам находился к нам солнечной стороной: я видел охряные поля, бурые горы под ледяными шапками, желтые моря, а кое-где даже пятна зелени. Не самая красивая планета, но по-своему привлекательная. Бессмертная, неизменная, безразличная – почти что материальное божество. Впрочем, не совсем так. Шрам длиной в полсотни миль, будто выжженный каленым железом на поверхности планеты, никуда не делся. Мне мысленно представилось, что могло нанести такую рану: плазменные пушки, стержни, нечестивая сила и пламя Разрушения.

Я шагнул вперед. Джинан вздрогнула:

– Решил незаметно подкрасться?

Ее худые плечи под эполетами напряглись.

Именно это я и собирался сделать. Не знаю, как она меня услышала.

– Конечно нет! – солгал я, прижав ладонь к сердцу, словно оскорбленный таким предположением. – Я бы никогда так не поступил.

Еще как поступил бы! И уже поступал.

Джинан собрала кристаллобумаги в стопку и подвигала туда-сюда голографический проектор.

– Знаешь, – заметил я, – капитану корабля не следует сидеть спиной к выходу...

Она развернулась, вставая, и ее улыбка отбила у меня всякую способность ерничать. Даже головная боль почти прошла, и я сам невольно разулыбался как идиот.

Пока я спал, Джинан ничуть не изменилась. Ни на йоту. Все такая же высокая – признак благородных кровей, – даже выше меня. Все тот же медный оттенок смуглой кожи, типичный для представителей правящих джаддианских каст. Будь я поэтом, сказал бы, что она сложена как танцовщица, стройная и ладная. Но это было бы ложью, как, впрочем, и все стихи. Она действительно имела точеную фигуру и мягкие черты лица, но ее большие темные глаза и лазурная лента в черных волосах могли ввести в заблуждение.

Уже более тридцати лет Джинан была солдатом. Командиром джаддианского отряда, одолженного нам сатрапом Калимой ди Сайиф. Формально она подчинялась коммодору Бассандеру, но фактически их статус был равным. А вот для меня она значила гораздо больше.

Я видел шрамы на ее теле, которые не видел больше никто. Старая ножевая рана на груди, тонкий след от плазменного ожога на левом боку, пулевая рана высоко – очень высоко – на внутренней стороне бедра.

– Что с тобой? – спросила Джинан.

Я вдруг понял, что замер разинув рот на добрых десять секунд. Не отвечая, я обнял ее. Все равно что заключил в объятия завернутую в бархат железную статую. Мы стояли молча, и, если бы не легкий жасминовый аромат ее волос, я решил бы, что и дышать перестал.

– Я скучала по тебе, *mia qal*.

– А я – по тебе, капитан. – Я отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза. – Ты давно проснулась?

Джинан покосилась в сторону:

– Месяца два назад. Алессандро разбудил меня, как только мы вышли из варпа. – Она обвила меня рукой за шею и прижалась лбом ко лбу. Ее голос звучал мягко, с придыханием, почти шепотом. – Я хотела разбудить тебя раньше, но Лин и слышать об этом не желал.

– Зато теперь...

Она не дала мне продолжить. Поцелуй был долгим, нарушающим все принципы профессиональной этики; ее пальцы вцепились мне в волосы. Я крепко прижал Джинан к себе, и на этот миг мы забыли о Тьме, о мрачных реалиях нашей миссии и о раненой планете под нами. Вы знали, что джаддианский бог – покровитель огня? Это правда, и искры его тайного пламени горели в Джинан, как и во всех женщинах этой загадочной страны. За это я любил ее, что бы о ней ни говорили... и что бы с нами ни случилось.

У мандари есть выражение: «Для любовников редкие встречи словно бурный поток». Не помню, кто из поэтов так сказал, но ведь стихи всегда содержат толику истины.

Наконец – не знаю, сколько времени прошло, – мы с Джинан отстранились друг от друга. Она облокотилась на поручень у края платформы так, что планета Рустам осталась у нее за спиной и под ногами. Я был неописуемо рад, что мы не на «Фараоне». Даже подумать страшно, что съязвил бы Бассандер, если бы нас увидел.

– Да ты практиковался! – с укоризной заявила Джинан, крутя пальцами кончик голубой ленты в волосах. – *Udhreha!* Кто она?! – И с улыбкой отвела взгляд.

– Ты ее не знаешь, – шутливо ответил я, усаживаясь в кресло рядом с командирским. – Она не местная.

Джинан фыркнула, садясь рядом, и, придвинувшись ближе, прижалась щекой к моему плечу. Я обнял ее, и мы довольно долго просидели в тишине. Забытая на время мигрень вернулась с новой силой. Я зажмурился:

– Окойо была права. Нельзя сразу вскакивать. Голова вот-вот треснет.

– Ты вечно спешишь. Съельсины куда не денутся. – Джинан хорошо говорила на стандартном языке, но в несколько старомодной манере, приятно сочетающейся с ее акцентом.

– В общем-то, да. – Я перевел взгляд на стол, обратив внимание на медленно вращающееся голографическое изображение звездной системы Рустама и доклады о вторжении съельсинов, полученные из местной инфосферы. – Это тот, кого мы искали?

Я вытащил досье из-под карты города Арслана и взглянул на фото. Круглолицый, совершенно безволосый коротышка с глазками-буравчиками и жадной ухмылкой. Изображение было расплывчатым, кадр пойман с большого расстояния и при плохом освещении. Я не знал, был ли снимок сделан Бандитом или получен из уцелевших архивов местной полиции.

Джинан вытянула шею:

– Да, это Самир. Похож на гомункула.

– Возможно, так и есть, – нахмурился я. – Джинан, мы сильно углубились в Вуаль. Здесь нелегко понять, что есть что. – Я тут же пожалел о своих словах и встряхнул головой. – Ну и гнусная же рожа! Бандит уверен, что это тот, кто нам нужен?

– Карим, – ответила Джинан, называя Бандита настоящим именем, – не сомневается, что этот Самир может привести нас на экстрасоларианца. Они встречались несколько раз. Прохвост... как у вас говорится? КрадетсЯ, но... как мышь?

– Робок? Пуглив? – Я отложил папку. – Если он преступник, осторожность вполне естественна.

– Это так. – Джинан отодвинулась и заново перемешала бумаги на столе. – Бандит справится.

Я опустил голову на столешницу, прижавшись лбом к холодному черному стеклу. Джинан встала и принялась складывать поближе папки и инфокарты, до которых трудно было дотянуться. Пока она работала, я не шевелился.

– Бассандер с Валкой считают, что игра не стоит свеч, – сказал я наконец.

– И ты тоже так считаешь, – ответила Джинан, – раз называешь это игрой?

Я затылком почувствовал ее тяжелый взгляд и выпрямился, потирая лицо:

– А это не так?

Джаддианка не ответила, и я скользнул глазами от нее к моему собственному отражению в мутном стекле стола. И хотя я был утомлен, да и несколько часов назад меня вообще нельзя было считать полноценно живым, выглядел я неплохо. От тонкого юноши с Делоса не осталось и следа; его заменил поджарый пройдоха – добровольный мирмидонец, заключенный, переводчик со съельсинского, лорд-комендант Мейдуанского Красного отряда. Резкое, ястребиное лицо превратилось в горделивый орлиный профиль, обрамленный густыми черными волосами, с челкой до подбородка. Надо бы подстричься.

– Скажи, что они не правы. – Я видел, как мои губы произносят слова. Слова исторгались как будто из другого меня, не из коменданта Красного отряда или хозяина Обители Дьявола, а того, кто лишь носил эти маски. Из моей души, из настоящего Адриана.

Подперев голову ладонью, я посмотрел вверх.

Джинан держала стопку бумаг у бедра. Уголки ее рта были чуть опущены. Она выглядела так, словно собиралась сообщить больному родственнику плохие новости от врача. Но вместо этого она отложила бумаги и снова села. Взяла меня за руку. Одна, безымянная часть меня почти мгновенно исцелилась, а вот другая пригорюнилась, услышав ответ:

– Их позиция мне понятна.

Закрыв глаза, я отвернулся:

– Ясно.

Джинан сжала мою руку:

– Не волнуйся о Лине и тавросианке.

Будь у меня другое настроение, я бы усмехнулся. Джинан никогда не называла Валку по имени. Мой капитан была умна, а я был с ней честен, рассказав все о прошлом и о сложных чувствах к Валке Ондерре.

– Мы прошли долгий путь во Тьме. Нам непросто, и конца пока еще не видно. – Она улыбнулась, откинув короткую косу за плечо. – Но я не готова сдаться, *mia qal*.

Во всей Галактике не нашлось бы лучших слов, чтобы исцелить меня в тот миг. Это было славное, невинное время между двумя бурями, но небеса уже мрачнели. Джинан поцеловала меня в щеку и встала, увлекая за собой. Не желая расставаться, я покорно проследовал из обсерватории в ее каюту и постель.

Глава 3

Погребенный город

Космическая тьма уступила место небу цвета старых сливок. Входя в плотные слои атмосферы, наш шаттл заревел от трения. Декада пельтастов, чья серая броня скрывалась под бурыми плащами, стояла в центральном отсеке, держась за потолочные поручни. Я покосился на Хлыста, одетого так же, но с поясом-щитом. Он возился с плазмометом, проверяя воздухозаборник на случай, если резервуары опустеют.

– Подручный Корво встретит нас при посадке? – спросила Приска Гринло, старший помощник Бассандера, по привычке презрительно шуря бледные глаза.

Она прибыла с «Фараона», когда мы уже собирались вылетать. Ее и нескольких других офицеров отправила с нами Райне Смайт, когда мы покидали Эмеш. Менее дотошная и разборчивая, чем Бассандер, она относилась ко мне столь же пренебрежительно.

– Не-а! – крикнул стоявший во главе декады Гхен и тут же пошатнулся, потому что шаттл начал вилить из стороны в сторону.

Я молча смотрел на приближающийся гористый ландшафт за окном.

– Бандит будет ждать в городе, это недалеко, – повернулся ко мне Гхен. – Все еще хочешь, чтобы мы задержались?

Оторвав взгляд от окна, я кивнул:

– Если высадимся всем скопом, местные сразу поймут, что мы военные. Действуем по плану. Я возьму Хлыста, Гринло и Айлекс. Как разыщем Самира и узнаем, где искать Крашеного – если тот вообще здесь, – вызовем вас. А пронюхают, что мы из легионов, пиши пропало.

Гхен наклонился к сидящей напротив меня Гринло и театрально прошептал:

– Лейтенант, это он на вас намекает.

Он ухмыльнулся, оскалив кривые, но белые зубы. От улыбки его смуглое лицо стало весьма обаятельным, впечатления не портил даже рассеченный еще на Эмеше нос. Смешок пробежал по рядам солдат отряда – имперских легионеров и джаддианских альджани. Гринло оставила реплику без ответа.

– Лорд-комендант, я посажу шаттл на окраине города, – сказала Айлекс, в последний момент переведенная в нашу группу с «Мистралья».

Норманка-гомункул сидела в кресле пилота, ее зеленые руки ловко управляли кораблем. Она была дриадой, древним существом, созданным на заре Империи и до Писания. Ее кожа светилась от хлорофилла и выглядела зеленее, чем леса Луина в разгар лета. Айлекс практически не нуждалась в еде, получая все необходимое от солнечного света, и редко покидала свой пост на «Мистрале», проводя все время в возне с приборами под нагревательными лампами.

Снижение резко прекратилось, и на подлете к городу шаттл выровнялся. Предупреждения о безопасности погасли, позволив всем, кто стоял, отстегнуться, а тем немногим, кто сидел, – встать. Я поднялся и достал из подвешного отсека поношенную шинель.

Подойдя к кабине, я обратил внимание на металлический скрежет под ногами и покачивание палубы. Шаттл снижался медленно, по спирали. Айлекс была прекрасным пилотом. Она росла в космосе, на одной из многочисленных станций, окружавших ее родную планету, пока не попала в лапы косторезов, желавших содрать с нее шкуру.

Натянув тяжелую черную шинель, я взялся за поручень прямо за спиной у Айлекс. Сзади подошел Гхен, и я без удивления услышал от него:

– Что за чертовщина случилась с этим городом?

– Это, по сути, вообще не город, – зная, что произошло, ответил я.

– До вторжения здесь вообще ничего не было, – спокойно и размеренно добавила Айлекс.

Под нами тянулись цветущие руины. Кривые купола и наклонные башни сцеплялись, будто старые кости. Они держались на толстых кабелях, покрытых утренней росой, или опирались друг на друга, как усталые люди. Внизу на террасах зеленели растения, понемногу прибирая к земле полуразрушенные остовы гигантских космических кораблей.

– Капитан говорила, что после нападения сьельсинов временный губернатор приказал не трогать корабли, чтобы разместить здесь поселение, – разъяснил пристроившийся в проходе Хлыст. – Я видел пару снимков, но Земля меня побери... – Он осекся и описал рукой символизирующий солнце круг для защиты от зла.

Мы опускались все ниже, и я уже различал мосты и канатные дороги между кораблями. Некогда грузовые и строительные суда казались теперь беспорядочно осевшими горами металла. Город-лагерь Арслан был построен на краю обширной долины, с одной стороны защищенной безымянной горой с ледяной шапкой, и теснился к подножию горы так же, как жители теснились за его стенами.

– Как нечто столь новое может выглядеть столь древним? – задумался я.

Десять лет. Совсем короткий срок для каждого из нас, но вечность для тех, кто все это время трудился. Мы словно глядели на дно океана. Новый город был отстроен без плана, по нужде, и ставшие его основой корабли располагались максимально плотно друг к другу. Если бы не мелкие здания на поверхности гигантских судов, можно было бы подумать, что это захоронение, подобное мифическим костяным кладбищам слонов. Новые сооружения появлялись, как опята на гнилых бревнах после дождя. Тут и там я замечал пролетающие флаеры и шаттлы – гораздо больше, чем в Мейдуа, Боросево или где бы то ни было.

– Диспетчер, вас поняла. Выполняю, – произнесла Айлекс, прижимая плотнее наушник.

Бросив на меня короткий взгляд, она продолжила снижение. Шаттл поравнялся с башнями и столбами дыма, идущими от реакторов старых шахт.

– Эти уже не полетят, – сказал Гхен, рассматривая корабли. – Вон какие у них стрессовые повреждения.

– Они и не были созданы для регулярных полетов, – ответила Айлекс. – Для таких огромных судов любой путь – в один конец. В данном случае – на спуск.

Она была права. Этим гигантам ни за что не подняться в космос. Даже если найти достаточно мощный двигатель, они попросту разломаются под тяжестью собственного веса.

– С Бандитом уже связались? – спросил Хлыст.

– Он предупредил, что будет ждать на «Мураками». Вон на том ниппонском корабле. – Айлекс указала на уродливый угловатый тяжелый космонавигатор длиной в несколько миль и высотой почти в одну. Несмотря на трещины, дыры и глубоко разъевшую фюзеляж ржавчину, корабль величественно нависал над частью города.

– Это не слишком-то облегчает поиски, зеленушка, – заметил Гхен.

Будь ему ведом стыд и будь он хотя бы наполовину растением, то мог бы увянуть от взгляда, брошенного Айлекс. Дриада не слишком жаловала тех, кто обсуждал ее инаковость, и это можно было понять. Но и людям сложно было не обращать внимания на цвет ее кожи, на желто-оранжевые глаза и зеленоватую поросль, заменявшую ей волосы – или корону.

Хлыст протянул руку и дал Гхену щелбан.

– Это еще за что?! – возопил тот.

* * *

После посадки я первым сошел на землю и сразу же укутался в шинель от холода и влажности. Воздух был маслянистым и кисловатым, с привкусом алюминия. Захотелось сплюнуть. Никто не встретил нас на посадочной площадке. Улица за воротами была почти безлюдной, лишь изредка по ней пробегали сгорбленные фигуры под зонтами. Там и сям виднелись люки

и трубы, через которые превращенные в дома корабли извергали в облачное небо пар и вещества похуже. Рыжий солнечный свет, на который я обратил внимание при снижении, сюда не доходил. Небосвод был коричневатым, мрачным, гнетущим из-за смога и осознания того, что город живет благодаря нескольким десяткам атомных космических двигателей.

– Земля и император! – вырвалось у Гхена. – Ну и свалка!

Он натянул на лысую голову капюшон и опустил его пониже, пряча изувеченный нос.

Повсюду над крышами на веревках сушилось белье. Еще выше тянулись канатные дороги, перевоза жителей, мнящих себя слишком важными, чтобы ходить по земле.

– Мне тоже здесь не нравится, – заметила лейтенант Гринло. – Видимость плохая.

Я не знал, соглашаться с ними или нет. Город напоминал муравейник, но я успел заметить компанию детей, гонявших в переулке световой обруч прямо под посадочными платформами небольшого грузовика. Наверху, за рядами мокрой одежды, виднелись гидропонические клумбы, полные свежей зелени. Кое-где даже росли цветы. Люди, как и испокон веков, пытались заставить пустыню зацвести. Однако задерживаться здесь надолго мне все равно не хотелось.

– Подожди, пока мы сообщим о месте встречи, затем приходи с остальными, – сказал я Гхену. – Когда получим конкретную информацию, нам понадобится прикрытие. Мы не знаем, во что ввязываемся, поэтому будь начеку.

Я похлопал здоровяка по плечу, с каждым ударом чувствуя отдачу из-за местной гравитации. Сила тяжести на Рустаме составляла всего ноль целых восемь десятых «же», значительно меньше, чем одна целая и три десятых Эмеша, которые были стандартом и на всех кораблях Красного отряда. Здесь я чувствовал себя сильнее, но более неуклюжим. Нужно было время, чтобы привыкнуть.

– Не нравится мне, что вы наобум пойдете, – мрачно ответил Гхен, барабанил пальцами по спрятанной под плащом плазменной мортире. – Без тяжелой артиллерии и так далее.

– Гхен, мы хорошо вооружены, – ответила из-под капюшона Айлекс. В приграничных системах гомункулы вроде нее были обыденным явлением, но ей все равно не нравилось, когда ее разглядывают.

– Он себя имеет в виду, а не оружие, – заметил Хлыст, кутаясь в плащ.

– Я и есть оружие, – криво усмехнувшись, заявил Гхен, вызвав ответные улыбки у нас с Хлыстом. Старая шутка, но для друзей все равно приятная.

– Ладно, – сказал я, проверяя, надежно ли закреплен в ножнах меч из высшей материи. – Отправляемся. Айлекс, Хлыст, Гринло, готовы?

– Будь осторожен, твое величество. – Гхен полушутливо стукнул себя кулаком в грудь. – Оставь веселья и на мою долю.

– Не отходи от шаттла, пока мы не найдем лейтенанта Гароне, – бросила Гринло, не глядя на здоровяка-центуриона, и направилась к подсвеченным неоновыми лампами воротам. Айлекс зашагала за ней.

Когда они удалились, Гхен заговорщицки шепнул мне:

– Адр, не теряй бдительности. Если она продолжит в том же духе, титул «твое величество» у тебя надолго не задержится.

* * *

Мы шли уже целый час. На улицах прибавилось пешеходов. Громада «Мураками» загораживала небо, погружая город внизу в глубокую тень. Я был не прочь забраться на фуникулер, флаер или любое транспортное средство. Ориентироваться было сложно. В Мейдуа существовало деление на районы и, несмотря на холмистую местность, направление дорог имело четкую логику: улицы и проспекты проложены перпендикулярно друг другу – пусть и не совсем по

Евклиду. Боросево тоже было построено по плану; Белый район делился на кварталы, а в нижних районах каналы располагались радиально или кольцами. Но во Вселенной не сыщешь двух одинаковых городов, и тот, где оказались мы, возводился хаотично, ввиду отчаянной необходимости в крове. Не знаю, как бы мы нашли дорогу, если бы «Мураками» не оказался громаднее всех прочих кораблей.

Еще непривычнее было видеть нарушения имперских правил. На улицах мелькала голографическая реклама, порой высотой с дом. Нас добрых сто метров преследовал косяк неоновых рыб, каждая размером с мою голову. Его спроецировал голоскоп, установленный над входом в большой продуктовый магазин. Следом мы увидели огромную манекенщицу в фосфоресцирующем платье, принимавшую разнообразные позы. Должно быть, она была футов пятьдесят ростом.

Хлыст ориентировался лучше моего. Он продрался сквозь толпу у лапшичного фургона, которым управлял лысый здоровяк в замусоленном белом фартуке, и я последовал за ним. Поодаль я заметил мужчину в шелковом одеянии при двух мечях – ниппонского рыцаря, а рядом с ним – группу в тусклых фиолетово-черных нарядах Дюрантийской Республики, наверняка торговцев. На углу две женщины в красном латексе при нашем приближении задрали юбки. Я почувствовал, что Хлыст встревожился, и мы ускорили шаг. Было что-то неестественное в их раскрашенных белой и синей краской лицах.

Мы добрались до монорельса, тянущегося куда-то к вершинам кораблей-зданий, где над сумраком и смогом нижних улиц виднелись цветущие деревья. Откуда-то – должно быть, из громкоговорителя – вещала капелланская молитва:

Внимайте, отпрыски Земли!
Вас дело жизни ждет!
Оставьте зло и грех в пыли,
самопожертвование – вот
как возродитесь вы!
Что император и Земля
вам дали, чтоб начать с нуля, —
то вера исцелит!¹

Нам пришлось остановиться более чем на минуту, чтобы пропустить вереницу челобитчиков, направлявшихся к зданию с изогнутой лестницей, с вершины которого и вещал этот звонкий певущий голос.

– Внемли, отродье пустоты! Колено преклони!

Хлыст снова изобразил жестом солнечный диск. Так он делал всегда, когда слышал призыв к молитве. Я отвернулся, вспомнив пыточную камеру в бастилии на Эмеше, крест, к которому привязали Уванари, и изуверченных людей на ступеньках святилища и на улицах. Жертвы милости Капеллы.

Таким предстал нам Арслан, погребенный город. Его корабли никогда больше не взлетят, но, возможно, однажды, когда хаос и грязь его рождения будут отмыты, а на улицах восстановится порядок, он превратится в нечто чудесное и загадочное.

Неподалеку от центральной части «Мураками» располагалось подобие площади. Сбоку ниппонского крейсера был сооружен из листового железа и пластика торговый центр. Здесь клубились толпы, мельтешили мужчины и женщины всех мастей. Разговаривали между собой лишь друзья и покупатели с продавцами. Остальные же спешили по делам, как будто люди рядом с ними ничем не отличались от голограмм, мерцавших в витринах магазинов и киосков.

---

¹ Перевод Веры Браун. (Здесь и далее примеч. перев.)

– Вильгельм! – раздался голос, когда мы проходили мимо машины торговца сумками.

Из толпы появился Карим Гароне, одетый в легкий красный кафтан с белым орнаментом «бута». Золотой медальон на шее и бриллиантовая серьга в ухе делали его неотличимым от типичного джаддианского купца.

Он с улыбкой обнял Хлыста:

– Чрезвычайно рад вновь видеть вас, друзья! Адриан! – Он обнял и меня, улучив момент, чтобы шепнуть: – Босс, никак не ожидал.

Мне нравился этот молодой лейтенант. Он был одним из искуснейших фехтовальщиков, что мне доводилось встречать, и шутил не хуже докера. Рожденный в норманском фригольде, сын джаддианских иммигрантов, он был человеком двух миров и одинаково свободно чувствовал себя в каждом из них.

Отпустив меня, он продолжил улыбаться нам, словно радушный дядюшка, встретивший в порту большую родню. Разумеется, он притворялся. По крайней мере, делал вид, что я вовсе не важная персона.

Я похлопал его по плечу:

– Эх, Бандит, сам не думал, что окажусь здесь. – И, окинув взглядом толпу, шепотом добавил: – Где он?

– Самир? – переспросил Карим, почесывая затылок и рассматривая нас. Увидев Айлекс, он улыбнулся. – Недалеко на «Мураками» есть притон для любителей джубалы. Мы встречаемся там через три часа. – Он сверился с устройством на запястье. – Точнее, уже через два с половиной.

– Что тебе о нем известно? – выступила вперед Гринло.

Бандит удивленно воззрился на нее, как будто только что заметил, но затем широко улыбнулся и сказал:

– О Самире-то? Местный, пережил уничтожение Сурена. Бог знает как он попал... – Он покосился на меня. – Давайте-ка найдем местечко поукромнее.

Я кивнул и бросил недовольный взгляд на бледный затылок Гринло. Бандит отвел нас в сторону от лавок, на укрытую металлическими навесами пустую улочку, что шла параллельно борту «Мураками». Гигантская махина горой нависала над нами, приваренные балконы громоздились друг на друга, уходя куда-то в туман. Над головой прогремела гондола канатной дороги, остановившись у платформы пятью этажами выше. Я проводил ее глазами, обратив внимание на покрывавшее гондолу граффити, но не смог разобрать вычурных букв.

– Не знаю ни что связывает Самира и этого Крашеного, ни как они познакомились, – начал Бандит, усевшись на одну из подпорных стенок, удерживающих «Мураками» от крена, подобно корабельным шпангоутам. Порывшись в кармане, он извлек белый бумажный пакет. – Саноранские пираты утверждают, что Крашенный живет здесь уже очень давно. Не могу даже приблизительно сказать сколько. Самир – плебей, и, по его мнению, Крашенный был тут испокон веков... Но я подозреваю, что на самом деле он начал свою деятельность десять лет назад, когда съельсины сожгли Сурен.

Айлекс села рядом с Бандитом, сложив зеленые руки на коленях.

– Логично, – сказала она. – Империя ушла, для торговца оружием теперь раздолье. Под имперским ногтем особенно не разгуляешься. – Ее янтарные, кошачьи глаза пристально следили за Гринло из-под капюшона.

– Значит, хорошо ему тут, – заключил Хлыст.

Сунув руки в карманы, я осматривал кривые постройки, служившие жильем в этой безумной пародии на город, разглядывал ржавые, облупленные фасады и грязные балконы.

– Есть места, которые кажутся краем света, – произнес я. – Они как будто в любой миг могут обрушиться за край, и... – я небрежно взмахнул рукой, – наступит хаос.

– Это еще что за бред? – прошипела Гринло, уставившись на меня.

– Ну-ка повтори! – грозно проговорил Хлыст, надвигаясь на нее.

Я поднял руку и взглянул в глаза суровому имперскому лейтенанту. Она сама была плебейкой – чистокровным человеком, без генетических изменений, с квадратным лицом и массивными скулами. Ее щеки уже начали обвисать, хоть ей не было даже сорока.

– Хлыст, не горячись, – с улыбкой сказал я и обратился к Гринло: – Вы не слишком-то много читаете?

Фыркнув, Гринло отвернулась, выражая неловкое молчаливое согласие. Бандит передал белый пакет Айлекс, и дриада молча достала оттуда конфету. Он с улыбкой протянул угощение Хлысту, но тот отказался.

– Босс, хотите мармеладку? – спросил Карим у меня. – Со вкусом розовых лепестков.

Я взял конфету – сладкий комочек, по консистенции похожий на вязкую глину. Бандит всегда носил их с собой. Думаю, он сам их и готовил на «Мистрале».

– Мне попалась вишневая.

– Быть не может! – ошеломленно воскликнул он. – Я думал, что все съел!

* * *

Запах джубалы похож на вкус кофе: горький, интенсивный, неприятный. Внутри притона, куда привел нас Бандит, все было затянуто дымом, подсвеченным призрачными голограммами, пляшущими, как языки пламени, под заунывное пение ребенка и ситара. В воздухе пахло и другими, более сильными наркотиками: денвой, хилатаром и древним опиумом. На подушках возлежали мужчины и женщины, полураздетые и почти нагие; перед ними стояли столики с кувшинами вина и кружками. Это было не первым и не последним подобным местом, где мне доводилось бывать. Захотелось прикрыть нос платком, как делали придворные нобили, но я тут же вспомнил об интусе Гиллиаме и, преисполненный стыда и презрения, подавил в себе это желание.

Как и говорил Бандит, плагиарий Самир сидел в кабинке в глубине притона, пухлыми руками держа крошечную пиалу с каким-то пойлом. Увидев нас, он улыбнулся улыбкой грызуна, пытающегося имитировать змею. Он был выше, чем я ожидал, и толще, чем казалось по снимкам Джинан. Невероятно тучный, безволосый, он напоминал карикатурные изображения мандарийских плутократов вроде тех, что встречаются в эвдорском театре масок. Мы с Бандитом и лейтенантом Гринло сели напротив него, а Хлыст и Айлекс заняли соседний столик, откуда было удобно приглядывать за нами.

Самир облизнул губы, как будто испачкал их чем-то вкусным. Его птичьи глазки нерешительно метались от меня к Гринло. Поразительно, насколько близко они посажены, – словно в роду у него были циклопы.

– Кто? – спросил он Бандита, кивая на нас с Гринло.

– Самир, это Адриан Марло, – заговорщицки произнес Бандит, наклоняясь над столом. – Комендант-основатель Красного отряда.

Плагиарий покосился на других посетителей, тронул щеку влажными пальцами:

– Да, прийти самому – весьма отважный поступок. Арслан – опасное место. Очень опасное.

– Полагаю, это цена, которую вы платите за свои свободы, – доброжелательно улыбнувшись, ответил я. – Упадочное государство вроде баронства Рустам – рай для людей типа нас с вами. – Я почувствовал, что Гринло покорило это мое маленькое предательство. – Карим поведал вам суть наших интересов?

Самир так сильно прищурился, что его близко посаженные глаза стали похожи на чернильные кляксы или пуговицы, пришитые вместо глаз набивной кукле. Отсутствие на этом

лице бровей уменьшало шансы прочесть эмоции. Наконец он кивнул массивнойловицей и сказал:

– Да. Разумеется. Вы ищете встречи с ним. – Последнее слово он произнес осторожно, как будто оно было хрустальным, ценным, требовало особого обращения и грозило опасностью тому, кто его сказал. – Оружие Самир раздобудет, но что касается ядерного... – У него на мгновение пропал голос, и он отпил из крошечной пиалы. – За такое Империя спалит нас дотла. Черные жрецы не дремлют, несмотря на смерть баронессы. Они по-прежнему чтут свои заветы и хранят тайны.

Потемневшие как ночь булавоочные глазки Самира расширились.

– На территории Империи только палатинским домам позволено иметь ядерное оружие, – тихо согласился я; мои слова потонули в вое ребка.

Бандит застучал по столу костяшками пальцев, привлекая наше внимание.

– Неплохо бы договориться о передаче во время гелиопаузы.

– Это ему решать, – ответил Самир.

– Крашеному? – вставила Гринло.

Самир присвистнул и сделал какой-то жест рукой:

– Не произносите его имя. – Он огляделся, словно ожидая появления из толпы наркома-нов префекта или кого-то не менее зловещего. – У жрецов глаза повсюду, даже там, где нет камер.

Я потупил взгляд и встряхнул головой, чтобы взбодриться. Наркотический дым усып-лял и отуплял. Мой палатинский метаболизм вскоре поборо-л бы эффект, но я беспокоился за Гринло и Бандита.

– Значит, Капелла здесь заправляет? – спросил я.

– И городские префекты, кому удалось спастись из Сурена. Обязанности консула возло-жил на себя некий Дживай, но ходят слухи, что он под каблуком Капеллы. Того, что от нее осталось.

Показалось, что Самир хочет сплунуть, но вместо этого он улыбнулся, продемонстриро-вав мелкие зубы:

– Ее хватка еще не столь прочна.

– Определитесь уже, – процедила Гринло. – Везде у них глаза или нет?

– Девица! – нахмурил лоб плагиарий. – Осторожность никогда не бывает излишней. Если вы хотите встретиться с ним, следует проявлять бдительность. Им неизвестно его местонахож-дение – это хорошо. Но они знают о нем... расспрашивают. Расспрашивают Самира. Люди, которые не те, за кого себя выдают.

Он посмотрел на меня, как змея на мышь. Я ощутил беспокойство, хотя ладонь лежала на рукояти меча, дарованного мне сэром Олорином.

После некоторых раздумий он продолжил:

– Господин Марло, вы похожи на палатина. Взрощенного в холодном репликаторе какого-нибудь замка. Простые люди не могут похвастаться такой кожей. – Он поднял палец, будто желая потрогать мое лицо. – Даже те, кто всю жизнь провел в космосе, не отличаются такой бледностью.

Я схватил его за запястье прежде, чем он дотронулся до меня, и встретил его взгляд. Самир грустно улыбнулся, но не оскорбился. Я медленно положил его руку на стол и отпустил.

– Вы ведь из Империи? – спросил он.

– Родился там, – ответил я, вытирая пальцы о брюки. Кожа Самира была склизкой на ощупь. Я словно в какую-то гадость вляпался.

Напряжение Гринло было заметно, а вот Бандит лишь непринужденно рассмеялся:

– Самир, а откуда у нас, по-твоему, деньги?

Он широко улыбнулся нам с плагиарием и хлопнул меня по плечу.

– Мой отец управлял шахтами на Делосе, – честно сказал я. – В основном урановыми. Имел монополию на торговлю с мандари. На меня открыта кредитная линия, но никаким иным наследством я не обладаю.

Я рефлекторно дотронулся до шрама от ожога вокруг левого большого пальца. Когда-то я носил серебряный перстень с сердоликом, на котором был вырезан герб моего дома – надменный дьявол с трезубцем. Я расстался с ним много лет назад; выбросил на Эмеше после того, как перстень навлек на меня неприятности и привел к дуэли с Гиллиамом из-за Валки.

Самир вытаращил свинячьи глазки:

– Монополия? Соларианский престол не раздает такие привилегии кому попало. По какой причине отпрыск такого дома стал пиратом? Самир в недоумении.

Настала моя очередь улыбаться. Я показал зубы, как это делают сельсины:

– Пускай Самир недоумеваает сколько угодно. Я пришел по делу. Мне нужно встретиться сами знаете с кем.

Плагиарий ответил улыбкой на улыбку и провел рукой по лысине:

– Не нравишься ты мне, аристократ. Не люблю нобилей, даже отверженных семей. Вы все думаете, что лучше других, раз вас не вытащили из чрева женщины. – Он покосился на Бандита, словно ища поддержки. – Но во всех вас сидят демоны. Кто-нибудь рано или поздно захочет с тобой разобраться.

Моя улыбка не дрогнула.

– Значит, вы отказываетесь от моих денег?

– Вовсе нет, – ответил Самир. – Деньги – вещь нужная, и не в моих, и не в его интересах отвергать столь... благородного клиента. Я отведу вас к нему.

В бабушкином зверинце я видел, как волки устрашают друг друга, показывая мощь и клыки. Это делал и Самир. Он был хищником, пытавшимся меня запугать. За внешней мягкостью неплохо скрывалась его истинная сущность, но я все равно это заметил. И не отступил, ибо нельзя отступать перед таким вызовом и при этом продолжать называть себя мужчиной. Мне было тридцать пять, как Данте, когда того изгнали из Флоренции, – середина жизни для наших пращуров. Как Данте, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь... и передо мной был пускающий слюнки волк, готовый унести меня во тьму. Где рысь и лев, я не знал.

Вне всяких сомнений, они поджидали меня – и были весьма голодны.

Глава 4

Крашенный

В детстве я насмотрелся материнских опер и потому ожидал, что логовом Крашеного окажется какой-нибудь грязный бордель, ночной клуб или алкопритон. Приготовился увидеть карабины и неуклюжие плазмометы, множество татуированных рож и голых, униженных женщин. И все это под неистовую революционную музыку, синтетический шум, который мне так часто доводилось слышать в подобных заведениях Пространства Наугольника за последнюю дюжину лет, что я бодрствовал.

Увидеть аккуратный чайный домик я никак не ожидал.

Не был я и большим любителем чая. Для палатина такое заявление сродни государственной измене, но врать не стану. Этот домик соорудили недавно наверху большого космического лайнера примерно в милю длиной, что примостился в тени гиганта «Мураками». Были здесь и другие здания, из-за чего лайнер напоминал покрытую морскими блюдечками скалу во время отлива. Искусственные террасы превращали подветренную сторону старого корабля в подобие ступенчатого холма, поднимавшегося к району, застроенному небольшими кирпичными коттеджами, чьи белые крыши уже начали трескаться от высокой влажности.

Сам домик был из искусственного дерева, в японской традиции: с подпираемой прочными балками покатой крышей, без излишеств. Он примостился на самом краю корабля, на выступающей высоко над улицей платформе, поддерживаемой приваренными к корпусу стальными опорами.

Внутри нас пригласили две стройные женщины в черной форме. Их волосы – у одной темные, у другой золотистые – были собраны в пучки с деревянными заколками. Самир шел впереди; казалось, его туша округляет стены вокруг себя подобно планете, искривляющей пространство. Следом шагали мы с Гринло. Я ожидал, что в любой момент какие-нибудь громилы преградят нам путь и обыщут на предмет оружия или передатчиков вроде того беззвучного переговорного устройства, что Айлекс прятала под плащом и за удлиненными ушами.

Но никто так и не появился.

Самир молча провел нас через людную центральную комнату, мимо оживленно болтающих веселых завсегдатаев и огромного очага, где персонал варил по-джаддиански кофе в песке.

– Сюда, – позвал он, взбираясь на деревянную лестницу, ведущую на открытую веранду позади заведения.

Был ранний вечер. Неровная утренняя дымка улетучилась, и, несмотря на то что по всему Арслану дымили трубы, рыжее солнце сияло во всей красе, лишь изредка прячась за облаками. На веранде также былолюдно. За маленькими столиками лились беседы, глубоко личные или непринужденные. Один угол отгораживали бумажные ширмы с изображением женщин и птиц. За перилами раскинулся весь город – растянулся, словно только что очнувшийся после фуги человек.

Для персон, предположительно скрывающихся от Империи, Самир с Крашеным выбрали слишком доступное место для встречи. Любой захудалый анагност из Капеллы легко мог направить сюда дрон с камерой. Место вовсе не выглядело секретным. Учитывая количество народа, оно было, скорее, публичным.

Из-за ширмы появились двое, и я почти с облегчением отметил их мускулатуру и черные костюмы. Впрочем, разоружать нас не стали. Мужчины разошлись по сторонам и раздвинули ширмы, чтобы Самир мог протиснуться между ними. Жирный плагиарий перекрывал обзор, и я услышал голос экстрасоларианца прежде, чем увидел его. Высокий, ледяной, тягучий и гнусавый.

– Вот и ты. Привел наемников?

Заметный испуг Самира передался и мне, и я мгновенно остановился. Хлыст едва не врезался в меня, с трудом удержавшись на ногах. Звук голоса заставил нас замереть. Жуткий, жестокий, пропитанный ядом – я готов был представить, что во рту у Крашеного не зубы, а змеиные клыки. Даже голоса съельсинов так не ужасали меня, хотя они и не говорили на языке людей.

Самир ссутулился и поклонился:

– Да, хозяин.

– Так посторонись, мой милый. Я хочу побеседовать с ними, а не с тобой.

Двое подручных Крашеного даже бровью не повели в нашу сторону. Они вообще никуда не смотрели, словно замкнувшись в себе. Я несколько секунд вглядывался в лицо одного, сбитый с толку этой глубокой пустотой. Что за человек мог вызывать такой страх и требовать такого самоконтроля? Подобным поведением не отличались даже телохранители моего отца, а он был самым суровым из всех, кого я знал. Даже Эмиль Борделон, несмотря на всю свою жестокость, не доводил людей до такого.

Самир отступил, и нашему взору предстало лицо Крашеного. Ничего похожего я не видел никогда.

Инмейн. Нечеловек.

Он был гомункулом, как Айлекс, но в то же время совершенно другого пошиба – все равно что сравнивать человека и акулу. Красноволосый, с кожей сродни старому фарфору – прозрачной, с синими жилками. Страшнее всего были глаза – темные, напоминавшие съельсинские. Но пустые глаза ксенобитов чернели, как провалы в горной породе. Эти же были куда омерзительнее: зрачок будто растекся по склере от чрезмерного возбуждения. Крашенный был воплощением упоенного охотой хищника, вызывающего первобытный страх. И он прекрасно это знал, раскрасив себя так, чтобы внушать еще больший ужас. Ни мужчина, ни женщина, а маскирующееся под человека чудовище. Ярко-красные губы выглядели клоунской пародией на джаддианского cortigiano – придворного угодника. Когда гомункул улыбался, видны были зубы – жуткое множество зубов. Я не хотел даже гадать, что за черный маг создал и вырастил это существо. А главное – зачем? Возможно, для какого-нибудь дома плотских извращений где-то на невообразимой планете.

Но теперь он был здесь... на улице, у всех на виду. В чайном домике. Я и представить не мог, как он прошел мимо этих обычных людей и не распугал их. Почему эти обычные люди даже не чувствовали, что он находится рядом, как змея в траве? Я готов был с воплями убежать. Или обнажить меч.

Рука инстинктивно дернулась к кожаным ножам на ремне. Заметив это, Крашенный улыбнулся и протяжно произнес:

– Значит, это ты. – Он закусил губу. – Красавчик.

Улыбка нечеловечески растянулась, обнажив все до единого зубы экстрасоларианца. За алыми губами их пряталось не меньше сотни.

– Марло, так? – Гомункул подал мне бледную, с длинными пальцами руку. Ногти были того же цвета, что и губы.

– А вы, полагаю, Крашенный? – выдавил я, глядя ему в лицо, и пожал зловещую ладонь, заметив под соскользнувшим рукавом вытатуированные глаза.

Гомункул сразу же отдернул руку вверх, над его головой бряцнули браслеты.

– Мальчик, – наставил он на меня палец, – я никто. Запомни это хорошенько.

Он откинулся в кресле, не сводя с меня глаз, и небрежно махнул Самиру:

– Будь любезен, принеси нам чаю.

Жирный плагиарий поспешно удалился за ширму. На мгновение повисла тишина. Наша пятерка осталась наедине с демоном. За его спиной шумел причудливый город. Неподалеку

возвышалась ракета в типичных для Арслана строительных лесах, снизу доверху завешенная голографическими рекламными транспарантами.

– Мессир, – произнес я, не забыв предостережение гомункула, – я Адриан Марло, лорд-комендант Мейдуанского Красного отряда. Самир наверняка доложил о наших потребностях?

Крашенный потер ладони. Изображения безвеких глаз и ухмыляющихся ртов замелькали под фиолетовыми шелковыми рукавами.

– Люди, гм, приходящие ко мне, всегда ищут одного.

Он постучал ногтями по столу и поочередно взглянул на каждого из нас. За его глазами без белков было не уследить, казалось, он одновременно смотрит повсюду. Я однажды читал, что глаза наших предков эволюционировали и приобрели белки специально для того, чтобы всем было видно, куда человек смотрит. Стоит ли удивляться, что затем люди принялись истреблять всех человекоподобных, чьи глаза умели лгать. Этому существу я не доверял.

– Садись, садись, садись! – Гомункул жестом пригласил меня занять кресло напротив. Затем, сообразив, что больше мест нет, развел руками. – Боюсь, твоим маленьким... друзьям придется постоять.

Я сел, почувствовав, что Хлыст приблизился, встав сбоку от меня. Мне не пришлось поворачивать голову, чтобы понять, что это он. Я перевел дух, успокаиваясь после того, как первый раз увидел лицо Крашеного. Нужно было придерживаться заранее намеченного плана. Теперь предстояло поразить существо – задача не из простых – и надеяться, что за жуткой маской скрывается достаточно человеческий разум.

– Мне нужна информация, – сказал я.

На лице гомункула дрогнули мускулы, брови вздернулись. Точное попадание.

– Значит, информация? – потер он щеку. – А Самир утверждал, что вам нужно ядерное оружие. – Он почти по-детски надул кроваво-красные губы, и нарисованные тени под глазами, казалось, потекли вниз по омерзительному лицу. – Не испытывай мое терпение, малец.

Я напомнил себе, что имел дело с тварями и похуже этого. С настоящими нелюдями, с чудовищами. Я остался в живых после встречи с ичактой – вожаком съельсинов. Я победил в воздушном бою Эмиля Борделона. Сражался в Колоссо и несчетное количество раз сидел за одним столом с отцом, известным как Линонский Мясник. Я едва не погиб на улицах Мейдуа и дрался с такими же, как я, мальчишками ночью в Боросево. Что этот гомункул по сравнению с тем, что мне довелось пережить? Страх отступает перед испытаниями, говорят поэты, и, если пройдешь через многое, станешь бесстрашным. Мой опыт опровергает это. Скорее, с каждым испытанием мы становимся сильнее наших страхов. Это все, что мы можем. Должны. Иначе любая ошибка легко приведет к гибели.

– Вы экстрасоларианец, – начал я. – В моих планах – вести дела с экстрасоларианцами. С вашими правителями, кем бы они ни были. Мне нужно их разыскать.

– С моими... – существо обдумало услышанные слова, – правителями.

Гомункул посмотрел на меня чернильными глазами. По крайней мере, мне так показалось.

– Ты понятия не имеешь, кто мы, – улыбнувшись до ушей, сказал он. – Ты ищешь каких-то правителей, не зная, что мы не чертова Империя, будь она проклята. Нет никаких правителей. Ты ведешь дело со мной.

– Ничуть не хотел вас оскорбить, – положив руку на стол, прищурился я и продолжил, изображая обычного капитана наемников: – Оружие – лишь малая часть того, что мне нужно. Я ищу кое-что запрещенное под имперским солнцем. Понимаете?

Манера гомункула тотчас переменилась. Он расслабленно развалился в кресле, на лицо вновь вернулась исчезнувшая на миг чрезмерная улыбка.

– Вот как? – рассмеялся он громким скрипучим смехом, похожим на звук сломанного струнного инструмента, и подался вперед, а его черные глаза стали еще чернее, глядя то на

одного из нас, то на другого. – Как забавно! А о том, что цивилизация на грани краха, ты слышал? – указал он на меня пальцем. – Говорят, имперское солнце стало таким красным, потому что превратилось в сверхгиганта, а сверхгиганты, как известно, рано или поздно гаснут. Ксенобиты жгут города, истребляют жителей миллионами... а тут объявляется потомок чуть ли не старого короля Вильгельма и хочет купить деймонов. В веселые времена я живу.

Вошедший Самир принес чай в металлических кружках и поставил на столик между нами. Я воспользовался секундной передышкой, чтобы осмыслить замечание Крашеного о старом короле Вильгельме. Разумеется, он имел в виду императора, первого императора. Откуда Гомункул узнал, что я из пэров? Известна ли ему моя родословная, или он намекал лишь на мое палатинское происхождение?

– Не совсем так, – сказал я, беря чашку быстрее, чем это сделало существо.

Я был бы не прочь прикинуться торговцем деймонами лишь ради того, чтобы увидеть реакцию Бассандера, но у меня была идея получше. И ближе к истине.

– Насколько мне дали понять, экстрасоларианцы могут удовлетворить весьма... необычные запросы, – пояснил я и, набравшись смелости, добавил: – Вы – наглядное тому доказательство.

Слушая меня, Крашенный улыбался. Алая краска на его губах растянулась, будто извергаясь из кожи, пока улыбка не разошлась от уха до уха.

– Малыш, – хохотнул он, – ты и половины всего не знаешь. И как я вижу, до сих пор ничего не уяснил. Нет никаких экстрасоларианцев. По крайней мере, если проводить аналогию с Империей. У нас нет государств и организаций. Поэтому нет и правителей. Ни богов, ни императоров. Никакой иерархии.

Я покосился на Самира, который пытался прикинуться невидимкой настолько, насколько возможно было с его тушей.

– Значит, никакой иерархии? – Я с трудом заставил себя вновь посмотреть на бледное лицо с жуткой широченной ухмылкой. – То, что вы не платите налогов и податей, еще не означает, что вы свободны и что вас никто не может прижать к ногтю.

– А кому это понадобится? Я бизнесмен. Предлагаю услуги по скромным ценам, – ответил Крашенный, приглаживая красные волосы.

– Так что же это за услуги?

– Мой славный дурачок, ты не пришел бы ко мне, если бы сам этого не знал. – Гомункул повернулся к Самиру. – Ведь мой любезный друг вам все объяснил?

Объяснил. Крашенный вывозил ядерное оружие с заброшенных имперских и норманских баз по всей Вуали и совершал набеги на приграничные склады. Еще он торговал оружием и технологиями калибром помельче. Космическими кораблями, оборудованием для терраформинга и даже страшными деймонами с искусственным интеллектом.

– Так что тебе нужно, если не ядерное оружие? – спросил он, и алая краска стала завиваться спиралями на его щеках. Спирали мгновенно исчезли, снова оставив меня в недоумении относительно того кошмара, что я видел перед собой.

– Мне нужно ядерное оружие, – ответил я, сделав крошечный глоток из чашки и едва не скривившись. – Но не только.

Ситуация требовала деликатности. Я не знал, как назвать то, ради чего мы здесь. Будучи имперским агентом, я не мог прямо заявить, что ищу Воргоссос, и потому сказал:

– Капелла запрещает торговлю ксенобитскими артефактами внутри Империи.

Гомункул резко опустил чашку и прикрыл рот рукой, как будто удивляясь. Одна из татуировок переползла с запястья на тыльную сторону кисти. Из ухмыляющегося рта, такого же как на лице, показался красный язык и тут же исчез.

– Под «ксенобитами» вы подразумеваете сьельсинов? – спросил Крашенный.

– Я коллекционер, – развел я руками. – Один дюрантийский торговец с Фароса сказал, что есть место, где экстрасоларианцы – простите, люди – торгуют со сьельсинами.

Разумеется, это была ложь. Я не знал никаких дюрантийских торговцев с Фароса.

Тут я сообразил, что фокус с вытатуированным ртом служил для отвлечения внимания. Гомункул хотел уклониться от прямого ответа.

Должно быть, мои слова его удивили, потому что он произнес:

– Я слышал... сплетни.

– Воргоссос, – коротко и твердо сказал я. – Раньше я думал, что это миф, но... этот торговец утверждал, что бывал там.

Мне показалось или нечеловеческие глаза гомункула еще сильнее почернели при слове «Воргоссос»? Самир вздрогнул так же, как в притоне, когда я упомянул Крашеного по имени. Хлысту тоже передалось напряжение; я почувствовал, как его пальцы сжались на спинке кресла рядом с моим плечом.

– Воргоссос? Вот это уже пикантнее. – Крашенный вновь разразился зловещим хохотом. – Интересно, как вас, нобилей, выращивают? Вы все такие занятные.

Он окинул взглядом моих спутников и заговорщицки зашептал:

– Тебя интересует секс? За этим не нужно лететь на Воргоссос. Даже к Вечному обращаться не придется. Все можно получить на станции «Март». Возвышенные с радостью одурманят какую-нибудь Бледную, чтобы ты вдоволь наигрался. Говорят, лучше делать это со спящими... иначе они кусаются сильнее моего. – Гомункул клацнул зубами и хихикнул. – Ах, какие же вы, люди, неумные! Впрочем, мы с тобой в равной степени люди.

Во мне смешались все возможные эмоции: отвращение, презрение, злость, снова отвращение. Я зажмурился, чтобы собраться с мыслями, и, решив не заглывать наживку, спросил:

– Что за Вечный?

Гомункул снова удивленно схватился за лицо и отвернулся. Вытатуированные на его бледной коже глаза закрылись и пропали.

– Ищешь Воргоссос, но даже не знаешь его правителя?

– Вы же говорили, что экстрасоларианцы не признают иерархии.

Гомункул вновь рассмеялся и вдруг треснул руками по столу, приподнимаясь. Хлыст и Айлекс сделали полшага ко мне, но Крашенный уже откинулся в кресле и ехидно усмехнулся.

– Видел бы ты себя! – ткнул он в меня пальцем, расплываясь в улыбке, при этом его губы не двигались. – Может, хватит плясать вокруг да около, лорд Марло? Я надеялся, что с твоей-то репутацией ты окажешься куда забавнее. До сих пор не могу удержаться от смеха, когда думаю о том, что ты устроил с людьми славного адмирала Вента...

Гомункул втянул в себя воздух, как будто готов был расплакаться, но вместо этого снова усмехнулся. Алая краска на губах поблекла.

– Хорошо. – Я покосился на Хлыста и Гринло. – Мне нужны координаты Воргоссоса, а также ядерное оружие, о котором мой человек договорился с вашим. – Я мотнул головой в сторону Бандита. – Если вас это устроит, я...

Крашенный вскинул руку. Его длинные алые ногти щелкнули.

– Я не указываю дорогу на Воргоссос. Его могут найти лишь те, кому позволят повелители.

– И почему же? – спросил я, теряя терпение.

Слишком много времени было потрачено, слишком большой путь пройден, чтобы сдаваться. Я надеялся, что Гхен с отрядом поблизости. Айлекс должна была оставаться с ними на связи, готовая отдать команду по моему сигналу.

– Потому что эта планета находится в системе без солнца, а их трудно отыскать. Довольно. – Гомункул глотнул чаю и повернулся к своей ручной жабе. – Самир, дорогой, ты

обещал устроить мне встречу с отрядом наемников, а не с праздным аристократом на каникулах.

– Нижайше прошу прощения, хозяин. – Толстяк поклонился так низко, что я подумал, он упал. – Мне они показались людьми серьезными.

– Серьезней некуда, – сказал я и встал.

Это было роковой ошибкой.

Крашенный поднял руку, и из-за ширм мгновенно появились двое головорезов. Ума не приложу, как они увидели его сигнал.

– Адриан, пора уходить, – впервые за встречу подал голос Хлыст и положил ладонь мне на плечо.

Я сердито отмахнулся, и в ту же секунду меня крепко схватили.

– Гомункул, я пришел торговать.

– Врешь! – Крашенный легко вспрыгнул на стол; его халат затрепыхался на ветру. – Лорд Марло, кончай спектакль. Я позабавился, но теперь с меня хватит. Я прекрасно знаю, кто ты на самом деле.

Он ухмыльнулся мне свысока, его и без того кошмарный рот растянулся за пределы человеческих возможностей. Кивком он дал приказ головорезам, и те потащили меня под громкие возражения Хлыста. Я мысленно порадовался тому, что не полезли за оружием: мой щит был отключен. Мы вышли на людную веранду.

Никто даже не взглянул в нашу сторону. Никто не прекратил беседовать. На улицах Боросево мы привыкли к тому, что человека могут избить на глазах у всех и никто не остановится помочь. Я много раз видел, как бродяг вроде меня мутузили префекты или не обладающие столь высоким статусом бандиты. Руссо ошибался.

– Мне нужно на Воргоссос! – крикнул я, но и это не привлекло внимания.

Четверо моих спутников оценивали ситуацию. Айлекс, надеялся я, успела вызвать Гхена. Нужно было спешить и захватить Крашеного. Я молился, чтобы здоровяк-мирмидонец оказался рядом.

– Мальчик, я много чем занимаюсь, – произнес гомункул, соскакивая со стола и протискиваясь мимо Бандита, уделяя тому не больше внимания, нежели таракану. – Но я не торгую с имперскими шпионами.

На это мне нечего было ответить. Он меня раскусил.

Крашенный встал со мной лицом к лицу, ухмыляясь. Татуировки краснели на его шее, словно сыпь. Открылось скопление маленьких черных глазок. В это мгновение раздался выстрел. Не зычный кашель плазмомета, не простой хлопок лазера, поджаривающего жертву, а грохот обычного огнестрельного оружия. Снайпер. Один из державших меня громил упал, обдав кровавыми брызгами мое лицо и шинель. Мне показалось, что я заметил луч лазерного прицела на окружавших башню-ракету строительных лесах. В тот же миг через перила веранды перескочили полдесятка ведомых Гхеном солдат в темно-серых накидках.

Зрелище было поразительным – не потому, что обыденный мир, чайный домик, вдруг превратился в океан хаоса, а потому, что этого не произошло. Посетители не бросили жевать, пить и болтать. Не перестали смеяться. Вообще ни капли не смутились. У меня тоже не было времени на раздумья. Выхватив меч Олорина свободной рукой, я с разворота двинул эфесом под дых оставшемуся в живых головорезу и нажал активатор. Клинок пришел в действие. Фосфоресцирующая высшая материя засветилась бледно-голубым, как лунный свет, сиянием. Я дернул рукой, просунув палец в петлю для лучшей хватки, и распорол грудь противника до ключицы. Тот упал, и я тут же повернулся к Крашеному. Клинок, на котором не осталось ни капли крови, пел в моей руке, экзотический металл струился волнами.

– Мне не хотелось до этого доводить. Вы окружены, – объявил я. – Сдавайтесь.

Крашенный не улыбнулся, но алая краска на его нечеловеческом лице расплылась в подобие жестокой улыбки, почти достигнув линии роста волос. Тут что-то ударило меня в спину, я пошатнулся, разрезав мечом ширму и перила, как будто те тоже были бумажными. Крашенный ловко метнулся в толпу, которая, как по команде, поднялась. Все мужчины, женщины и дети, которые еще секунду назад мирно ужинали, смеялись и жили привычной жизнью, – они замерли как статуи. Слышны были лишь ветер и ругательства Гхена.

– Я же сказал, – произнес гомункул, постукивая по голове красным ногтем. – Ты понятия не имеешь, кто мы.

Глава 5

Глаза как звезды

Вы когда-нибудь видели покойников? Удивительно, но многие люди – нет. Я помню, как посмотрел на покойника в первый раз – мою бабушку леди Фуксию Беллыгроув-Марло. Я тогда был еще ребенком. С их глазами что-то происходит... даже описать толком нельзя. Как будто спадает давление то ли в веках, то ли в самих глазных яблоках, и глаза перестают быть глазами. Я говорю об этом, потому что свет в глазах любого земного ребенка может многое рассказать о разуме, который кроется за живым взглядом. Это сложно объяснить или описать. Однажды я встречал строеву – дюрантийского андроида-квартирмейстера. Глаза у нее были как у человека, возможно и в самом деле выращенные из человеческих клеток. Но я знал, чувствовал с метафизической уверенностью самого набожного священника, что эти глаза мертвы. Всегда были мертвы. В них не было света.

Глаза посетителей чайного домика напоминали глаза того андроида. Пустые. Стеклянные. Мертвые. Но лица... лица оставались человеческими. Лица мужчин, женщин. С морщинами, с обветренной кожей. Среди них была даже парочка детей, наверняка лишь с целью убедить меня в том, что они живые существа. Не знаю, кем они были на самом деле.

Я щелкнул переключателем на поясе и активировал щит. Меня окутало энергетической завесой. Меч Олорина мерно гудел в руке, удивительная материя струилась, лезвие смещалось по направлению движения.

– Что они такое? – спросил я Крашеного, который стоял, улыбаясь – по-настоящему улыбаясь, – среди своих рабов. – Марионетки? Что вы с ними сделали?

Существо промолчало. Раздался новый выстрел. Я вздрогнул. Один из «посетителей» упал с дымящейся дырой в груди, и все мгновенно переменилось. Не издавая ни звука, толпа ринулась на нас. Должно быть, их было человек пятьдесят. Откинув капюшон, Айлекс проскочила мимо меня, на ходу доставая тяжелый фазовый дисраптор. Она выстрелила, воздух с шипением разрезала молния.

– Ловите этого урода! – прогремел голос Гхена. – Раз, два, три! За мной!

Я увидел, как он указывает куда-то за толпу, заметил фиолетовый плевок плазмы и почувствовал жар даже сквозь щит.

Тут же у меня возникли другие заботы. Двое мужчин бросились на меня. Я отбил и контрвыпадом ударил одного в грудь. Клинок из высшей материи, тонкий, словно из водорода, не встретил сопротивления. Не мешкая я дернул оружие вбок, с легкостью перерубив ребра и правую руку, а заодно и срубив голову соседу противника.

Они не кровоточили. Я двинулся вперед, чтобы ненароком не задеть смертоносным клинком Хлыста, стоявшего у меня за спиной. Улучил момент, чтобы взглянуть под ноги.

– Святая Мать-Земля, спаси и сохрани! – услышал я голос Хлыста.

Первым делом я понял, что зрение меня обмануло. Кровь была, но куда меньше, чем должно быть. Она капала на дощатый пол и утекала прочь.

– Это деймон, – сказал Хлыст.

Я не смог присмотреться внимательнее, потому что пришлось уклоняться от бросившейся на меня женщины. Но я успел разглядеть под плотью металл, перерезанные провода и трубки. На пол лилась и какая-то белая, похожая на молоко жидкость, смешиваясь с кровью. Теперь эти люди были машинами, но так было не всегда.

– Гхен! – крикнул я, взмахивая мечом. – Лестница!

– Будет сделано, твое величество!

Сверху, с башни напротив, полился снайперский огонь. Ребята Гхена. Четыре деймона повалились, искря и мигая пустыми глазами, похожими на глаза ночных хищников. Мимо меня проскочил Бандит с лазерным пистолетом в одной руке и длинным керамическим кинжалом – в другой. Полы его красно-белого кафтана трепыхались на ветру. Враг пятикратно превосходил нас числом, или даже больше, если не считать тройки или четверки Гхеновых снайперов на башне. Но в отличие от «посетителей» мы были хорошо вооружены.

– Где гомункул?! – крикнула Гринло, заменяя пустой картридж плазмомета.

Я огляделся. Крашеного нигде не было. Взрыв от досады, я разрубил еще одного деймона от плеча до бедра. Торс гулко упал, но ноги продолжили шагать, словно в поисках тела. Одна, еще прикрепленная к торсу рука вытянулась, словно указывая ногам направление. Хлыст пинком сбил ноги и расстрелял их. Я достал фазовый дисраптор, проверил настройки. Оглушение. Годится. Времени перенастраивать не было. Я выстрелил в горло деймону, напавшему на Айлекс. Тот мгновенно обмяк и повалился на пол; в тех местах, где в плоть были вживлены провода, кожа начала обугливаться. Должно быть, мне повезло попасть в уязвимое место, потому что два следующих выстрела не возымели над деймонами никакого эффекта.

Хлыст согнулся над плазмометом настолько, насколько позволяло его крепкое телосложение. Осознавая весь ужас ситуации, я сочувствовал ему.

– Машины, – выругался я.

Происходящее никак не укладывалось в голове. Сколько раз я слышал истории об экстрасоларианцах? Сколько раз мне говорили, что они держат рабов, настолько наспигованных искусственными приспособлениями, что их уже нельзя считать людьми? Я в это не верил – и попался в ловушку. Неужели Крашенный с самого начала знал, кто мы такие? А Самир?

Самир.

Куда подевался плагиарий? Я осмотрелся. Толстяк прятался за столом, за которым я сидел еще несколько минут назад. Прищурившись, я пальнул в него из станнера. Если Крашеному удастся скрыться, довольствуемся Самиром.

Гхен с двумя легионерами заняли позицию наверху лестницы. Широкая, отчасти сосредоточенная, отчасти довольная улыбка центуриона была видна издали. Они сражались так, как учил Паллино, как настоящие имперские солдаты: по трое, спина к спине.

Я заметил, что группа «посетителей» собралась вокруг распростертого на полу тела у перевернутого стола. Убрав станнер в кобуру, я на мгновение деактивировал меч Олорина. Высшая материя перешла из кристаллического состояния в газообразное, и клинок обратился в дым. Я стащил с себя тяжелую шинель и отбросил в сторону.

– Ты спятил?! – воскликнул Хлыст, привлекая внимание Айлекс.

Гомункул удивленно покосилась на меня кошачьими глазами.

Я снова включил меч. Он засветился бледным светом, подобным лунному отражению на стали.

– Не подходите.

– Адр, он мертв! – Хлыст сложил два и два.

Нет. Я знал, что он жив.

– Повторяю, не подходите!

Проверив щит, я двинулся вперед. В условиях слабого притяжения каждый шаг получался шире и быстрее, чем я привык за годы жизни на Эмеше. Мои мышцы были крепкими, сильными, как корни старого дерева. За сгрудившимися машинами-марионетками я видел лежащее тело пельтаста, видел кровь. Мало когда во мне вскипала такая отчаянная жажда справедливости.

Во Вселенной существует очень мало веществ, которые нельзя повредить высшей материей. Адамант, длинноцепочечные молекулы нанокарбона, энергетические занавесы статических полей высокого класса прочности. Саму высшую материю. Все, в чем найдется проход

для тончайшего, в атом толщиной, клинка, она разрежет. Против рыцарского меча из высшей материи не устоит ни камень, ни сталь, ни ударопрочная керамика. Такому клинку не нужна смазка, он никогда не затупится и не сломается. Он может принимать любую форму по желанию хозяина и создавать себя из воздуха благодаря какой-то непонятной мне алхимической реакции, превращая ядра привычных элементов в нечто невероятное. Как-то раз я отсек крыло взлетающему лихтеру класса «танагра», одним ударом перерубив углеродное волокно и металлический экзоскелет.

Плоть, даже измененная нечестивыми ритуалами экстрасоларианцев, не была материей. Враги полегли, будто скошенная трава, разлетелись опавшими листьями. Пятеро преградили мне путь. Пятеро пали, разрубленные на кусочки. Я опустил на колено, пощупал пульс нашего бойца. Плоть на его шее как будто разодрали дикие звери. Хлыст не ошибся. Солдат был мертв. Джаддианец, один из команды Джинан. Артур, или Артуро. Я толком его не знал.

В мою ногу с нечеловеческой силой вцепилась твердая холодная рука. У меня перехватило дух, я попытался встать, но не смог. Другая рука потянула меня вниз. Нагнувшись, я увидел, что меня тащит безголовый мужчина с помощью женского торса. То, что осталось от женщины, бездушно, как статуя, навалилось на меня. Ее рот и зубы были в крови. Хорошо помня, что случилось с павшим солдатом, я без труда обо всем догадался. Сапоги мои пропитались кровью и непонятной белой жидкостью. Ко мне со всех сторон ползли расчлененные тела, лезли к ногам, хлюпая в кровавой жиже. Немигающие, словно звезды, глаза женщины впились в меня. Я погасил их ударом меча. Хлыст поспешил мне на помощь, постреливая из плазмомета. Но, даже охваченные рыжим пламенем, тела продолжали ползти ко мне.

Наконец я смог вырваться и, споткнувшись, повалился на стол. Мой меч прошел сквозь него. Стол переломился пополам, и я упал на пол. Тут же на меня взгромоздился безголовый мужчина и потянулся к горлу. В суматохе я выронил меч и никак не мог найти его среди обломков стола. Неожиданно ясно вспомнилась страшная ночь далеко на Мейдуа, когда ребята вытащили меня из помятого контейнера на погрузочной площадке у опреснительного завода, где я жил. Я, как наяву, услышал их хохот, глумливые насмешки, почувствовал чужие прикосновения.

Мои руки копошились среди осколков фарфора и обломков дерева в поисках серебра и джаддианской кожи. Безголовый прижимал меня к полу; покосившись, я увидел синее мерцание в отверстиях на его шее и колышущиеся под напором еще работающих легких обрывки плоти в трахее. Провода, идущие параллельно венам и сухожилиям, искрились, кровь капала на некогда белую деловую рубашку.

Вдруг мне показалось, что я почувствовал серебро. Кожу? Меч? Ухватиться за него не получалось, пальцы не цеплялись за рукоять. Я выбросил колено, ударяя мужчину в пах, но понял, что бить там нечего. Руки марионетки сомкнулись на моем горле. Бассандер был прав. Солдат из меня никудышный. Игра в наемников была, в конце концов, просто игрой. Я больше не увижу Валку, не увижу мою Джинан. В глазах потускнело, и, теряя сознание, я узрел на месте головы врага голову отца, сиреневые глаза которого теперь горели красным, а лицо было белым, как висевшие над дворцовыми дверями погребальные маски моих предков.

Я не успел вовремя найти меч.

Передо мной расцвела вспышка, свет ударил в лицо. Руки, лишившие меня голоса, исчезли. Кашляя и плюясь, я откатился от дымящегося безголового тела, пораженного выстрелом плазмомета.

– Поднимайся, твое величество!

Надо мной склонился Гхен с Эмеша, натянуто улыбаясь. Его серый плащ был порван и заляпан красными и белыми пятнами. Он подал мне руку, и я встал, облокотившись на него. Гхена прикрывали Хлыст и Айлекс. Где Бандит? Оглядевшись, я заметил джаддианца, кромсающего марионетку. А куда подевался Крашеный? Перескочил через перила?

– Ты чуть меня не убил, – тяжело дыша, проговорил я.

Плазмомет пробил в спине безголового дыры размером с кулак. В ранах поблескивали куски расплавленного металла и углеродного волокна, теперь точно мертвые.

– Советую об этом не забывать! – ответил Гхен, хлопнув меня по спине.

Айлекс с молчаливым кивком передала мне мой меч. На ее виске, сразу под деревянистой короной волос, из раны медленно текла черная и густая, как смола, кровь.

– Ты в порядке? – спросил я, кивая на рану.

– Пока не задушили, – с улыбкой ответила Айлекс.

– Мило, – сказал я. – Я это заслужил.

– Еще бы! – проворчал Хлыст, но взгляд его был полон беспокойства. – О чем вы, черт побери, думали?

– Потом разберемся! – крикнул я, отталкивая его. – Айлекс, вызывай шаттл. Нам пора сматываться... вот уже минут десять как. Я оглушил Самира, он у стола.

Если она и ответила, я прослушал. Позади Хлыста поднялся демон, и я поспешно выстрелил из станнера. На машине оставалось достаточно плоти, чтобы почувствовать выстрел и отшатнуться. Айлекс среагировала быстрее всех, выпустив разряд из фазового дисраптора. Оружие было создано для того, чтобы повреждать человеческую нервную систему, но и медь с оптоволоконном поджаривало исправно. Демон упал, дымясь.

– Где гомункул? – повторил я вопрос, которым давно задавался.

Айлекс дернулась при слове «гомункул», но времени извиняться у меня не было.

– На лестнице? – предположил Гхен.

– Вот дерьмо!

Мы побежали, попутно кромсая демонов. Казалось, им нет конца. Пока мы сидели за столом, я не думал, что их так много. Еще один наш солдат с вырванными кишками лежал мертвым. Стиснув зубы, я добрался до лестницы, где оставались Бандит, Гринло и уцелевшие пельтасты. В меня едва не попал выстрел из дисраптора. Обернувшись, я увидел, что это человекомашина подобрала оружие нашего солдата. Защищенный щитом, я бросился на марионетку. У Гхена, Хлыста и других были щиты, а вот у пельтастов не было. Я больше не хотел терять бойцов. Ребята Гхена продолжали снайперский обстрел, и я предполагал, что это не осталось незамеченным местными властями. Впрочем, если верить Самире, властей здесь особенно и не было.

Следующий выстрел пришелся в бедро. Щит рассеял заряд, заставив энергетическое поле вокруг меня ярко засиять. Я даже не замедлился. Если бы не щит, третий выстрел поджарил бы мне грудь и плечо. Я снова активировал меч. В дымке и пыли сражения он светился бледно-голубым. Я махнул им сверху вниз, отрубив марионетке руку с оружием и правую ногу. Следующий взмах перерубил голову и торс, прикончив противника. Развернувшись, я оказался лицом к лицу с женщиной с отвисшей челюстью, она чуть не воткнула мне нож в спину. Меня спас снайпер. Первым выстрелом он остановил ее, попав в руку с занесенным клинком. Против ножа щит был бесполезен; если бы женщина двигалась быстрее, я не смог бы увернуться. Второй выстрел сшиб ее с ног, и я поспешил к лестнице. Внизу была суматоха. Люди спасались кто как может. А вот на крыше еще оставалось больше двух десятков демонов.

– Где чертов шаттл? – спросил я Айлекс.

– В пути, Марло.

Я видел лишь затылок и длинные уши дриады, но по голосу можно было понять, что она очень недовольна.

– А про толстого сукина сына забыли? – указал Гхен туда, где должен был находиться Самир.

Я выругался. Отвоевать подступы к лестнице было настолько важно, что я совсем забыл, что от утешительного приза в лице плагиария нас теперь отделяло два с лишним десятка усиленных деймонами рабов. Мне хотелось закричать.

– Что-нибудь придумаю, – ответил я вместо этого. – Надо дожидаться шаттла, его прибытие сыграет нам на руку.

– Ты провалил дело, – сплюнула Гринло. – Проколотся по полной.

Я оставил ее слова без внимания. Снайперы Гхена сняли еще одного врага. Тот рухнул на пол, скукожившись так, как не под силу человеку. Отдельные конечности поверженных противников еще ползали среди перевернутых столов и битого фарфора.

– Гхен, отправляйся вниз, – приказал я. – Возьми с собой двух бойцов и обеспечь запасной путь отступления. Возможно, придется уходить пешком.

Здоровяк хлопнул меня по плечу:

– Будет сделано, Адр, – и махнул плазмометом двоим пельтастам. – За мной. Вниз, живо. Не заставляйте его величество повторять.

Они поспешно отправились вниз, шурша серыми плащами и стуча каблуками по ступеням.

Гхен называл меня Адром. И это невозможно забыть. Он почти никогда не произносил мое имя. В тот момент я едва обратил на это внимание, но, оглядываясь назад... его слова отчетливо отпечатались в моей памяти, словно вырезанные острым клинком меча.

Времени на раздумья не было, стрельба возобновилась. Снайперы продолжали поливать врага огнем, попутно громя мебель и чайные сервизы.

– Скоро будут! – крикнула Айлекс, судя по всему имея в виду шаттл. Уже что-то.

Рядом с ней Бандит пальнул из лазера в грудь марионетке – молодой женщине, почти еще девочке, – и грязно выругался. Подозреваю, что следующий выстрел он сделал с закрытыми глазами. Я удерживал позицию, поджидая остальных. Мне непросто было это признать, но Гринло оказалась права. Я втянул нас в кровавую заварушку. Я был командиром. Вина за операцию по выявлению нужных сведений и гибель двух солдат полностью лежала на мне.

– Надо притащить Самира, – сказала Гринло.

– Ищешь добровольцев?! – крикнул ей Хлыст, отстреливаясь от врагов.

Его плазмомет загудел, сигнализируя о том, что резервуар с плазмой почти пуст. Оружие кашляло, скорость стрельбы затухала.

Вдруг все стало по-другому. Словно зловещая сила, управлявшая деймонами, изменила намерения. Все два десятка марионеток внезапно замерли, мигая голубоватыми стеклянными глазами.

– Босс, не нравится мне это, – с трудом проговорил Бандит.

Неужели его ранило? В суматохе я даже не заметил.

Он выругался по-нормански и спросил:

– Как там Гхен?

Ему не следовало открывать рта. Накаркал. В тот же миг толпа машин обрушилась на нас, будто гигантская приливная волна по воле луны. Мы не могли стрелять достаточно быстро, чтобы остановить всех. Я шагнул вперед, разрезав ближайшего деймона пополам мечом Олорина. Жидкий металл гудел в руке, крошечные капли бело-голубой высшей материи то отрывались, то возвращались на клинок, следуя по силовым микролиниям, подобно солнечным вспышкам. Отрубив руку еще одному противнику, я начал отступать вниз по лестнице. За мной последовала женщина-пельтаст, и больше никто. Нас теснили четыре марионетки.

– За мной! – гаркнул я во всю мощь натренированных связок. – Красный отряд, за мной!

Не знаю, услышали ли они. Гринло продолжала кричать что-то про Самира. В хаотичной какофонии звуков стрельбы и борьбы потонули последние остатки порядка. Мой меч прорубил

бался сквозь стены и перила, оставляя темные холодные раны в дереве, штукатурке и стали и осыпая ступени кусками вражеских тел.

– Лорд, нам нужно вернуться! – весьма справедливо заметила пельтаст. – Как же остальные?!

Я обо что-то споткнулся. Не о ступеньку – за ними я тщательно следил. Обо что-то мягкое и неровное. Не растерявшись, я мгновенно деактивировал джаддианский меч, чтобы не пораниться при падении. Я молча перевалился через неизвестное препятствие, упав на бамбуковую циновку внизу лестницы. Моя неуклюжесть стоила жизни пельтасту. Оставшиеся машины набросились на нее, и, прежде чем я успел подняться и помочь, она потеряла равновесие под тяжестью двоих взрослых мужчин. Пока я вставал, один впился зубами ей в шею, разрывая плоть, как погибшему наверху солдату. Нужно отдать пельтасту должное: она успела разрядить пистолет в грудь деймону, но обычные пули даже не поцарапали металл или керамику, которые защищали внутренние органы человекомашины. Женщина упала рядом с телом, о которое я споткнулся. Пельтаст, отправившийся с Гхеном.

Гхен.

Я накинулся с мечом на двух марионеток. Первую я рассек без усилий, заодно разрубив пополам и балюстраду. Окровавленного деймона, убившего женщину – я не знал, как звали пельтаста, – я схватил за горло свободной рукой. Пользуясь малой рустамской гравитацией, я легко оторвал противника от пола. Тот ударил меня кулаком; я ответил, разрубив ему грудь острым клинком, и подальше отшвырнул голову с плечами.

Кровь пропитала мою неустойчивую к влаге одежду, стекала на пол. Тяжело дыша, я озирался по сторонам, пытаясь вспомнить, что мне было здесь нужно. Сквозь кровавую пелену я не мог ничего разглядеть, но, отдышавшись, вспомнил, кого ищу.

– Гхен! – позвал я. – Гхен, нам нужна твоя помощь!

Тут я увидел его. Распростертым на полу в вестибюле. Рядом лежали две женщины, что провожали нас к Крашеному, их смешанная с белой жидкостью кровь почти целиком покрывала тавросианский ковер. Они тоже были машинами. Какая-то титаническая сила вырвала им руки и проломила грудные клетки. На Эмеше Гхен был силен как бык, на Рустаме, полагаю, он был как Геракл.

Был...

В спине Гхена дымилась зияющая рана от плазмомета. Но чьего? У деймонов оружия не было, если не считать отобранного у павших солдат. Кто-то разоружил Гхена? И где другой пельтаст? Я ведь отправил с ним двоих.

Во рту появился медный привкус, сухой, густой и неясный. Я опустился на колени и услышал отразившийся от стен освещенного свечами тесного помещения леденящий душу хохот, который слышал несколько минут назад на веранде.

– Этот упорно сопротивлялся, – произнес Крашенный. – Ох, ну и могуч же он был, бедных девочек на куски разорвал, только представь!

«Меня оглушили», – успел подумать я, падая на бок.

Должно быть, гомункул подкрался сзади и выстрелил из станнера в упор, изнутри силового поля щита. Повезло, что я не напоролся на собственный меч, – вот это был бы конец так конец.

Я оставался еще в состоянии вращать головой и глазами. Сзади слышались шаги, и я увидел... второго пельтаста, джаддианку с медной кожей и короткими темными волосами, весьма похожую на Джинан. У меня как будто выбили почву из-под ног. Или из-под бока, учитывая мое положение. Я словно переместился из привычного мира в неведомое загадочное пространство. Почему пельтаст – за моей спиной? Почему у нее в руках станнер?

– Не шевелись, поранишься, – шикнула она на меня и улыбнулась.

Я увидел много, слишком много зубов. Галлюцинация. Иначе не объяснить. Станнер нарушил мое восприятие реальности.

– Спасибо, что пришел за этим увальнем, – сказала она. – Куда меньше мороки.

Улыбка стала шире. Серый плащ и боевая броня растворились в воздухе, как по щелчку выключателя. Голограмма? Под улыбкой обнаружился непроницаемо-черный облегающий комбинезон с маленькими серебристыми линзами по всей поверхности. Джаддианская бронза осыпалась с кожи пельтаста. Я словно зачарованный смотрел, как разглаживаются изгибы груди и бедер, как сужаются плечи, делая фигуру тонкой, бесполой и нечеловеческой. Черные волосы стремительно отросли, окрасившись красным, а белки глаз почернели, будто угли.

Мне улыбался Крашенный. Его губы снова налились алым.

– Ну что, моя ты светлость?

Второго выстрела из станнера я даже не почувствовал.

Глава 6

Путь на Воргоссос

Я раскачивался во сне, подталкиваемый ветром, возвращаясь по волнам Леты из краев куда более дальних, чем сон. Поток баюкал меня, я дремал и не мог пошевелиться, как после выхода из фуги на «Фараоне». Свет впереди померк, как будто мы прошли под аркой или оказались в пещере. Вспомнив тот ужас, что мне довелось увидеть, я резко очнулся и вскочил на ноги, но те не послушались, и я рухнул в глубокое кресло.

– Устраивайтесь поудобнее, лорд Марло. Ходить вы не в состоянии, – прорезал тишину тягучий голос. – Ехать еще долго.

Кабинет, в котором я очутился пленником, – если это был кабинет – затрясся от вибрации чего-то, похожего на трамвай. Напротив меня в углу примостилась пара диванов, рядом стояли стеллажи, аккуратно уставленные бутылками и информационными кристаллами. На стенах висели эвдорские театральные маски, яркие и эмоциональные. Сам Крашенный возлежал на диване напротив, в пяти ярдах от меня. В его чрезмерно длинных руках было неизвестное мне устройство, сплюснутый серебряный диск с кнопками и переключателями. От него к уху гомункула тянулся спутанный провод. На моих глазах Крашенный выдернул его с механическим щелчком.

Я молча оценил свое состояние. Скорее всего, меня только оглушили. Это означало, что подвижность вернется раньше, чем осязание. Я попробовал поднять ногу и положить ее на другую. Мне показалось, что нога дернулась, и ничего более. А вот руки двигались – хороший знак.

Усевшись ровно, я наконец задал очевидный вопрос:

– Что вы собираетесь со мной делать?

– С тобой-то? – злобно ухмыльнулся гомункул, откладывая в сторону прибор, который, несомненно, был каким-то пультом. – Ничего, мой милый. Если, конечно, ты подразумеваешь проведение над тобой каких-то манипуляций. От мертвого мне толку мало.

Он сунул руку в чашу на столике, достал пригоршню серебряных и белых колец и принялся надевать их на пальцы, поглядывая на меня поверх длинных красных ногтей и облизываясь.

– А вот вместе мы можем чем-нибудь заняться, – сказал он.

– Что-что? – процедил я сквозь зубы.

Существо закатило глаза и перестало улыбаться:

– Ой, какие же вы, имперские палатины, серьезные!

Гомункул легко вскочил на ноги, оперся на стену, подошел ко мне, обойдя тяжелый металлический ящик, в каких обычно перевозят оружие.

– Ты у нас птица ценная, – взъерошил он мои волосы. – Не сомневаюсь, твои друзья-наемники хорошо за тебя заплатят, учитывая, как вы сорите деньгами.

– Значит, хотите выкуп? – спросил я, массируя ноги. – Так?

Гомункул пожал плечами и отвернулся, скрестив руки.

– Компенсацию за убытки. – Он снова сел на диван. – Вы перебили почти весь мой СОП. Они недешевы.

– Ваш – что?

– Моих маленьких помощников, – изобразил нечто ладонями гомункул.

Протянув руку за спину, он пошарил в складках покрывала и вытащил меч. Меч Олорина.

– Красивая вещица, – сказал Крашенный и, просунув палец в оковку, покрутил оружие.

Он взялся за рукоять, и удивительный клинок материализовался, слабо сверкая и отражая лунный свет, который никак не мог проникнуть в кабинет. Гомункул осторожно тронул пальцем сияющее лезвие. По серебристо-голубому металлу прошла рябь, он как будто вздрогнул, обожженный прикосновением инмейна. Крашеный вытаращил глаза и отдернул палец. Я успел заметить багровую каплю крови на коже цвета старинного фарфора.

– Где ты такой добыл? – спросил Крашеный.

– Это подарок одного джаддианского маэскола.

Я не видел причин лгать. Мне даже думать не хотелось о том, что сказал бы сэр Олорин Милта, узнав, что к священному предмету его ордена прикасались лапы гомункула. Уж точно ничего хорошего.

Крашеный сплюнул и отшвырнул меч на соседний диван, не забыв деактивировать. Проследив за ним, я откинулся в кресле. Рядом, на столике, лежали куски пористого камня и расплавленного металла, которые я поначалу принял за предметы искусства. Метеориты. Я снова попробовал пошевелить ногами. Онемение понемногу сменялось покалыванием.

– Что с моими друзьями?

Гомункул подпер голову кулаком. Сразу не ответил, но его красный рот, казалось, увеличился в размерах, растянувшись на все лицо, а губы превратились в вытатуированную имитацию зубов.

– Мертвы.

Я распрямился, попытался встать. Почувствовал в ногах спазмы, но пошевелить ими так и не смог.

– Это ложь. – Я мог бы швырнуть в чудовище метеоритом, но ограничился словами.

Улыбка сползла с лица гомункула.

– Понятия не имею, что с ними, – развел он руками. – Ты бросил их в затруднительном положении.

– Никого я не бросал! – Я снова попробовал встать.

– А что ты тогда здесь делаешь?! – рассмеялось существо мне в лицо. – Хороший же из тебя друг.

Гомункул откинулся на спинку дивана, лениво вытаскил из-за пазухи станнер и любовался им. Оружие было непривычной мне конструкции, черное, геометрически правильное, тонкое, с петлеобразной рукоятью, которая больше напоминала кастет головореза из подворотни, нежели мифические конструкции экстрасоларианцев, этих темных технократов. Крашеный демонстративно положил станнер рядом, намекая, что не преминет им воспользоваться.

– Они живы, – сказал я.

– Можешь сколько угодно тешить себя надеждами, – ответил гомункул, – но тот здоровяк уж точно мертв.

Существо задрало голову, как будто наслаждаясь слышимой ему одному музыкой. К моему ужасу, красная шевелюра втянулась в скальп гомункула, плечи стали шире, на руках вздулись мускулы, челюсть приобрела квадратную форму. Не знаю, как ему это удалось, но я понял, что происходит, прежде чем бледная кожа налилась краской и стала коричневой, как у эмешца.

Мне хотелось завопить или разбить что-нибудь.

Вместо Крашеного на меня смотрел Гхен. Черты лица были не совсем правильными, отсутствовали борода и рана на носу старого мирмидонца. Но улыбка была точь-в-точь его: одновременно грустная и надменная, грубоватая, как и сам Гхен.

– Босс, что же вы не поторопились?

Голос был не похож, но все равно ранил меня в самое сердце. Я стиснул зубы:

– Еще слово, мутант, – и ты пожалеешь о том, что твои создатели не оставили тебя в той пробирке, из которой ты выполз.

Весь кабинет наполнился смехом Гхена – и не Гхена. Я зажмурился, чтобы не смотреть в хохочущее лицо друга, но увидел перед собой его труп с дымящейся раной в спине.

– Любопытно узнать, как у тебя это получится, – по-прежнему голосом Гхена произнесло чудовище.

Я невольно улыбнулся. Мое колено дрогнуло. Ноги заболели. Я сжал кулаки, пока руки не онемели так же, как ноги. Не дождавшись ответа, гомункул ухмыльнулся, и лицо Гхена расплылось, снова превращаясь в бледную, как сельсин или сама смерть, физиономию Крашеного.

– Так я и думал, – заключил он.

– Что это за имя такое «Крашенный»? – резко спросил я, желая сбить с чудовища спесь.

Существо громко зашипело, показав множество зубов.

– Это не имя, человек, – заявил гомункул, приглаживая алую гриву.

– Тогда что ты такое?

– Го-мун-кул, – по слогам произнесло существо. – Как и ты.

Я с трудом сдержал улыбку:

– Между нами нет ничего общего.

– Неужели?

Темнота его глаз рассеялась, проявились белки, из глубин всплыла радужка. Теперь это были мои глаза.

– Скажи мне, человек, а ты-то из какой пробирки выполз? – Голос гомункула почти идеально пародировал мой собственный, включая нобильский акцент – так разговаривают злодеи во множестве эвдорских опер – и все мои презрительные нотки.

У нас не было ничего общего. Все мои генетические изменения регламентировались Капеллой и законами Империи. Мои гены ставили меня выше обычных людей, но ничто во мне не было заимствовано у других биологических видов. Я не был частично деревом, как Айлекс, или чем-то искусственным вроде моего собеседника. Я не умел менять лицо или дышать под водой, как ундины Маре Этернус. После рождения мне также ничего не вживляли. Некоторые гомункулы не обладали даже собственной волей, рождались с поврежденным разумом и выводились исключительно для службы хозяевам. Я не знал, кто и зачем создал Крашеного, но они точно не собирались сделать его похожим на человека. Вот в чем было наше главное различие. Магусы, конструировавшие мой эмбрион, хотели создать совершенного человека.

Крашенный же был насмешкой над человеком. Чудовищем.

Я дожидался, пока его лицо вновь изменится, но гомункул не спешил, глядя на меня моими же глазами.

– Ты с Воргоссоса. – Не знаю, как я догадался, но сразу понял, что прав.

Существо моргнуло, насторожилось, открыло глаза – те снова стали черными. Опять моргнуло. Лиловые. Еще раз. Черные.

Я выровнялся, почувствовал, как колено непроизвольно дернулось, и произнес:

– Нет... ты оттуда сбежал.

Гомункул промолчал; слышно было лишь стук трамвая. За оконными занавесками мелькал свет.

– Ни черта ты не знаешь.

– Это правда, – согласился я, шевеля пальцами ног в сапогах. – Но ты бы так не ответил, не попади я в точку. И кем ты был? Чьей-то игрушкой?

Крашенный схватил станнер и махнулся на меня, басовито зарывчав; вскочил.

Я прикрыл лицо и сказал:

– Мне ведь всерьез нужно попасть на Воргоссос.

Гомункул не опустил станнер, но отвечать или ехидничать надо мной не стал.

– Когда продашь меня моим людям, продай им путь на Воргоссос.

– Ты что, глухой? – ответил гомункул. – Я не знаю, где эта планета.

– Что-нибудь да знаешь, – холодно парировал я. – Дай хотя бы наводку. Мы заплатим. – Это все, что я смог выдать, не прикусив язык.

Мне по-прежнему слышался смех Гхена, а если Хлыст с остальными тоже мертвы...

Я переместил взгляд на кучку метеоритов, на театральные маски, на аккуратные ряды бутылок и информационных кристаллов и добавил:

– Пожалуйста.

От такой вежливости гомункул разинул рот, показав всю свою добрую сотню зубов. Он уселся и взял серебристый пульт, который недавно был подключен к его голове.

– Наводку дать? – с усмешкой повторил он. – Ты, что ли, из этих? Из пилигримов?

– Что-что? – удивленно моргнув, переспросил я. Меня вдруг затошнило, как будто от приступа морской болезни. – Каких еще пилигримов?

– Разных, но хуже всех были ваши имперские палатины. Приходили ко мне в поисках бессмертия и вечной молодости, ради смены пола. Вечный может дать все, что запрещено в Империи. За плату, разумеется. Косторезы сделают для тебя что угодно. Кого угодно. Солдат, рабов, игрушки для секса. – Противный язык Крашеного мелькал за частоколом зубов.

– И кем был ты? – дерзко спросил я.

Нужно было поддерживать разговор. Я чувствовал, что ноги начинают слушаться меня; моя улучшенная палатинская нервная система восстанавливалась быстрее, чем у рядового человека. И я заметил кое-что необычное в кабинете. Может, и вы заметили? Это был вовсе не кабинет.

Похабная улыбка Крашеного на миг померкла, напускной лоск и пафос исчезли, оставив передо мной жалкое нечеловеческое существо в дорогих одеждах.

– Я таков, каким ты меня видишь. Образ. Любой образ.

– А то, что ты делаешь, – указал я на гомункула рукой, одновременно напрягая икры. – Эти... изменения. Это голография? Или какой-то деймон?

– Я Крашенный, – произнесло существо. – Я могу быть кем угодно.

Оборотень.

– Значит, есть и другие вроде тебя? – спросил я.

Гомункул промолчал. Подошел к окну, заглянул за занавеску. Я не знал зачем. Ответ – утвердительный или отрицательный – ничего не менял. Крашенный молча размотал провод пульта и подключил к голове за ухом.

Он оказался весьма несчастным созданием. В отличие от Айлекс – гомункула, обладавшего свободой выбора наравне с палатинами, – Крашенный был устроен так, что не только его тело, а и душа, и разум были сконструированы создателями для воплощения их планов. Кем он должен быть по их замыслу – убийцей, игрушкой, шпионом или безделушкой, – я не хотел гадать. Он взбунтовался против них, но было заметно, что он все еще следует заложенным алгоритмам, идет по пути криминала и обмана.

Не сомневаюсь, что какой-то гнусный магус в глубинах Воргоссоса запрограммировал его носить лица других, потому что его собственное было ужасным. Если бы гомункул не сбежал и не устроил себе зловещий притон, чтобы обделять там грязные делишки, я бы ему даже посочувствовал. Он стал хозяином своей судьбы, но окружающий мир ожесточил его, – а может, жестокость была свойственна ему от природы. Даже в результате эволюции не появляются добрые звери с такими зубами, но эволюция слепа, а человек – нет. Эти зубы и их хищный вид – либо суровое подтверждение их назначения, либо злобная шутка вроде ядовитых шипов у розы.

– Ну и цирк, – сказал я, не обращая ни к кому конкретно, и потер пятками о ножки кресла.

Я их еще плохо чувствовал, но мозг уже контролировал тело, и оно повиновалось. Спасибо Высокой коллегии и тому, кто настраивал мою нервную систему, пока я был эмбрионом. В себя я приходил очень быстро.

– Ты напоминаешь мне чудовище из «Франкенштейна» Шелли, – вспомнил я классический английский роман, когда-то рекомендованный мне Гибсоном. – Свидетельство того, что замашки человечества простираются куда дальше того, что оно может ухватить.

– Что? – внимательно уставился на меня Крашенный.

– Там рассказывается о схоласте, создавшем гомункула. Задолго до появления нынешних гомункулов. В те времена человек еще толком не понимал генетику, а «Аполлон» еще не побывал на Луне.

Я взял крупный метеорит и прикинул его вес. Килограммов тридцать пять, не меньше. Инмейн потребовал убрать руки, и я подчинился, лишь немного развернув камень, чтобы лучше разглядеть.

– Схоласт, – продолжил я, – создал гомункула из частей мертвых тел. Он, как и любой деятельный человек, воображал, что его детище будет венцом творения, существом более прекрасным, чем способна породить природа. Вроде палатина, полагаю, – улыбнулся я, беря паузу, чтобы гомункул переварил оскорбление. – Но вышло иначе. Ему не хватило таланта, и получилось чудовище. Схоласт отверг свое создание и сбежал, чудовище тоже скрылось. Как и ты.

– Палатин, это лишь твоё видение, – ответил Крашенный, теребя провод за ухом.

Над головой снова прошел трамвай, и меня опять замутило.

– Как я уже говорил, – хмыкнул гомункул, – мы с тобой в равной степени люди и оба весьма далеко от дома.

Пришел мой черед ухмыляться.

– Сдаюсь. Мы оба необычны. – Я нерешительно подвигал лодыжками. У меня была всего одна попытка. Всего одна. – Но по-моему, между нами есть существенное различие...

Инмейн приподнял красные брови, но не ответил.

Я процитировал, заменив одно слово:

– «У Сатаны были собратья-демоны; в их глазах он был прекрасен. А ты одинок и всем ненавистен».

– Ты всегда такой? – с издевкой спросил Крашенный.

– Мелодраматичный? О да, – ответил я с коронной кривой ухмылкой. – Спроси любого, кто меня знает.

В этот момент я схватил со стола метеорит, крепко запустив пальцы в поры на иридиевой поверхности. На Эмеше моей силы не хватило бы, но на Рустаме он весил меньше двух третей своей реальной массы и с легкостью лег мне в руку. Я неуклюже вскочил и швырнул камень в лицо Крашеному, прежде чем тот успел пальнуть в меня из станнера. Гомункул взвизгнул и повалился на диван, запутавшись в проводах от пульта. Его пальцы застряли в рукоятке станнера.

Оказавшись на ногах, я вдруг осознал, что кабинет раскачивается. Гомункул издал захлебывающийся звук.

– Зря ты раньше меня не оглушил, – сказал я. – Все ради хвастовства. – Я поднял с пола сундук с боеприпасами, но тот не открывался. – Понимаю, но соблюдать меры предосторожности все равно не мешало бы. Если бы я не знал, где нахожусь, то спокойно дождался бы, пока меня спасут. Но ты упомянул, что ехать еще долго, поэтому я догадался, что мы едем по частной канатной дороге в какую-то дыру, что служит тебе домом. – Я мотнул головой в сторону занавешенного окна.

Подняв тяжелый сундук, подобно заносящему топор палачу, я смерил гомункула взглядом. С окровавленным лицом он валялся на полу, зажимая ладонью превратившийся в месиво рот. В тот момент я всерьез готов был пожалеть его, если бы не его рука. Вытатуированный на

ней рот усмехался. Гомункул надувал и поджимал губы, корча всевозможные рожи. Но молчал, – видимо, говорить было трудно. Он навел на меня станнер. Я наступил ему на руку, как на змею.

– Не стоило тебе принимать облик Гхена, – сказал я и со всей силы обрушил ящик на физиономию гомункула.

Ковер забрызгало кровью с примесью чернил. Разные цвета смешались в черный. Я не собирался сдвигать ящик, не хотел видеть, что стало с инмейном. Убедившись, что этот передвижной кабинет направляется куда-то, где мне делать нечего, я поспешно подобрал меч Олорина и отыскал на стеллаже свой пояс-щит. Чтобы не возвращаться с пустыми руками, я подошел-таки к телу. Сожаление – эмоция более сильная, чем гнев, и в равной степени неутолимая. Я прикусил губу, пока вытаскивал из-за уха гомункула провод. Сунул серебристый пульт в ташку на поясе и забрал станнер за неимением своего. Развернулся и двинулся к выходу.

Дверь не открывалась, пришлось прорубать мечом. Она с грохотом вывалилась на оживленную улицу в тридцати футах внизу. В кабинку ворвались ветер и городской шум. Я слышал, как люди удивленно охают, но никто не кричал. Значит, никого не убило. После сумрачного передвижного кабинета рыжее закатное солнце оказалось ослепительным. Я ехал на уровне рекламных щитов, нарисованных и электронных, прославляющих алкоголь и грунтомотобили. Улыбчивая рыжеволосая красотка в одном лишь саронге на пышных бедрах предлагала генетические улучшения всего за десять тысяч марок. В условиях низкой гравитации мне должно было хватить сил прыгнуть на три метра к лесам, окружавшим основание этого огромного щита. Схватившись за края проема, я задержался на долгий миг.

– Давай, Марло, – прошептал я. – Давай! – И прыгнул из мрачного кабинета в свободу и загазованный воздух.

Глава 7

Незримое и незабытое

Я не мог связаться с кораблями без передатчика. Не мог вызвать шаттл. У меня не было даже карты этого города-лабиринта. И где я потерял передатчик?

– Марло, дурья твоя башка, он остался в шинели, – пробормотал я себе под нос, засовывая руки в карманы и ежась от каждого порыва ветра. – А шинель валяется на веранде, среди мертвых деймонов, и сколько их – одной Земле известно.

День не задался. Нервное возбуждение после короткого сражения с Крашеным сошло на нет, уступив место неутолимому, как я уже говорил, сожалению. По крайней мере, у меня были с собой деньги. Можно было найти голографическую будку и просигналить оттуда кораблям.

Вероятно, в черном жакете-тунике полуармейского покроя с воротником-стойкой, сапогах с голенищами, с поясом-щитом и джаддианским мечом я выглядел весьма причудливо. Хотя мой дом и Делос остались далеко позади, я так и не преодолел привычку наряжаться в черное.

«И что из этого вышло?» – сказал голосом отца мой внутренний критик.

Выпрыгнув из передвижного кабинета Крашеного, я ударился о леса коленом и теперь терзался приступами острой боли. Онемение почти прошло, и каждый шаг давался мне непросто. Люди, с удивлением поглазев на меня, отворачивались. Одна мамаша с детьми даже перешла на другую сторону улицы, чтобы оказаться от меня подальше. Я свернул в проулок и попробовал осмотреть себя в отражении на корпусе шаттла, использованного как фундамент массивной постройки из грузовых контейнеров. Увидел какое-то пятно, и ничего больше.

Неподалеку я нашел бочку для сбора дождевой воды. Наполнялась она из высоко расположенного сточного желоба. Всмотревшись в темную гладь, я увидел на лице кровь – почти черную в отблесках вечернего солнца. Не моя. Не знаю, сколько я простоял, склонившись над отражением, с трудом узнавая себя в этом молодом человеке. Когда я успел так намаяться? Нет, время еще не проложило аккуратных канавок на моем лице, не посеребрило волосы, но в глазах таилось нечто усталое и истертое, как древний пергамент. Как будто из дождевой бочки на меня смотрел не сам Адриан Марло, а его портрет.

– Соберись, – выдохнул я, зачерпнув воду ладонями.

Ополоснув лицо и шею, я подождал немного. Когда рябь утихла, на меня снова посмотрела моя бледная тень. Совсем не тот образ, который укоренился в памяти, – молодой, иронично усмехающийся.

– Ты жив. Ты жив, – шептал я.

Даже намоченные волосы никак меня не слушались. Я бы предпочел не видеть себя таким. С моего лица на меня смотрели глаза Гиллиама, Уванари, Борделона, Крашеного. Чужие глаза.

«Горе – глубокая вода», – прозвучали в уме слова Гибсона, и почудилось, что он стоит у меня за спиной. Афоризм схоласта был предостережением, напоминанием о том, что сильные эмоции разрушительны.

«Я умею плавать», – заносчиво подумал я.

«Никто не умеет, – возразил Гибсон, возразил Адр. – Гармонично сонастроенный разум не борется с эмоциями, а дрейфует вместе с ними. Принимает свои чувства и вбирает их в себя. Разум – руководитель, а не подчиненный».

Мне было лет восемь, когда я это услышал.

Это случилось после смерти бабушки. Нарушив запрет отца, мы с братом Криспином прокрались в порфиновую палату², где тело бабушки по традиции должно было пролежать три дня после того, как хирурги удалили мозг, глаза и сердце. Затем его ожидала отправка в крематорий. Часовым был сэр Робан. Он хотел нас прогнать, но я не послушался. Глаза бабушки закрывала черная, чернее космоса, повязка. Мне предстояло нести сосуд с ее глазами во время погребальной процессии. Я хотел увидеть, убедиться, что бабушка в самом деле мертва.

Гибсон нас поймал. Криспин был слишком маленьким, чтобы растрогаться или внять наставлениям, а вот меня старый, похожий на льва схоласт отвел в сторону.

– Грустить не стыдно, – привычным серьезным тоном сказал он. – Не стыдно сердиться, испытывать страх, отвращение и другие эмоции. Но нельзя им уступать, ясно?

Я кивнул, утирая слезы, а он продолжил:

– Грусть – бездонный океан, в глубинах которого невозможно дышать. Ты можешь дрейфовать на волнах, можешь немного проплыть, но будь осторожен. В горести можно утонуть. Горе – глубокая вода. Повтори.

То, с каким ударением он произнес «повтори», дало мне понять, что это наставление. Заговор от тяжелых мыслей на черный день.

Я не собирался быть хнычущим сопляком, подавленным первой встречей со смертью. Уроки – занятная штука. Глупый ученик считает, что любое усвоенное им утверждение становится непреложным фактом. Дважды два – всегда четыре, независимо от обстоятельств. Но никто не может быть в этом уверен, как не был уверен Оруэлл³. Истинный урок требует от ученика не просто усваивать, а раз за разом применять знания. Таким образом знание становится нашей неотъемлемой частью, возвышает нас над животными и машинами. Вот почему лучшие учителя сами никогда не перестают учиться, а лучшие ученики никогда не считают себя абсолютно образованными.

Я довольно долго не вспоминал об этом уроке Гибсона, но теперь выпрямился и расправил плечи, как ни тяжела была ноша, вобравшая горе, сожаление и самоуничтожение. Гибсон всегда со мной, и порой я гляжу на себя его глазами, лишь в эти мгновения понимая, кто я есть на самом деле.

* * *

– Что с остальными? – спросил я. – Вернулись?

Задержка связи с высокоорбитальным передатчиком была меньше секунды, поэтому я почти сразу услышал ответ Джинан:

– Да, все целы. Хлыст, Бандит, Айлекс, солдаты... даже Гринло.

– Без последней обошлись бы, – попытался пошутить я, но не нашел сил даже усмехнуться. Слишком велико было облегчение.

Джинан рассмеялась. К своему стыду, я, перебивая ее, спросил:

– Тело Гхена забрали?

– Нет, – ответила Джинан, и я представил, как она качает головой. Картина куда более приятная, чем вид за замызганным стеклом телекоммуникационной будки.

Я рассеянно поковырял ногтем рекламную наклейку квантового телеграфа Союза свободных торговцев, членам которого услуги предоставлялись бесплатно. Не сразу нашелся с ответом, не сразу собрался.

---

² В Римской империи в IV–V веках н. э. существовала традиция хоронить императоров в порфировых саркофагах. Позднее в Византийской империи в так называемых порфировых палатах императорского дворца рождались будущие наследники престола.

³ Джордж Оруэлл рассуждал о концепции «дважды два – пять» во многих своих работах, включая эссе «Вспоминая войну в Испании» и роман «1984».

– Нужно будет... что-нибудь придумать. Он далеко от дома.

Осталась ли у Гхена родня? Он никогда не говорил о семье, а я и не спрашивал.

– Рада, что ты жив. Когда они вернулись без тебя... – медленно, взвешивая каждое слово, сказала Джинан.

– Я цел, мой капитан, – ласково произнес я, прижимаясь к стене будки. – Немного потрепан, но Окойо или кто-нибудь из младших медиков легко меня подлатают. – Тут у меня получилось усмехнуться. – Убийцу Гхена, Крашеного, я наказал.

– Оставайся на месте, *mia qal*. Лечу за тобой.

Я уже сообщил Джинан, где нахожусь.

В ответ я смог лишь устало кивнуть, но, вспомнив, что общаюсь не по видеосвязи, добавил:

– Идет.

Повесив трубку, я некоторое время простоял молча, пока сердитый мужчина в кожаном плаще грубым жестом не потребовал, чтобы я выметался из будки. После тяжелого дня мне захотелось двинуть ему по башке, но я ограничился суровым взглядом.

Между посадочными подушками старого грузового корабля примостилось небольшое кафе. Как и большинство зданий на нижнем уровне Арслана, оно торчало между землей и палубой, подобно монтажной пене, занимая все пространство под кораблем.

Когда я вошел и сел у окна рядом со входом, никто не удостоил меня даже взглядом. Должно быть, мне удалось привести себя в пристойный вид. Я молча развалился в пластмассовом кресле, рассчитывая, что до прилета Джинан меня никто не побеспокоит.

Джинан.

Ей не впервой приходилось вызволять меня из неприятностей – но этот раз, хотя никто об этом еще не знал, оказался последним. Она прилетела за мной на Фарос, когда я попался в ловушку Мариуса Вента. В одиночку вытащила меня из его логова, а потом пряталась со мной от его ищеек по всему городу. За один тот месяц мы десятки раз спасали друг другу жизнь. Без плана, без подкрепления, без оружия, если не считать моего меча, который я успел подхватить со стола Вента при побеге. Нас наняли убить адмирала и помочь повстанцам, выступавшим за имперскую аннексию. Кампания длилась еще три месяца, завершившись гибелью Борделона и капитуляцией Вента. Успех стал самым громким в короткой истории Красного отряда. Бассандер негодовал. Это задание отвлекло нас от главной цели, несмотря на то что мы укрепили позиции Империи в Вуали Маринуса и стали лучше готовы к противостоянию со сьельсинами.

А Джинан...

Тогда, в липкой темноте после нашей победы на Фаросе, после капитуляции Вента, она ни слова не сказала. Лишь обняла меня. Мы взялись за руки. Соприкоснулись губами. Я почувствовал металлический привкус на ее коже. Не знаю, любила ли она меня уже тогда, потому что я ее еще не любил. Я испытывал облегчение и животную радость жизни перед лицом смерти и ее многопалыми руками. Жажду жить – ради того, чтобы жить, и заложенный на клеточном уровне древнейший биологический инстинкт – создавать. Создавать. Создавать. В тот момент я осознал, что человек может чувствовать себя поистине полноценным лишь тогда, когда духовно и телесно соединяется с другим человеком.

– Мессир, здесь нельзя просто сидеть. Сделайте заказ.

– Что-что? – Подняв голову, я увидел улыбающуюся девушку в аккуратной униформе. – А, простите!

Я поспешно заказал миску лапши – первое, что бросилось мне в глаза на напечатанном под стеклянной столешницей меню.

«У Сатаны были братья-демоны», – сказал я Крашеному.

Рука невольно потянулась к блестящему шраму вокруг пальца на месте, где мой старый перстень расплавился в крионической фуге. Да уж, братья-демоны. Эмблема Мейдуанского

Красного отряда отдавала должное гербу Марло – на ней тоже был дьявол, пронзающий трехзубцем пятиконечную звезду. Мои демоны.

Лапша плавала в легком соленом бульоне с зеленым луком и кусочками чего-то пахучего, похожего на рыбу. Просто. Чисто. Я ел молча, черпая содержимое глиняной миски плоской ложкой. Привычка постоянно думать дала сбой, теперь мысли не шли в голову. Лишь вновь и вновь вставал перед глазами образ женщины-машины, СОПа, как называл своих рабов Крашенин, которая едва не зарезала меня во время бойни в чайном домике. Она бы ударила меня в то же место, куда пришелся выстрел в Гхена. Между лопатками, чуть правее от центра. Многопалую смерть часто изображают в черном плаще, и на то есть причина: она, как тень, неотступно следует за нами по пятам, стоит за спиной.

Она всегда рядом.

Еда – лучшее лекарство.

Рыба.

На Эмеше, на улицах Боросево, я ел много рыбы. Мы с Кэт воровали рыбу со складов, плавучих поддонов и телег-морозилок. Теперь Кэт была мертва. Не благодаря моим стараниям, как многие другие, но вопреки им. Иногда людская жестокость ни при чем, и виновата лишь природа.

Час ужина прошел, и посетители потянулись из заведения наружу. Официантка несколько раз подходила ко мне, все больше переживая, что я засиделся. Как и положено людям ее профессии, она стойко терпела это и раз за разом подливала воды в мой стакан. Раньше после тяжелого дня я мог вдоволь напиться вина, но теперь на это у меня не было денег, лишь пара десятков каспумов шуршали в поясном кошельке. Я не думал, что на встрече с Крашениным мне понадобятся деньги.

– Скверно выглядишь, милый.

Я подскочил. Неужели успел задремать? Почему официантка на меня не накричала? Напротив улыбалась Джинан. На ней была форма Красного отряда и...

– Это что, моя шинель? – спросил я, потирая виски.

– И тебе добрый вечер, – обиделась Джинан, но не перестала улыбаться. – Хлыст успел захватить ее после той заварушки.

– Прости, – вздохнул я и, вспомнив чайный домик, добавил: – Они привезли Самира?

Не сводя с меня глаз, Джинан оперлась на кулак:

– Плагиария? Нет. Отступление было поспешным.

Я почувствовал, что ей хочется сказать больше: о машинах – СОПах, с которыми мы сражались. О Гхене. Но она молчала. Видимо, что-то в выражении моего лица останавливало ее. Усталость. Или боль. Или все сразу.

– Ты не ранен?

Я слабо усмехнулся, качнувшись вперед в кресле и на мгновение обхватив руками голову. Взяв непослушными пальцами спутанные волосы, я сделал глубокий вдох и ответил:

– Выживу.

Однако моя улыбка вышла неуклюжей.

– Как тебе удалось бежать? – спросила Джинан. – Хлыст сказал, тебя взяли в плен.

Она потеряла голубую ленточку в тяжелой черной косе, разглаживая яркий шелк.

– Так и было, – ответил я. – Меня захватили. Я его... убил. Кем бы он ни был, этот Крашенин. Гомункул собирался потребовать за меня выкуп. По крайней мере, так он утверждал.

Джинан взяла меня за руку. От ее прикосновения по телу разлилось тепло. Она улыбнулась приветливо и лучезарно, как солнце, и сказала на родном языке:

– Nómiza ut ió uqadat ti. Avrae trasformato hadih poli hawala an eprepe.

Это была шутка, но мысль о том, что Джинан готова ради меня разнести весь город, не показалась мне смешной. Она была... приятной. Словами не описать насколько.

– Да, – ответил я по-джаддиански, – я сделал бы так же.

Проведя большим пальцем по моей руке, Джинан сжала ее и отпустила, дотронулась до моей щеки:

– *Ti ahba*. – Ей вовсе не нужно было это говорить, но она все равно сказала.

– Я тоже тебя люблю, – ответил я. – Можно взять шинель?

Джинан вытаращила темные глаза:

– Что? Ты ее у меня отнимаешь? Да что ты тогда за рыцарь такой?

Поднявшись, я положил на стол купюру в пять каспумов – куда больше, чем стоила лапша, – и ответил:

– Так я и не рыцарь, мой милый капитан.

– Это точно! – с притворным гневом воскликнула Джинан.

Шинель я ей все же оставил.

Дни часто бывают короткими, а на Рустаме – особенно. Сгустились прохладные сумерки. Я родился на Делосе и к холодному климату привык, а вот Джинан была с далекого и засушливого Убара. Мы шли рука об руку: она прижималась ко мне, а я обнимал ее за тонкую талию. Наверное, кто-то мог принять нас за возвращающихся из оперы влюбленных – до той поры, пока в глаза не бросалось наше оружие. Кто-то вообще не обратил бы на нас внимания. В конце концов, Арслан был городом, где сильные духом люди переживали тяжелые времена. Может, мы были двумя пьяницами или только что размороженными путешественниками. Но когда я думаю о том вечере, то почти не могу вспомнить других моментов, которые были бы столь же яркими и теплыми, как та простая молчаливая прогулка, когда я чувствовал лишь легкое прикосновение ее руки к моей... или как тот момент, когда в шаттле я свесил голову ей на плечо и на миг перестал думать о погибшем друге.

Но уродство мира остается неизменным, а страхи и горести время не лечит. Это мы становимся сильнее. Мы можем лишь плыть по их волнам, как выдры, рука в руке.

Пока это не закончится.

Пока этому не придет пора закончиться.

Глава 8

Совет капитанов

– И мы ничего не добились! – Бассандер почти перешел на крик, нависая над длинным столом для переговоров. – Ничего! Только потеряли четверых бойцов.

Капитан, возмнивший себя королем, был единственным, кто стоял. Остальные – спокойные капитаны, их старшие помощники и участники высадки на Рустам – сидели вокруг длинного эллипса в конференц-зале «Фараона». Всего одиннадцать человек.

Стол остался в наследство от Эмиля Борделона, и даже Бассандер со своими спартанскими замашками не решился от него избавиться. Столешница была из двухдюймового мандарийского мрамора, черная, с белыми дымчатыми прожилками. По всему столу было проложено тончайшее голографическое оборудование. Весил стол, должно быть, не меньше тонны и стоил целое состояние – достаточно взглянуть на одни только ножки из красного дерева в виде драконьих лап. Прежний коммодор имел тягу к безвкусным крикливым вещам, но стол он выбрал удачно.

– Выходит, вместо шага вперед мы сделали шаг назад? – уточнил Алессандро Ханас, смуглый, бородатый помощник Джинан. – Это катастрофа.

Бассандер взмахнул рукой, акцентируя слова лейтенанта. Его челюсть ходила туда-сюда, пока он оглядывал Бандита, Айлекс, Хлыста и меня. Я сидел прямо напротив, на противоположном конце стола, и молчал.

– Миссия не стала бы провалом, если бы вам удалось захватить хотя бы толстяка! – почему-то адресовал он эти слова Хлысту.

– Вас там не было, – парировал мой друг-ликтор. – При всем уважении, капитан Лин, вы бы тоже поспешили сделать оттуда ноги при первой возможности. Наши противники... не были людьми.

– Когда-то были, – поправила Айлекс. – Их переделали. Крашенный управлял ими. Мы попали в ловушку. Он то ли знал, то ли догадался, что мы работаем на легионы. Весь чайный домик был полон машин.

Вытянутое лицо дриады скривилось, и она потупила взгляд. Ее зеленая кожа приобрела черный оттенок.

– СОП, – впервые за полчаса подала голос Валка; ее тавросианский акцент имел свойство мгновенно заглушать другие голоса.

Все, кроме меня, повернулись к ней. Я уже слышал термин от Крашеного и ничуть не удивился тому, что всезнающей Валке он тоже знаком.

– Суррогатный обслуживающий персонал. Люди, которые перестали быть людьми.

– Перестали? – переспросил Бассандер.

– Тот, кто хотя бы раз с ними сталкивался, не стал бы задавать таких вопросов. – Резкий голос Валки рассекал воздух, как нож масло.

– Доктор, – поежился Хлыст, – а вы сталкивались?

– Я всякое повидала, – очаровательно улыбнулась Валка. – С точки зрения научного консультанта, отступление было разумным выбором. – Она опустила голову, пряча светлые глаза под темной челкой. – Неприятные создания эти СОПы.

– Бассандер, они не умирали, сколько бы мы в них ни стреляли, – сквозь зубы проговорила Гринло.

– Ладно. Что сделано, то сделано. – Бассандер Лин опустился в кресло, словно вожак львиного прайда после голодной ночи. – Выбора нет, – заявил он и с прищуром посмотрел на

остальных. – У нас приказ – вернуться в Четыреста тридцать седьмой, встретиться с основной флотилией и вновь приступить к выполнению военных операций.

– Лин, мы и не прекращали выполнять военную операцию. Что за странная формулировка? – нахмурилась Джинан, перестав теревить косу.

– Первый стратиг Хауптманн собирает силы на Коритани. Нам приказано вернуться туда.

– Что?! – не удержался я.

– Я на военную службу не подписывалась, – сказала Отавия Корво, наш третий капитан, до сей поры хранившая молчание. – «Мистраль» к такому не подготовлен, и экипажем я тоже рисковать не собираюсь.

Отавия напоминала мне древнюю амазонку в описании Геродота. То ли по плану, то ли по случайности она была почти семи футов ростом. Высокая, как палатин. Даже сидя, скрепив руки и ссутулив широкие плечи так, что мускулы проступали через форму, она излучала угрозу, словно свернувшаяся кольцами змея. Кожа Корво была светлее, чем у ее совсем уж черного старпома, а длинные золотистые волосы обрамляли лицо, подобно гриве, вопреки законам гравитации. Из всех капитанов лишь она была настоящей наемницей, не связанной клятвами Джадду или Соларианскому престолу. Она была свободна, и ее решения были неоспоримы.

Понимая это, Бассандер сменил тактику:

– Наши поиски на Рустаме ничего не дали. Ни единой зацепки. Сколько времени пройдет, пока местное правительство не свяжет этих... СОПов с нами?

– Лет сто, – ответил Бандит, жуя мармеладку, и протянул пакет сидевшей рядом Айлекс. – В этой системе творится бардак. Машины, не машины... Коммодор, у Святой Капеллы недостаточно средств, чтобы прислать сюда инквизицию. Возмещение ущерба важнее, чем поиски тех, с кем сражались эти твари.

– По городу наверняка расставлены камеры слежения, – заметил старший помощник Джинан, квадратнолицый, бородатый лейтенант Ханас.

– Верно, – ответил худощавый Бастьен Дюран, помощник Отавии.

У него был такой же необычный вибрирующий акцент и наставнический тон, как у доктора Окойо, родом он с той же планеты. Его можно было легко принять за сcholаста старой Империи. Мне же он напоминал Тора Алкуина, отцовского старшего советника.

– Но вы, имперцы, – заключил Дюран, – доверяете изучение записей людям, а люди недостаточно внимательны, особенно если им приходится просматривать десятки тысяч часов записей с тысяч камер, чтобы найти совпадения.

– К тому же, – добавила Валка, покосившись на меня, – откуда нам знать, что Крашенный не взломал ближайшие к своему логову камеры. У него наверняка есть... был доступ к необходимым технологиям.

Перед моими глазами встал образ рассеявшегося на диване гомункула с проводом за ухом. Я дотронулся до ташки на поясе, в которой хранился странный прибор.

Не успел я вынуть его, как Бассандер снова принялся за свое:

– Значит, мы сможем беспрепятственно покинуть систему. Обсуждение превращается в формальность.

– Покинуть систему? – опешила Отавия. – Так просто? Сбежать... домой?

Бассандер наклонился и постучал по столешнице, включая голографическую систему.

– Я никуда не бегу, – сказал он, глядя на меня. – Вернуться на фронт, к моему командиру, – мой долг как солдата Империи.

– Вот один и возвращайтесь, – резко, с вызовом вздернув подбородок, ответила Отавия.

– Не один! – воскликнула Джинан; она ведь тоже была солдатом.

– Мои люди останутся со мной, – потрясла головой норманская амазонка.

Бассандер вскочил так стремительно, что едва не перевернул кресло, и хлопнул руками по столу:

– У вас контракт!

– В котором не указано, что я обязана пожертвовать кораблем и экипажем ради вашего бессмысленного Крестового похода! – Не желая уступать, Отавия тоже встала, произведя этим куда более внушительное впечатление.

Бассандер был всего лишь патрицием и рядом с Отавией выглядел едва ли не карликом. Мне даже стало немного жаль оказавшуюся зажатой между ними лейтенанта Гринло.

– Бессмысленный поход? – вскипел Бассандер. – Бессмысленный? Тогда ради чего вы поступили к нам на службу?

– Чтобы положить конец проклятой войне! Здесь, в Наугольнике, – парировала Отавия Корво, встряхнув головой так, что спутанная прядь ее золотых волос на затылке, казалось, зажала собственной жизнью. – Капитан, пылают наши планеты, а не ваши. Обещание мира – вот чем меня подкупил Адриан.

Я зажмурился. Рано или поздно меня должны были приплести, и вот это случилось.

– Адриан, – Бассандер сделал акцент на том, что называет меня по имени, – не управляет отрядом. Я управляю.

Вот она – вся суть Бассандерова комплекса. Я лишь молча продолжал держать руку на пульте.

«Не твой черед говорить», – прозвучал во мне голос Гибсона.

– Корво, хотите обсудить мир? – наседал Бассандер. – Какой мир? Мы только что закончили дешифровку последней передачи от флотилии и приказов стратига Хауптманна. Знаете, что там сказано?

Глаза коммодора, подобно лазерам, прожигали лицо Корво. Когда он взял паузу, по залу прокатился шепот. Я выпрямился, покосился на Джинан, которая не видела меня со своего места, и на Валку, а она помотала головой. Я знал, что мы получили довольно запутанный пакет данных сразу по прибытии в систему Рустам, и, судя по всему, новости были плохими.

– Мы вступили в бой со съельсинами у Тиры. Позвольте поделиться подробностями. – Бассандер принялся загибать пальцы. – Все прошло не так, как здесь. Планета потеряна. Дом Юрнау. Основные города. Орбитальные заводы. Семь миллионов человек, капитан. Семь миллионов. Говорите что хотите, но я не могу спокойно спать, зная, что это случилось, пока мы болтались в заднице Вселенной, гоняясь за сказками, потому что мой командир повелся на бредни этого чокнутого палатина!

– Чокнутого?! – Почувствовав, что дело принимает совсем дурной оборот, Джинан встала на мою защиту. – По-моему, мы услышали достаточно.

Ее темные глаза были тверды, как стекло. Иногда я забывал о том, что Джинан почти вдвое старше меня. Селекция позаботилась о том, чтобы она выглядела не больше чем на тридцать, но порой становилось заметно, что она была солдатом еще до того, как я родился.

– Решим, что делать с нашими норманскими друзьями после того, как воссоединимся с флотом, – сказала она.

Отавия хотела было возразить, но Джинан все равно закончила:

– Если мы всерьез намереваемся возвращаться.

Воздух наэлектризовался, как в пустыне перед грозой. Каждая молекула наполнилась статическим напряжением. Заседания отцовского совета тоже были такими. Он позволял своим адъютантам, логофетам, схоластам и представителям Капеллы спорить, торговаться, умасливать друг друга и бряцать саблями, пока все не вымотаются и не перестанут притворяться. При всех его недостатках отец был крайне терпеливым человеком и самым эффективным управленцем, кого я только встречал. Наступил момент, который был мне нужен, момент, которого я ждал.

Не говоря ни слова, я достал пульт Крашеного и положил на стол перед собой. Заметили это только Хлыст с Валкой, сидевшие по сторонам от меня. Тогда я поднял руку и со всей силы

хлопнул по столу. Троица капитанов и их помощники обратили на Марло внимание. Десять пар глаз уставились на меня, пораженные столь грубым вмешательством со стороны человека, который прежде прикидывался мебелью.

– Я устал это слушать, – произнес я полупшепотом.

Мой тихий голос заставил остальных навести уши, – так говорил с советниками отец, сколько я его помню. Нужно было как можно скорее воспользоваться их недоумением и не тратить времени на логические доводы.

– Лин, – обратился я к коммодору, – мы не гоняемся за сказками. Сегодня я встретил... человека, способного изменять собственный облик. Он руководил целой армией мертвецов и утверждал, что прибыл с Воргоссоса. К тому же, – я откинулся на стуле, – сельсины на Эмеше знали про Воргоссос. Я уже говорил это и не устану повторять, пока до вас не дойдет: откуда ксенобитам знать о населенной людьми планете, которую не может найти даже Империя? Ответ очевиден: эта планета существует. Или по-вашему, те сельсины, что сейчас заморожены в трюме, нахватились баек от пленников с Тиры или Рустама?

Я недовольно посмотрел на лежащий передо мной пульт и почти мгновенно почувствовал за спиной вытатуированные глаза и ухмыляющиеся рты гомункула.

– Вы говорите, что я чокнутый, – продолжил я. – Если стремление положить конец войне – сумасшествие, то зовите меня как угодно. Мне все равно. Я знаю, что наши поиски необходимы, и не важно, соглашаетесь вы со мной или нет.

Я сделал паузу и постучал по экстрасоларианскому устройству, уставившись на Лина. Все ощутили накал нашего противостояния: между его и моими глазами как будто протянулась огненная линия.

– Что это? – спросила Гринло, взглянув на пульт.

Я проигнорировал ее.

– Чего вы хотите? Вернуться? – повысил я голос. – Ради чего? Чтобы сражаться и погибнуть вместе с остальными? Внести свое имя в списки боевых потерь? Умоляю... – Я отвернулся и помотал головой. – Мы не на задворках Вселенной. Мы на главной сцене. – Решив, что момент подходящий, я встал. Теперь мы с Бассандером были на равных. – Эмеш пролил свою кровь, чтобы дать нам эту возможность. Сгорела Тира. Ликия. Баннатия. Миллионы, а то и больше, людей...

Я видел, что Бассандер собирается с мыслями. Отавия с лейтенантом Дюраном кивали. Джинан поджала губы; ее лицо превратилось в непроницаемую маску. Остальных я не видел, да это было и не нужно.

– Здесь мы можем принести больше пользы. Здесь и сейчас. – Я постучал кулаком по столу. – Сейчас.

– Адриан, – обратилась ко мне Джинан, ее такое родное лицо стало мрачнее тучи. – Это?..

– Личный терминал Крашеного, – ответил я с кривой улыбкой и сел, подперев голову ладонью. – Не знаю, что в нем и как им пользоваться, но данные о сделках Крашеного должны быть здесь. Журналы учета, координаты. Айлекс?

Я толкнул устройство к дриаде, прежде чем Бассандер смог меня перебить. Та поймала пульт одной зеленой рукой, перевернула и наморщила лоб.

– Никогда такого не видела, – пробормотала она, почесав за ухом. – Немного похоже на тавросианские модели. Нужно изучить повнимательнее.

– Спасибо.

– Почему вы раньше об этом не сказали? – прорычал Бассандер; между нами вновь вспыхнули лазерные лучи. – Ждали, пока спросят?

Не удостоив его ответом, я обратился к Айлекс:

– Крашеный упоминал одно место... – Я напряг память, чтобы вспомнить. – Станция «Март», кажется.

– Это еще что? – с сильным джаддианским акцентом спросил лейтенант Ханас.

– Торговое поселение, – к всеобщему удивлению, ответила Отавия Корво. Она осталась стоять, скрестив руки на груди и оглядывая окружающих. – Никогда там не была, но часто слышала краем уха.

– Вы знаете, как туда попасть? – спросил я.

Отавия откинула волосы с лица:

– Нет. Иначе эта секретная база экстрасоларианцев не была бы секретной.

– Полагаю, где-то в Вуали, – предположил Дюран, опасливо поглядывая на Бассандера Лина. – Между звездами... но без координат... – развел он руками.

Я понял, к чему он клонит. Без точных координат мы можем провести в поисках целую вечность, не найдя и захудалого астероида.

– Довольно! – рявкнул Бассандер. – Мы уже достаточно погонялись за миражом. Если в этом устройстве и хранятся какие-то данные, доставим их командованию. Пусть Хауптманн и рыцарь-трибун Смайт решают, что делать.

Слушая его, я щелкнул зубами. Мне едва хватило сил не закричать: «Это вздор!» Но голос Гибсона, глубокий, тихий и певучий, как обычно, возразил: «Ярость слепа».

Я закрыл глаза, помедлил и, открыв, произнес:

– У нас другая миссия.

– Миссия изменилась, Марло, – парировал Бассандер. – Мы потратили слишком много времени.

– Мы почти у цели. Осталось чуть-чуть! – В такт последнему слову я потряс в воздухе вытянутыми из кулака большим и указательным пальцами в дюйме друг от друга, чтобы показать, насколько мы близки.

Я окинул взглядом всех за столом, ища поддержки. От Валки. Хлыста. Отавии и лейтенанта Дюрана. От Джинан.

Джинан.

Мой милый сердцу капитан отвернулась от меня, ломая руки под черным мраморным столом. Нас разделяла ее темная коса. На мгновение воцарилась абсолютная тишина. Джинан потрясла головой, закинула косу за плечо.

– А что дальше, Адриан? – Сжав губы, она покосилась на капитана-коммодора Лина. – Мы найдем еще зацепку? Сделаем еще один маленький шаг? Мы не можем вечно гоняться за фантомами.

– Фантомами? – сорвалось у меня. Слово было потерянным, чуждым, как будто занесенным из другого разговора. – Что?

– Может быть... может быть, капитан Лин прав. Может, нам стоит вернуться.

Не знаю, что переменялось в моем лице, но она сбилась и, отвернувшись, добавила:

– Мы могли бы переслать новую информацию и дожидаться ответа, прежде чем возвращаться.

Должно быть, меня выкинуло в открытый космос. Только так я мог объяснить то, что утратил способность дышать. Я не услышал, как Отавия Корво орет на Джинан, лишь увидел ее яростное лицо. Бассандер кивал. Гринло и Алессандро Ханас – тоже. Даже Хлыст выглядел обрадованным. Я что-то утратил на пути. То ли контроль, то ли... дальновидность? Под ногами крошился лед, грозя увлечь меня в пучину подмирного океана хаоса.

Джинан, которая всегда была стойкой, как сама Земля... даже Джинан изменилась. Я смотрел на нее, на ее выгнутые дугами брови, полные губы, лазурную ленту в косе и видел незнакомку, солдата армии джаддианского князя. Я чувствовал, как будто упала маска – то ли с ее лица, то ли с моих собственных глаз.

Я отпихнул стул и оправил рубашку. Все замерли, даже Отавия, которая теперь тыкала в Бассандера пальцем. Слова не шли из глотки. Джинан отняла у меня дар речи... оставила

тонуть в холодных волнах. Я разжал губы, но остатки рассудка подавили первобытную жажду кричать и кусаться.

– Вы предаете все, чего мы прежде добились, – сказал я наконец совершенно чужим голосом, как будто реальность сменилась записью или оперой о каком-то другом Адриане, жалком человеке, которого все бросили. – Сорок восемь лет, Бассандер. Сорок восемь лет. Что они будут значить, если мы сейчас вернемся?

Бассандер держался с изяществом, которое чрезвычайно меня раздражало. Да как он смеет сохранять спокойствие и хладнокровие! По лазерной черте, связывавшей наши глаза, мне передались его прежнее смятение и ярость, и он стал сильнее, а я ослаб.

– Сдаешься? – сухо и бесстрастно прозвенел его голос. – Марло, с тех пор как мы покинули Эмеш, действительно прошло сорок восемь лет. Это слишком долгий срок! Мы должны вернуться и придумать новый план нападения.

– Хотя бы отправь Смайта уведомление! – воскликнул я, глядя на Джинан, которая это предложила. – Займем позицию здесь, пока не получим конкретных указаний. Нужно убедиться, что путь назад не займет еще больше времени.

Джинан – моя Джинан – кивала. Я подумал, что они с Бассандером могли обсуждать сегодняшнее заседание еще до того, как она подобрала меня с Рустама.

– Мы должны это сделать, – сухо сказала она. – Бассандер, у трибуна могут быть собственные мысли насчет нашей дальнейшей миссии.

– Повторяю, – вставила Отавия, – если хотите на всех парусах мчаться к вашей имперской флотилии, сделайте это без меня и моего корабля.

– Вашего корабля? – повторил Бассандер, сжимая губы. – «Мистраль» – собственность Мейдуанского Красного отряда, следовательно, собственность Империи. Вы наемница, и ваше капитанство продлится не дольше, чем ваша работа на нас. Если хотите покинуть службу, я распоряжусь, чтобы вас и вашу команду высадили на Рустам и выплатили компенсацию за досрочное расторжение договора.

Челюстные мышцы норманки напоминали поршни локомотива. Я сомневался, что Бассандер воплотит угрозы в жизнь, но промолчал. Я по-прежнему стоял у края стола и пытался выкарабкаться из той пропасти, в которую упал. Моим источником света была Джинан, и сейчас этот свет померк. Я нуждался в ее поддержке! Но Джинан заняла сторону Бассандера.

Капитану Корво хватило выдержки не отвечать на провокацию, но от взгляда, которым она одарила коммодора, молоко могло скиснуть.

– Нам нужно многое обдумать, – снова взяла слово Джинан, и ее джаддианский акцент вдруг показался мне совершенно чужим. – Возможно, нам следует подождать и оставаться на месте, пока не придет ответ от Смайта и легиона. Также я свяжусь со своей госпожой. – Она имела в виду Калиму ди Сайиф, сатрапа Убара, которая временно перевела Джинан на службу в Имперские легионы после событий на Эмеше.

Черные глаза Джинан укололи меня. Когда-то их цвет напоминал мне освещенные свечами чернила. Теперь в этих черных колодцах отражался лишь холодный профессионализм Бассандера Лина.

– Решено? – прозвучало условным вопросом.

* * *

После совета Джинан догнала меня. Я еще не успел далеко уйти. Блуждал по серым коридорам «Фараона» в темно-пепельной дымке, как будто никогда прежде здесь не был... как будто не прожил с ними двенадцать и сорок восемь лет. Когда мир переворачивается с ног на голову, знакомые места быстро становятся чужими.

– Адриан!

Ее тон с намеком на теплоту обжег меня. Я замер, съежившись. Мне стоило больших усилий выпрямиться и обернуться.

– Джинан.

Джаддианка бросилась ко мне, стуча каблуками по палубе. Вопреки себе я машинально улыбнулся, но тут же прогнал улыбку. Отступил.

– Что с тобой? – схватила меня за руку Джинан.

– Серьезно? – ответил я, опуская голову. – Ты еще спрашиваешь?

– Я предложила лишь то, что считаю разумным! – воскликнула она, крепче сжимая мою руку.

– Разумным? – повторил я, шагнув от нее. – Ты потакала Лину. Он с самого Эмеша тянет нас назад. Не хочет здесь находиться.

– Я не потакала. Адриан, у него приказ. У нас приказы.

Освободившись, я ткнул пальцем в воздух:

– Джинан, нам не представится лучшей возможности выиграть войну. На «Бальмунге» спит сельсинский нобиль, готовый сотрудничать ради мира.

– Адриан, я знаю... знаю.

Она снова потянулась ко мне, но я сунул руки за спину и расправил плечи.

– Разве не для этого мы сражаемся? – спросил я, обращая внимание на камеры наблюдения и не сомневаясь, что Бассандер слышит наш диалог. – Не ради мира? Или мы собираемся сражаться, пока в живых никого не останется? Если вернемся, так и будет, не сомневайся. Понимаю, что Бассандера терзает чувство вины из-за того, что он жив, пока другие гибнут, но это его личная проблема, а личные проблемы не должны влиять на принятие решений. Джинан, у нас в руках важный ориентир. Если Айлекс взломает терминал Крашеного, то... быть может, смерть Гхена не окажется напрасной.

Вот. Я сказал то, чего не решался. Даже не знаю, почему мне так мучительно было это произнести. Мы с Гхеном с Эмеша встретились не как друзья. Он был арестован за серию жестоких преступлений, и суд с Капеллой определили его мирмидонцем в коллизей Боросево. От нужды и безысходности я тоже записался в гладиаторы. Там я встретил Хлыста, Паллино, Сиран, Элору и других. Гхен пугал всех, его голос в маленькой камерке всегда звучал громче остальных. Он побеждал за счет габаритов и невероятной силы и задирали всех, кроме Сиран. Она знала его лучше других. Сиран. Нужно будет с ней поговорить. Интересно, ей уже сообщили или она по-прежнему в фуге на борту «Мистраля»?

– *Dolá Deu di Fotí!* – выругалась Джинан. – Прости, *mia qal*. Я не подумала.

Она тронула мою щеку, и на этот раз я не отстранился. Не пошевелился, позволив ей приблизиться, прижаться лбом к моему лбу и обнять меня. Объятие продлилось пять секунд, а может, пять лет, но после него серый туман немного развеялся, и я понял, что он стоял перед моим внутренним взором, а не перед глазами.

– Ничего, – солгал я. – Просто... Джинан, эта тварь приняла его облик. Этот Крашенный.

– Что?

– Убив Гхена, гомункул взял его лицо. – Я слышал себя, свои слова, но чувствовал, будто говорю не сам, будто со стороны наблюдаю за голограммой или представлением эвдорского театра масок. – Он мог притворяться кем угодно. Менял размеры, голос. Джинан, он надел лицо Гхена. За это я его и убил.

Мы все еще стояли обнявшись. Я уткнулся ей в волосы. Она пахла жасмином и старым железом, как той ночью на Фаросе, когда была опьянена вином адмирала Вента и нашей победой.

Джинан молчала – да и что могла сказать дочь богатого джаддианского торговца пряностями и военного офицера в отставке? Мы оба родились в известном мире, но теперь вышли за его пределы, на самый край бесконечного космического пространства, где обитали существа,

которых свет Империи и Джадда нещадно уничтожал. До Красного отряда, даже на Эмеше, я жил как за каменной стеной. Империя с ее иерархией, навязанными кастами и классами, наблюдением, Капеллой, насилием и жестоким подавлением инакомыслия... такая Империя не могла позволить Крашеному ставить под угрозу вековые устои, похищать своих подданных и превращать их в СОПов. Читатель, я без стыда признаюсь, что боялся. Не только чудовищ, что могли меня поджидать, – машин, людей или кровопийц-сельсинов, – но мысли о том, что я не готов противостоять им. Столь глубокой была раскинувшаяся передо мной Тьма.

– Джинан, мне нужно поспать, – оттолкнул я джаддианку.

– Конечно. – Она украдкой вытерла глаза. – Шаттл уже ждет, чтобы отвезти нас.

Готовая идти, Джинан развернулась вполоборота, и ее рука, скользя вниз, потянула меня за запястье. Я не двинулся. Она хотела поцеловать меня, но я опустил голову:

– Сегодня переночую здесь. В своей каюте.

– Тогда и я с тобой.

Я не сразу нашелся с ответом. Мотнул головой, словно вытряхивая из себя слова:

– Нет. Мне нужно побыть одному.

Во мне как будто что-то сломалось, когда я увидел, как помрачнело ее прекрасное лицо. Однако другая часть меня по-прежнему слишком сердилась, чтобы испытывать сожаление. Сломанная часть сжала руку Джинан и криво улынулась; другая же отправилась восвояси.

Глава 9

Ушедшие друзья

На следующий день после встречи с Бассандером я снова покинул «Фараон», на этот раз прихватив из своей каюты черный кожаный пенал с письменными принадлежностями, набор карт и еще кое-какие вещи. Я перебрался на «Бальмунг», намереваясь провести там все время до прыжка в варп и неизбежного возвращения в фугу. С каждым днем мне все легче было притворяться, будто сговор Джинан и Бассандера ничуть меня не беспокоит. Я понимал, что она следовала долгу, и был благодарен за то, что мы не сразу отправились навстречу имперской флотилии.

Сверхсветовая переписка занимает много времени. Два телеграфа соединены лишь парой ведомых частиц, данные капаят по капле сквозь бессчетные световые годы. Короткие текстовые сообщения доходят достаточно быстро. А вот изображения, видеозаписи, комбинированные файлы перекачивались подолгу, и ответ на них добирался еще дольше. Если наше короткое совещание казалось мне кошмаром, то сложно представить, что приходилось терпеть Райне Смайт и прочим высокопоставленным начальникам. Несмотря на то что наше положение было безопасным, нас могли ожидать дни бездействия.

Так и случилось.

* * *

– Не знаю, как ты справляешься, – сказала Элара, поставив поднос в центре стеклянного обеденного стола. – Этот Лин меня пугает. Все время смотрит записи с камер.

Я взглянул на Джинан и машинально улыбнулся:

– Во-первых, я стараюсь не спать прямо здесь...

Услышав это, Джинан схватила меня за коленку под столом:

– ...На «Бальмунге» гораздо лучше. На «Фараоне» кругом люди Бассандера.

Из-под арки со входом на кухню, обслуживающую офицерскую столовую, появился Паллино. С помощью Хлыста они с возлюбленной закончили сервировать стол. Замечание Элара я оценил: нужно было как-то нарушить напряженную тишину между нами с Джинан и между Джинан и Валкой.

– Ну, выйдем-то мы точно лучше, – заметил Хлыст, усаживаясь напротив меня с огромной миской пасты с луком, перцем и грибами из гидропонического отсека. – А я – лучше всех.

Валка усмехнулась, а Элара стукнула Хлыста ложкой по макушке. Тот взвизгнул.

– Лин – павлин, – пошутил Паллино. – Родители служили в легионе, их родители, скорее всего, тоже. Так он в армию и попал. Его командирский жезл наверняка чаще бывал у него в заднице, чем в руке, если вы понимаете, о чем я, – сказал он, устраиваясь между Хлыстом и Эларой. За ними на голографической панели отображалась проекция «Фараона» и маленького «Мистраля», зависших на орбите истерзанного коричневого Рустама. – Таких, как он, пруд пруди. Умелый капитан, но его слепое следование принципам частенько приводит к неверным решениям. Из тех, что считают героическим сложить баррикаду из трупов своих же солдат.

По левую руку от меня Валка взяла у Хлыста кувшин и налила себе воды.

– Что в этом героического?

– В том, чтобы сложить баррикаду из трупов? Ничего, – ответил Паллино, поправляя пальцем перекрутившуюся в жесткой седой шевелюре глазную повязку. – А вот стать частью баррикады, чтобы спасти жизнь товарищу, – другое дело.

– Не ругайте его. Мы в тупике, – произнесла Джинан командирским тоном, гораздо холоднее, чем я привык. – Бассандер руководствуется имеющимися данными.

Валка передала мне кувшин.

– Безусловно, но в этом-то и проблема, капитан. – Она изобразила ладонями чаши весов. – Военные и гражданские разведданные могут компенсировать друг друга, но у Бассандера недостаточно ни тех ни других.

– Это не так, – ответила Джинан. – Он трудится без отдыха. Вам наверняка известно, что он бодрствовал весь перелет с Саноры, держа связь с флотилией. Он выбился из сил. Любой на его месте чувствовал бы себя так же.

– Ну, пускай приляжет в фугу, – предложил я. – Усталость – не повод поджимать хвост.

– Мы до сих пор не узнали, какая информация хранится на терминале Крашеного. Как узнаем – примем решение, – сказала мой джаддианский капитан, не глядя на меня.

Я проглотил острую, которая пришла мне на язык, и уставился в пустую тарелку. Решив, что лишние слова делу не помогут, я положил еды себе и Джинан. Обычно мой капитан хлопала меня по рукам и накладывала сама. То, что в этот раз она так не сделала, я считал дурным знаком.

– Сам готовил? – поинтересовалась Валка у Хлыста, накладывая лапшу из золотистого керамического блюда на тарелку.

– Нет, – печально произнес ликтор. – В основном Паллино. Я только помогал.

– Парень чересчур скромничает! – ответил одноглазый мирмидонец. – В этот раз он сам жарил мясо и смешивал соус для пасты, а я только нарезал да приглядывал за ним.

Валка усмехнулась, с вежливой улыбкой передала блюдо Джинан и покачала головой.

– Что? – заметив это, спросил Паллино.

– Вы никогда не перестанете меня удивлять, saichdatr. – Это слово означало всех, кто сражался на арене коллизей. – Сложно поверить, что имперский солдат может оказаться столь искусным поваром. – Она подняла бокал, как при тосте.

– Не считите за бестактность, доктор, но и вы не отвечаете моим представлениям о тавросианских колдунах, – ответил тем же жестом Паллино. – С такой бабушкой, как у меня, сложно было не научиться готовить. Она сгорела бы со стыда, если бы хоть один ее nipote не сумел сварить толковый обед.

– Nipote? – удивилась Джинан. – Ваша бабушка была джаддианкой?

Паллино наморщил лоб, принимая у нее блюдо:

– Нет, не думаю. Моя семья жила на Триесте с незапамятных времен. За пятьсот с лишним лет я был единственным в моей деревне, кто пошел служить в легионы. Все знали, что никогда больше меня не увидят, но моя старая попа мной гордилась. Ее внук отправился сражаться за императора. Она была очень набожной.

– Но это джаддианское слово, – сказала Джинан. – Возможно, мы состоим в дальнем родстве.

Одноглазый солдат пожал плечами, бесцеремонно накладывая себе пасту.

– Все может быть. Может, кто-то из ваших людей поселился на Триесте по пути из старой-старой Империи. Может быть, может быть. – Он опустил блюдо. – Спросите его величество, он у нас увлекается всяким таким.

Я вздрогнул и едва не выронил вилку. «Его величество» кольнуло меня в самое сердце. Так звал меня Гхен, остальные переняли эту привычку. Теперь, когда Гхена не стало, это прозвучало почти святотатственно. Я осторожно опустил вилку:

– Это возможно. Сейчас сложно отследить пути миграции, и о твоём мире, Паллино, мне мало что известно, но вероятность есть. – Я произнес это, глядя в тарелку, на сочный кусок имитированной говядины рядом с макаронами в красном соусе. Спыхватившись, я глубоко вдохнул и выпрямился. – Извините, я... – Я взял кубок – с водой, не вином – и покрутил в руках. – Я хотел бы кое-что сказать.

Как и на совете, все тут же обернулись ко мне, но в этот раз смотрели с теплотой, не обжигая холодом.

Вокруг были те, кого я считал друзьями и кто считал другом меня. Хлыст, на моих глазах превратившийся из мальчика в мужчину, из побежденного в победителя. Паллино, который был нам обоим вроде отца или неотесанного старого дядюшки. Рядом с ним – Элара, моложе и спокойнее Паллино. Ее непринужденная улыбка и смех остались в моей памяти на долгие годы. Джинан и Валка, что были для меня ценнее, чем все золото Авалона, – пусть и заплатил я за это больше любого императора. Мои друзья. Моя семья. Не по рождению, но по желанию. Не хватало только Сиран – она служила на «Мистрале» и не смогла присоединиться к нам.

И Гхена, который умер.

– Я не знал, что сказать, – начал я, запинаясь так, как знакомый всем Адриан Марло никогда не запинаясь. – По правде говоря, до сих пор не знаю. Но сегодня за нашим столом – свободный стул, и он останется таковым навсегда. – Я был не в силах смотреть друзьям в глаза и сосредоточился на собственном отражении в яркой панели на стене за Хлыстом и Паллино. – Он погиб столь же храбро, как и жил. Голыми руками разорвал двух чудовищных врагов. Это я послал его вниз на поиски выхода. Он не спорил с моим решением, хотя, Земля знает, наверняка бы мог. Но он пошел...

Я лукавил. Гхена погубил обман. Обман и трусость. Его застрелил в спину прикинувшийся другом Крашенный, пока Гхен боролся с ужасными СОПами. Я лукавил, чтобы возложить вину на себя.

– Мне стоило быть расторопнее, – сказал я. – Если бы я отправился с ним...

– Так, Адр, – перебил меня Хлыст, единственный среди присутствующих, кто сам участвовал в этих трагических событиях. – Ты ни в чем не виноват. Гомункул все равно убил бы Гхена после того, как захватил тебя. Ты не мог ему помешать.

Я грустно улыбнулся, но не стал настаивать, что виноват, лишь покачал головой:

– Гхен был хорошим человеком. Не всем нравился с первого взгляда, но если уж нравился, то навсегда. – Передо мной встало его смеющееся лицо: сначала – в антураже колизея, затем – в сумраке кабинета Крашеного. Я так сжал руку на кубке, что костяшки пальцев побелели. – Он пожертвовал жизнью ради нас. Не он один, но он был нашим другом. Моим другом.

Я нашел силы взглянуть на Паллино и Элару. На Хлыста. Кубок, когда я его поднял, показался мне неизмеримо тяжелым. Как будто в нем была вся содержащаяся в человеческом теле кровь, а не вода.

– За Гхена. Мы больше никогда его не увидим.

– За Гхена! – воскликнули остальные.

Читатель, сложно найти слова для мертвых, когда ты не религиозен. Нельзя сказать, что покойный отправился в лучший мир, что теперь он счастливее, – хотя, возможно, порой умереть лучше, чем страдать в нашем мире. Нельзя помолиться, можно разве что зажечь поминальную лампаду и отправить ее в небо. Прошло много времени, прежде чем мне удалось попасть в святилище и зажечь лампаду за Гхена. А когда это случилось, его лампада была лишь одной из многих, что я отпустил в небеса. Кажется, Ород⁴ сказал, что первым достижением цивилизации, моментом, давшим рождение культуре, были первые похороны, проведенные древними пигмеями, нашими предками. «Почести, которые мы оказываем мертвым, – пишет он, – это яркая черта, отделяющая человека от того, что было до человека. Человек не оставляет мертвых гнить, он сжигает их, хоронит или возводит им усыпальницы, сохраняя тело и память об ушедших. Такова цивилизация. Ее фундамент – могила».

---

⁴ Мыслитель, существующий только во вселенной Пожирателя Солнца. Не имеет отношения к древним парфянским царям Ородам.

– Как-то это неправильно, – произнес Хлыст, опустошая кубок до дна. На его рельефном лице заиграла грустная улыбка. – Если бы поминали одного из нас, здоровяк перечислил бы всю чепуху, что мы натворили в жизни. Торжественность была ему не по вкусу. – Утерев рукавом лоб, он беззвучно усмехнулся, мы с Паллино тоже. – Если бы мне сказали, что он первым уйдет... раньше меня... – покачал головой ликтор, и Паллино похлопал его по плечу.

– Не принимай на свой счет, – успокоила его Элара. – Здесь все как на арене. В том, что погиб он, а не ты, Адр или эта Гринло, нет никакой причины. И твоей вины нет – вспомни, что ты сам сказал Адру.

Хлыст кивнул, зажмурившись. Когда он открыл глаза, в них больше не блестели слезы.

– Нет... я понимаю.

Слово неожиданно взяла Валка:

– Он по-прежнему с нами. – Ее необычный тавросианский акцент добавлял словам весомости. – Наши воспоминания о нем живы. Я не знала его столь же хорошо, как вы, но не сомневаюсь, что вы правы. Он не хотел бы, чтобы мы печалились. Послушайте-ка!

И она рассказала историю о том, как Гхен повздорил с альджани – одним из лейтенантов Джинан – из-за шутки по поводу шапки лейтенанта. Тот прислал Гхену такую же шапку, желая пристыдить эмешского мирмидонца. Но стыд был Гхену неведом, и он спокойно напялил шапку на себя. Джаддианец сразу же отстал.

– В жизни не видела штуки уродливее, – призналась Валка. – Вся в зеленых перьях. Где этот альджани нашел вторую, ума не приложу. Но Гхен в ней целую неделю проходил.

– И как я такое пропустила?! – со смехом воскликнула Элара.

Мы обменивались забавными историями о Гхене почти час. Хлыст вспомнил, как в колее на Эмеше Гхен подкладывал ему фальшивые любовные записочки.

– Я сразу догадался, что это его проделки. Эта сволочь писать-то толком не умела. Но я притворился, будто поверил, что мне пишет парнишка с Толбарана, на которого я тогда положил глаз, – задолго до твоего, Адр, появления. Гхен вытворял это неделями.

– И ты ему позволял?

– Ага! – улыбнулся Хлыст. – Думал, он насмехается надо мной из-за... сам знаешь, какой он. Но я продолжал доставать его разговорами, как мне нравится тот парень, и в конце концов он сам был рад от меня отвязаться!

Паллино рассказал, как Гхен подрался в баре на Ардистаме почти сразу после того, как мы улетели с Эмеша.

– Он утверждал, что хотел научить местных ребят манерам. А я был уверен, что ему просто хотелось перед девочками покрасоваться. Гхен их как мешки с мукой раскидал. Никогда не видел, чтобы взрослые люди бежали с такой прытью.

Мы все смеялись до слез – слез радости, а не печали. Я был серьезнее всех, ведь на мне лежал груз вины за смерть Гхена, но все равно не удержался от смеха. Нельзя предугадать, когда тебя настигнет конец и что ждет тебя после. Но если жить честно и справедливо, те, кто останется после тебя, будут вспоминать твою жизнь, а не смерть.

Быть может, поэтому я скрыл некоторые обстоятельства гибели Гхена. Я не то чтобы солгал, лишь придал им чуть больше героизма, ведь истина вмещает в себя куда больше простых житейских фактов. Лучше вспоминать его грубый смех, чем представлять, какие звуки извергались из его пробитых легких в те последние мгновения в чайном домике.

Воодушевляющая сказка лучше горькой правды. Сказки правдивее реальности. Таковы истории, которые вы читаете обо мне, большинство из них я начал, зная всю силу преданий. Я не смог бы заключить мир после битвы у Аптукки, если бы легенды обо мне не были правдивее меня самого. Пользуясь этим свойством человеческой природы и веры, мы выходим за рамки: кто-то становится лучше, кто-то хуже, кто-то просто сложнее. Таким образом, дважды два равняется пяти, и поэтому мы перерастаем самих себя.

Глава 10

Джинан

За годы, прошедшие с тех пор, как мы покинули Фарос и добыли два норманских корабля, капитанская каюта Джинан на «Бальмунге» становилась все уютнее. Появились керамическая раковина для ритуальных утренних омовений лица и рук и бронзовая шкатулка с сосудами для воскурения бахура, которыми, впрочем, почти не пользовались. Многочисленные комоды и шкафчики прятались за алой шелковой ширмой, приобретенной Джинан на фаросском базаре после капитуляции Вента. На ширме был изображен некий герой, сражающийся с окутанным клубами дыма драконом за воротами шагающего города. Все фигуры были вышиты золотом. По словам Джинан, ей особенно нравился дракон.

Обустройство жилья – странная штука. Когда мы селимся в каком-то месте, которое кажется нам чужим и неудобным, мы помещаем в нем не менее чужеродные предметы, пока это место не становится обжитым и знакомым.

– Джинан, – начал я, расстегивая и откладывая форменный мундир, – нам нужно поговорить...

Считается, что джаддианцы переходят к словам, когда все возможные действия уже испробованы. Так оно и есть. Не успел я договорить, как Джинан приподнялась на полупальцы и прижалась губами к моим губам. От толчка я ударился затылком о подвесной шкаф и скривился. Джинан издала низкий, первобытный стон, и я почувствовал, как некий вакханальный импульс, более древний, чем способность разумно мыслить, берет надо мной верх. Руки сами потянулись к ее стройной талии и легкому изгибу бедер, сжались. Мне пришлось пустить в ход весь самоконтроль и вспомнить наименее любимый из стоических афоризмов: любовь пожирает.

– Давай поговорим? – сказал я.

Она отстранилась, закусив маленькими зубками полную нижнюю губу, и спросила, опираясь рукой на стену за моей спиной:

– Хм, о чем?

– О Бассандере, – ответил я, не отпуская ее талию. – О том, что произошло на совете, и о возвращении домой.

Джинан резко выдохнула. Я почувствовал запах вина, выпитого за ужином. Она отошла и уселась в кресло возле маленького рабочего стола, длинными пальцами принялась расплетать косу.

– Поверить не могу. Ты хоть на день можешь забыть об этом? А лучше на два. Я уже сто раз повторила: мы так и не выяснили, что на том термине.

Развязав лазурную ленту, она распустила волосы – те упали, как летняя тень под цветущим деревом.

– Ты всегда такой, – заключила она.

«Всегда». Плохой знак. Я не мог допустить, чтобы разговор зашел о «всегда». Нужно было говорить о «сейчас» и о той боли, что я почувствовал... как будто мне вонзили кинжал под ребра. Выстрелили в спину из плазмомета.

Я вдруг понял, что не в силах на нее смотреть, словно на солнце, и поспешно попытался скрыть свой стыд.

– Дело не в этом. Ты встала на его сторону. – Сказав это, я почувствовал прилив сил и, повернувшись к ней, повторил: – Ты встала на его сторону.

Джинан расстегивала мундир. Мне хотелось схватить ее мельтешащие руки, но я перевел дух и успокоился. Страх убивает разум. Я чувствовал не злость, а страх. Страх, что она не

поймет, не примет мою точку зрения, которая имела не меньшее право на существование, чем ее собственная. Страх, что мы поссоримся, – уже поссорились. Страх, что она пожертвует мной ради работы. Ради миссии.

Страх.

Древнейший и наиболее животный из всех демонов, он предок деревьев и ровесник трилобитов, которые с испугом ждали приближения хищников, когда Земля была еще юной. Он сжимал на моем горле холодные, не горячие, как у джаддианки, пальцы.

– Лин всегда меня ненавидел. Еще до нашего с тобой знакомства. – Я махнул в сторону черной металлической стены, как будто Бассандер был вездесущ. – Дело только в этом. Не в необходимости вернуться, чтобы сразаться, и не в его раздутом чувстве долга. Он поступает так лишь потому, что я ему не нравлюсь.

Джинан перестала расстегивать мундир и потупила взгляд. Наконец она стянула форму и бросила к изножью спрятанной в нише кровати.

– Ты перегибаешь палку, – сказала она, потирая рукой глаза.

«Неужели все, что ты говоришь, обязательно должно звучать как эвдорская мелодрама?»

Я встряхнулся, чтобы избавиться от навязчивых воспоминаний:

– Ничуть. Он не подпускал меня к важным заданиям с тех пор, как корабль съельсинов разбился на Эмеше.

– Любимый, ты не солдат.

– Теперь солдат! – ткнул я себя в грудь. – Джинан, я сражаюсь уже двенадцать лет. Двенадцать. По всей Вуали. Если посчитать каждый проклятый день в Боросево, наберется еще три года. Я такой же солдат, как и вы. А он просто не верит.

Джинан выгнула брови, будто своды под куполом храма скепсиса:

– Не верит? Во что, *mia qal*? В Воргоссос?

– В мир! – Я почти перешел на крик. – В то, что войне можно положить конец. Все – как я сказал Олорину: солдаты не заканчивают войны. Войны заканчиваются, когда перестают воевать.

Она закатила глаза:

– Это не так просто.

– Еще бы это было просто! – Я опустил на сундук у дальней стены, в котором хранилось все, что я перевез с «Фараона». – А что просто, Джинан? Мы сражаемся насмерть со съельсинами. Когда, по-твоему, это закончится? Сколько еще планет они уничтожат, прежде чем пресытятся? Сколько их кораблей мы собьем? Сколько миллиардов погибнет с обеих сторон?

Джинан молчала, как будто утонула в глубинах собственных темных глаз.

– Адриан, почему тебе так важно заключить мир? – спросила она сухим, как увядший лист, голосом.

– Почему? – Мне стало смешно. – Почему?..

Я неуклюже поднялся, устремив взгляд к потолку, словно ища ответа, который на самом деле был столь очевиден, что до сей секунды не требовал слов. Я хотел помочь, так? На Эмеше, когда разбился корабль съельсинов и наступила чрезвычайная ситуация. На раскопках в Калагахе все бежали от огня и шума, а я бежал навстречу, умолял центуриона Веиси пустить меня туда с отрядом поддержки. Это было единственно правильным. А потом...

– Джинан, тебя там не было. В бастилии Боросево. Ты не знаешь, что натворила Капелла.

Я вновь почувствовал тот медный запах крови, зловоние, пот и тухлое мясо. Расплавленный свинец, выбитые зубы, пытки, мучения и бесконечные вопросы.

«Зачем вы прилетели на Эмеш?

Когда начнется следующее нападение?

Зачем вы прилетели на Эмеш?

Зачем вы прилетели на Эмеш?

Зачем вы прилетели на Эмеш?..»

Что может быть более свойственно человеку, чем нечеловечность?

– Ты видела шрам на планете? – спросил я. – Старый город? Сурен?

Она кивнула.

– Джинан, я тоже видел шрамы и видел, что Капелла сделала с капитаном съельсинов, я не слепой. Я знаю, какие злодеяния мы творим. Сам в них участвовал. И до сих пор участвую.

Меря шагами каюту, я вспоминал рабов-умандхов из Боросево, израненных и униженных ксенобитов из колоний, чью каменистую кожу за непослушание пробивали зубилами. Серфов, оборванных бедняков, каким довелось побывать и мне, задыхающихся и умирающих на улицах, терзаемых эпидемиями и брошенных запершимися в замках палатинами.

– Джинан, это хорошие люди.

– Кто?

– Наша команда, – я описал рукой полукруг, обозначая всю флотилию, – Хлыст, Паллино, Отавия, Айлекс и так далее. Они заслуживают лучшей жизни. Все заслуживают.

На лице моего капитана промелькнула грустная улыбка, и я мигом вспомнил, что Джинан была солдатом гораздо дольше меня.

– Адриан, почему, по-твоему, мы этим занимаемся? Для чего нужна армия? Чтобы все остальные могли жить спокойно.

– Это недопустимо, – ответил я. – Недопустимо, чтобы хорошие люди всю жизнь воевали.

Джинан, сидя в кресле, сложила руки так, что ее крепкие плечи натянули белую рубашку.

– Пусть лучше хорошие люди занимаются тем, чем мы, а не плохие.

– Лучше, если никто не будет этим заниматься.

– Это случится, когда звезды потухнут, а все люди вымрут, – ответила Джинан. – Даже если эта война закончится, нужда в солдатах не пропадет, – покачала она головой и с присвистом выдохнула. – Ты слишком много на себя взваливаешь.

– Но дело не в этом. – Я хотел было сесть на прежнее место, но передумал. – Я ведь здесь именно поэтому. Лучше я, чем... чем кто-то вроде моего брата.

Джинан было кое-что известно о Криспине, и ее лицо дрогнуло. Тень сомнения?

Присаживаться было рано, и я продолжил:

– Мне понятно, что войну не остановить. Но если я сделаю эту войну чуть менее агрессивной, то, может быть, некоторые хорошие люди останутся дома, да и мы сами сможем вернуться домой, когда все закончится. Мы с тобой.

Вот только дома у меня не было. Я не мог вернуться на Эмеш, где меня поджидал брак по расчету с Анаис Матаро, женщиной вдвое старше меня. Не мог вернуться на Делос, в родительский дом, откуда в страхе бежал, узнав отцовские планы на меня. Остается Джадд? Или Убар? Можно выйти в отставку и вести семейный бизнес Джинан, когда та выслужится перед князем. Торговать пряностями. Я представил, как превращусь в чудного старика, страстно любящего музеи и инопланетные диковинки, и буду мирно доживать свои дни, а под ногами будут крутиться дети. Я слышал, что на Джадде генетические ключи, удерживающие палатинов во власти Империи, хранятся у самих нобилей, у эали аль'акран. Возможно, мой патентованный код можно будет изменить и у нас с Джинан получится создать семью.

Я подошел к ней и припал на колено, как рыцарь, получающий титул от монарха. Взял ее за руки:

– Путь Бассандера – война без конца. Мы воюем уже четыреста лет, а он хочет еще. Мир с одним кланом съельсинов даст шанс на мир с остальными. Наши пленники – ключ к окончанию войны. Тогда мы вернемся домой. – Я сжал ее руку, а она мою, грустно улыбнувшись. – Джинан, мы можем быть вместе. На Джадде, Убаре или где тебе захочется.

– На Убаре? – улыбнулась она, и во мне снова что-то переломилось. – Адриан, перестань. Я не знаю, что тебе ответить...

Мы уже это обсуждали. Когда Джинан рассказывала о доме, всегда казалось, будто она что-то недоговаривает. Будто под толщей воды таится неведомая рука, поджидая момента, чтобы утащить меня в омут. Пальцы Джинан держали мои, но улыбка померкла, словно шла не от сердца, а была лишь плодом мышечного усилия.

– Неизвестно, есть ли у нас хоть какой-то ориентир, – сказала она. – Если и есть, нет гарантии, что мы найдем этот... Воргоссос.

Моя рука выскользнула из ее пальцев. Я обмяк, опустившись на пол у ее ног.

– Ты не устаетшь это повторять.

– А что еще делать? – спросила она, склонившись надо мной. – Ты слышал Бассандера. Еще одна планета уничтожена. Уже двенадцатая с тех пор, как мы покинули Эмеш. Считаешь, он должен спокойно сидеть? Он подчиняется командованию.

– Я надеялся, он сможет внять голосу разума, – произнес я, скрежеща зубами.

– И что ему посоветует этот голос разума? – возразила Джинан. – Ослушаться приказа? Это же Бассандер Лин, а не кто-нибудь. – Замечание было справедливым, но Джинан на этом не закончила. – *Mia qal*, он посвятил нашей миссии десятки лет. Как и все мы. Все это время мы гонялись за миражами, и я не чувствую, что мы стали хоть на йоту ближе к финишу, чем в начале пути. Мы потеряли друзей на Фаросе. Потеряли здесь. Взгляни на все его глазами: это были битвы, не имевшие отношения к нашему походу. Все, кто погиб, могли бы сражаться на фронте.

– Значит, я должен поставить себя на его место? – Я отвернулся, прислонившись лицом к ее бедру. – Джинан, что, если... что, если Айлекс найдет подсказку? Координаты этого торгового поселения? Ты отправишься со мной, если Бассандер откажется?

«Откажется». Мысль поразила меня, как осколок мины – случайного прохожего. Я и сам мог отказаться. Хорошо, что Джинан не видела моего лица, иначе могла бы прочитать изумление в моих лиловых глазах.

Ее ноги напряглись. Она как будто удивилась:

– Что?

Повернувшись, я посмотрел на нее и поцеловал руку.

– Ты не подчиняешься Хауптманну, – сказал я. – Полетим вместе на Воргоссос?

– Не шути так.

– Хорошо, – ответил я, но энтузиазм уже загорелся во мне.

Идеи – что искры, а мой мозг чересчур устал и нуждался в новых затеях. Я закрыл глаза и уткнулся лицом в бедро Джинан. Усталость давала о себе знать, я чувствовал себя расплюснутым, как насекомое под микроскопом.

– Джинан, если мы вернемся, то никогда больше не увидимся.

Она будет со своим народом, у которого совсем другая миссия.

– Знаю, – и без того напряженная, прошептала она.

– Я этого не хочу. Я хочу, чтобы мы были вместе...

Запнувшись, я посмотрел на овал ее лица, на коварно изогнутые брови над большими глубокими глазами, на едва заметный шрам на золотистой щеке, на губы, за которыми прятался острый язычок. Никогда нельзя было знать наперед, улыбнутся тебе или ранят словами.

– ...Джинан, я люблю тебя.

Она одарила меня улыбкой и хрипло сказала, откинув волосы:

– Кто бы сомневался!

Я шутливо ткнул ее в плечо, и она рассмеялась, склоняясь ко мне:

– Вот чудак, я ведь тоже тебя люблю.

Я хмыкнул, но она все равно меня поцеловала.

Жар и отчаяние – вот что я ощутил, но не знал, на моем языке или на ее. Литературные критики древности часто утверждали, что мужчины считали женщин трофеями, которые

можно было завоевать или купить. Ничего они не понимали. Невозможно оставаться мужчиной, считая так, ибо любовь – это отчасти попытка самому стать тем, кто достоин любви. То, что Джинан заслуживает любви, было не менее очевидно, чем сияние звезд. А вот насчет себя я сомневался. Как любой принц из легенд – вроде Артура, Тристана или Рамы, – я знал, что могу стать достойным, лишь совершив подвиг и преподнеся его доказательства к трону моей королевы. Любовь – не просто эмоция, а клятва, данная друг другу. Клятва, которую постоянно нужно обновлять, пока в этом не исчезнет необходимость.

Или пока судьба или смерть не разлучит вас.

Подняв меня на ноги и увлекая за собой, она вытащила мою рубашку из брюк. По коже пробежал холодок, волоски встали дыбом. Она отвела меня к постели. В ее походке было что-то, от чего я не мог оторвать глаз. Поцеловав, Джинан толкнула меня на матрас. В ровном свете ламп гобелены мерцали позолотой. Джинан отдала команду, и свет померк; остались лишь аварийные огни и красные фонарики над выходом и дверью в ванную.

– Думаешь, я позволю им разлучить нас? – прошептала она, сбрасывая рубашку.

Под ней ничего не оказалось, высокая грудь вздымалась с каждым вдохом. Джинан опустилась на меня.

«Тебе не оставят выбора», – едва не вырвалось у меня, но язык Джинан уже проник ко мне в рот, и все остальное тут же стало неважным. Ее пальцы скользили по моим волосам и телу. Я нашел рукой ее мускулистое бедро, расстегнул брюки, и Джинан зарычала, сжав меня сквозь ткань. Я выдохнул и обхватил ее лицо ладонями. Попробовал перекатиться на нее, но Джинан не поддавалась. На мгновение я увидел так хорошо знакомые мне милые черты, высокие скулы, насмешливые глаза под копной выующихся черных волос.

– Даже не думай, – сказала она и одной рукой припечатала меня к постели.

Поцеловав мои губы, подбородок, кадык, она убрала руку, которой прижимала меня. Все это напоминало спарринг. Ее волосы скользили по моей коже, щекоча до зуда.

Холодность моя растаяла.

Говорят, древние верили, что Вселенная однажды сожмется. Время обратится вспять, и мир вернется к своей первоначальной форме булавоочной головки, на которой танцуют ангелы. Мне на мгновение показалось, что это уже случилось: все миры за пределами нашей постели и каюты исчезли, а мироздание смогло уместить в себя лишь Джинан и меня. Все остальное – сьельсины, Крашенный, Империя, Джадд, Бассандер и Отавия... даже Гхен, – все потонуло в свете Джинан, как начало времен в реликтовом излучении. Я всецело отдался страсти момента и рукам Джинан. Я любил, мы любили друг друга, и все в нашем мире было соткано из любви – пусть лишь на этот короткий миг. Это был рай для двоих. Отгороженный от остального мира сад.

Но в каждом райском саду есть свой змей, и света не бывает без тени.

Это не продлилось долго. Я не выдержал.

Так не могло продолжаться вечно.

Ничто прекрасное не вечно.

Даже на вкус Джинан оставалась солдатом. С привкусом железа и пота. Ее литое тело напоминало бронзовые статуи, изображавшие икону Ярости на алтарях Капеллы. Изнуренные, мы молча посмотрели друг на друга, предчувствуя очевидное: возвращение положит конец нашим отношениям, этим ночам.

В уголках рта Джинан виднелись морщинки. Морщинки, которые обычно сглаживал смех. Морщинка тянулась и между ее черными бровями, идеально ровная линия, словно подчеркнутая каким-то логофетом в знак признания ее тяжелого бремени. Это бремя Джинан снимала с себя на короткие часы, но никогда о нем не забывала. Раньше я вздрагивал, думая о том, как сам выгляжу в этот миг. Теперь перестал. Читатель, за годы изгнания я столько раз

просыпался в холодном поту, дрожащий и одинокий!.. Есть ноши, которые нельзя сбросить даже во сне.

Мне нет прощения за то, что я сделал. Даже после смерти мою могилу будут попирать за это.

Глава 11

Твое величество

Медтехники Отавии доложили мне, что Сиран вывели из фуги, но я все равно на полтора дня отложил визит на «Мистраль». Я говорил себе, что еще скорблю, что еще не забыл жутких безжизненных глаз СОПов и того, как они двигались, даже будучи порубленными на кусочки. На самом же деле мне не хватало смелости встретиться с лучшей подругой Гхена. Здоровяк и Сиран были мирмидонцами, вместе были преступниками и заключенными и вместе последовали за мной с Эмеша. Гхену это стоило жизни.

«По нужде они бы пошли за кем угодно, – прозвучал во мне голос с интонациями Тора Гибсона. – Не вини себя за то, что предложил им путь, где бы он ни окончился».

«Горе – глубокая вода, – сказал я себе уже собственным голосом. – Горе – глубокая вода».

Мы – я и Хлыст – пересекли на шатгле статическое поле и направились к меньшему из наших кораблей. Длинной триста пятьдесят метров от кончика носа до края кормы, похожий на наконечник копья, «Мистраль» сиял, будто серебряный слиток у костра. Как и «Фараон», он был угранской конструкции и, судя по дате на регистрационной табличке, заложен еще в те времена, когда на этой далекой планете правили короли. Быстрейший из наших кораблей, «Мистраль» развивал скорость, восьмикратно превышающую световую. «Фараон» превосходил скорость света от силы в шесть раз.

– Пойти с тобой? – спросил Хлыст.

Мы сидели вдвоем в кормовом отсеке, отделенные от пилота перегородкой. Гул турбин лишь усиливал гнетущую тишину.

Я помотал головой секунд пять, пока не осознал, что ничего не ответил вслух.

– Нет. Ты не обязан.

– Адр, я не это имел в виду, – сказал Хлыст и поджал губы.

Я оставил ремарку без ответа.

– Она знает? Корво ей сообщила?

Смерть Гхена стала для меня непреложным фактом, и я, как рыба из притчи, не отдающая себе отчета в том, что живет в воде, даже не подумал уточнить.

– Неизвестно, – ответил мой лучший друг, наклонившись вперед, поближе ко мне.

– «...надлежало бы скончаться позже»⁵, – перешел я на классический английский.

– Чего?

На лице Хлыста отразилось раздражение вперемешку с удивлением. Он не понял ни слова.

– Прости, несу всякую чепуху, – сказал я на галсани.

Мой друг, который был младше меня, но выглядел старше, улыбнулся и похлопал меня по руке. Улыбка маской застыла на нижней половине его лица, не коснувшись глаз.

– Что еще новенького? – Его шутка тоже вышла скупой.

– Я теряю Джинан.

Слова рефлекторно сорвались с языка. Я их не обдумывал, даже не знал, что такие мысли бурлят во мне, пока не произнес вслух. Как будто в моих руках было подобие механического кубика с изображением, которое можно было собрать, лишь правильно повернув все грани.

– Что?

Я закусил губу и перевел взгляд с узкого лица Хлыста на краешек планеты, видимый сквозь треугольный иллюминатор.

---

⁵ У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

– Если мы полетим назад, она вернется к своему народу. А Смайт не отпустит меня с ней.

– Откуда ты знаешь?

Спорить не хотелось.

– Может, отпустит, – добавил Хлыст.

– Она назначила меня иммунисом, – ответил я, используя формальный термин для особо уполномоченного дипломата. – Джинан вернется на службу к сатрапу, а нас прикрепят к Четыреста тридцать седьмому, не сомневайся.

– Не может быть, – забеспокоился ликтор.

– Может, – кивнул я с уверенностью схоласта, пусть и не имел на это полного права. – Я хочу этого избежать.

– Империя все равно получит, что ей нужно, – вздохнул Хлыст. – Я не особенный патриот, но лучше уж работать на них, чем стать одним из тех... аппаратов.

Пришел его черед отводить взгляд и рассматривать космос.

– Вильгельм, – я не собирался называть его по имени, но серьезность момента подстегнула, – нам даже «спасибо» за это не скажут. Особенно если вернемся ни с чем, как настаивает Лин.

– К чему ты клонишь?

– Сам не знаю, – ответил я, хотя имел догадку.

И до меня были палатины, отвергнувшие службу Империи ради высшей цели. «Отправьшься со мной, если Бассандер откажется?» Хватит ли у меня духу задать Хлысту тот же вопрос, что и Джинан? Я, затаив дыхание, пытался сформулировать мысли. У меня было твердое желание, но не было плана – а человек, не знающий, как добыть то, чего желает, подобен человеку, прыгающему с высоты со связанными руками. Я как будто снова плутал в сумрачном лесу, не зная дороги. Данте повезло больше моего. С ним был Вергилий.

Я так ничего и не сказал. Не то чтобы не доверял другу, просто пилот в переднем отсеке мог слышать или даже записывать наш разговор и передать его потом Бассандеру. Мы были на норманской территории, в дальнем космосе, но все еще в имперских владениях, а у Империи всюду глаза и уши.

– Забудь, – покачал я головой и покосился на серую перегородку, намекая на пилота. – Ты сам успел поговорить с Сиран?

– Нет. – Хлыст подался спиной назад. – Надеюсь, ей уже сообщили.

– Я тоже надеюсь. – Мой голос казался старше, чем у тридцатипятилетнего человека.

– Тогда позволь повторить вопрос, – сказал Хлыст тише, и его тон стал серьезным, без намека на веселость. Он говорил откровенно, по-мужски, без издевки и лукавства, с искренней заботой и любовью к старому другу. – Мне пойти с тобой?

* * *

Внутренняя отделка «Мистраля» была такой же, как у «Фараона»: голый металл, сводчатые коридоры, круглые двери, повсюду белая обивка и ручки, чтобы облегчить передвижение в случае отказа или отключения системы искусственной гравитации. В отличие от «Бальмунга», мы попали на борт через стыковочный рукав и поднялись через шлюз в подфюзеляжной палубе. Хлыст двигался впереди, формально обеспечивая безопасность, хотя на борту наших кораблей в этом не было нужды. Я следовал за ним, на ходу разглаживая тунику.

У входа на главную палубу нас встретил старший помощник Бастьен Дюран. Когда я приблизился, низкорослый норманец поклонился:

– Добро пожаловать на борт, лорд Марло.

На нем, непонятно зачем, были старинные проволочные очки. Он наверняка в них не нуждался.

– Старший помощник, – сухо ответил я на приветствие. Болтать мне совершенно не хотелось.

– Капитан собиралась лично встретить вас, но они с лейтенантом Айлекс заняты расшифровкой данных с терминала Крашеного.

– Есть новости? – воодушевился я.

Дюран поправил очки:

– Нет, ваша светлость. Дриада говорит, что устройство закодировано. Доктор Ондерра также помогает, но пока безуспешно.

Обменявшись любезностями, мы проследовали за Дюраном в вестибюль и далее по низкому коридору, где я едва не стукнулся головой о потолок. Из боковых проходов таращились бледные, бронзовые и темные норманские лица. Натянув улыбку, я вальяжно салютовал им. В моей семье подопечные Отавии были самыми странными. На «Мистраль» перевели лишь нескольких человек Бассандера и Джинан, оставив перехватчик в подчинении бывших солдат Вента. Форма Красного отряда им не шла – я заметил одну женщину, оторвавшую рукава, чтобы продемонстрировать покрытые ниппонскими татуировками руки. Некоторые не застегивали мундиры, а иные и вовсе их не носили. Кто-то наряжался в повседневную одежду. Атмосфера на «Мистрале» царила расслабленная, даже несмотря на явную озабоченность некоторых членов экипажа.

– Лорд, нам опять готовиться к заморозке? – спросил один солдат. – Мы только из нее вышли!

– Говорят, мандари хочет вернуться? – окликнула меня женщина – судя по акценту, одна из джаддианских альджани.

Я и хотел бы дать им ответ, но вынужден был промолчать.

Мы прошли по мостику над трюмом, просторным отсеком, занимавшим почти треть площади корабля. Потолок изящно выгибался и вибрировал от мерного гула расположенных выше термоядерных реакторов. На переборке слева от нас висело больше десятка военных штандартов с гербами отрядов, норманских фригольдов и даже одного имперского дома. Был среди них и золотой штандарт адмирала Вента. С него по-прежнему дерзко, несмотря на гибель хозяина, глядел черный восьмикрылый ангел. Прямо перед нами располагался центральный шлюз, ведущий к мостику на противоположном конце корабля.

Сиран дожидалась нас на правом борту в достаточно просторном помещении, служившем одновременно и комнатой отдыха, и столовой. Она была не одна. На диванах и за игровой станцией разместилось еще с дюжину солдат, наверняка недоумевающих, зачем им возвращаться в фугу сразу после пробуждения.

– Получай, паскуда! – Рассмеявшись, женщина в форме шутя стукнула подругу, обыграв в какую-то игру-симулятор. – Получай!

– Эй, потише! Комендант идет!

Когда я вошел, смех стих до уровня шепота. Все присутствующие почувствовали себя незваными гостями. Краем глаза я заметил, как двое солдат выскользнули в коридор, а еще один переместился в столовую.

Сиран с Эмеша сидела у голографической панели, имитирующей вид из иллюминатора на оранжевую планету. Изображен был даже шрам на месте города Сурена, касающийся границы света и тени. Корабль как раз входил в ночную зону. Завидев меня, Сиран улыбнулась и отставила кружку. Если она и плакала, то слез я не видел. Она всегда предпочитала короткие стрижки, но теперь вовсе сбрила волосы, и ее коричневая кожа блестела в свете люминесцентных ламп.

Не произнося ни слова, я подошел к ней и, склонившись, обнял. Все молчали, лишь издали слышалось чье-то неловкое шарканье. Я отпустил Сиран, и та встала, положив руку мне на плечо.

– Ты в порядке? – спросила она спустя несколько секунд.

– Я-то? – едва не усмехнулся я. – А ты в порядке?

Ее рассеченная ноздря напомнила мне о Гхене, и я невольно отвернулся.

– Отавия сказала, что ты там был, – ответила она, не убирая руки. – А я была ледяным кубиком.

Прикусив губу, я сказал:

– Да. Но он был твоим...

Кем? Любили ли они друг друга? Я ведь этого не знал и никогда об этом не спрашивал. На Эмеше их перевели в блок с заключенными, и мы виделись лишь на тренировках и в боях. А после Эмеша они служили на разных кораблях.

Сиран промолчала, взяв продолжительную паузу, затем произнесла:

– Дело было плохо?

Что ответить на такое? Мои сапоги вдруг стали весьма привлекательным объектом созерцания.

– Он храбро сражался, – вздохнул я.

– Я не об этом спрашиваю.

Ее карие глаза сверкнули, и я мигом вспомнил, что она старше меня. Годы обошлись с ней лучше, чем с Хлыстом: волосы не поседели, кожа не состарилась. Она держалась горделиво, отстраненно, как королева, и я задумался, не течет ли в ней кровь патрициев.

Стиснув зубы, я вновь представил дымящуюся от плазмы рану и кражу лица Гхена Крашеным.

– Там были демоны, машины в человеческих телах. Гхен...

– Марло, не води меня за нос! – воскликнула женщина, и в толпе зашептались. – Я не об этом спрашиваю!

– Сиран, – произнес Хлыст, подходя и протягивая руку.

– А ты вообще не лезь! – огрызнулась она, отступая.

– Что я должен сказать? – спросил я.

Сиран молча буравила меня взглядом.

И я рассказал им все. О бойне и о том, как отправил Гхена вниз. О СОПах, о Крашенном и его жутких проделках. О том, как отомстил за Гхена.

Хлыст не знал историю в таких подробностях и замер, разинув рот. К концу рассказа нас обступила толпа, приблизившись ко мне, Сиран, Хлысту и Дюрану, насколько хватило смелости. Лишь только я умолк, солдаты бросились врассыпную, сделав вид, что вовсе не слушали.

– Спасибо, – кивнула Сиран.

– За что?

– За то, что проломил уроду голову, – ухмыльнулась она.

Хлыст причмокнул губами и взъерошил седеющие волосы:

– Нужно было вина захватить. Не подумал.

– Мне и это сойдет, – подняла кружку женщина-мирмидонец.

– Чай? – скривился я.

– Водка, – фыркнула Сиран.

– Но еще утро! – изумленно воскликнул Хлыст. – И где ты вообще ее откопала?

Женщина показала ему неприличный жест и улыбнулась. Нависавшая над нами мрачная туча понемногу рассеивалась, и мы искренне улыбались друг другу.

– Бандит прислал с земли, пока вел поиски. Пока я еще была заморожена. К слову... – Она прищурилась и уселась за стол. – Правда, что Лин снова собирается нас заморозить и вернуться к имперскому флоту у Коритани?

– Если Айлекс не раскопает чего-то существенного, таков план.

– А что Джинан?

Я искоса посмотрел на Хлыста:

– Делает вид, что не имеет права голоса. Говорят, командование легионов приказало всем кораблям собираться у Коритани. Я не устаю повторять, что Джинан не подчиняется Империи, что мы можем разделиться и продолжить поиски Воргоссоса без имперской поддержки, но она не хочет перечить Бассандеру.

– Похоже, она уже давно все решила, но не собирается признаваться, – прошипела Сиран, скрещивая ноги.

– Может, и нет, – вставил Хлыст, оглядываясь на Дюрана в поисках поддержки. Старший помощник молчал. – Адр, я думаю, Джинан просто осторожничает. Быть между тобой и Бассандером – все равно что оказаться между молотом и наковальней.

– Как-то это трусливо, – заметила Сиран с легкой улыбкой. – Она ведь тоже капитан.

В этот момент старшему помощнику Дюрану на терминал поступил вызов, и он поспешно вышел, чтобы ответить. Остались лишь трое ветеранов боросевского Колоссо.

– А как Паллино? – спросила Сиран.

– Да как всегда, – ответил Хлыст. – Стойкий сукин сын. Даже глазом не моргнет.

– Ну, – сухо ответил я, – глаз-то у него всего один, моргать опасно.

– Не смешно. – Хлыст уколол меня взглядом и едва не замахнулся, чтобы ударить.

– Смешно.

– Да иди ты к черту! – буркнул он, принимая во внимание собравшихся в зале солдат. Ликтору коменданта не к лицу бить этого самого коменданта.

Сиран же улыбалась до ушей. Хороший знак.

– А напрямую со Смайт ты не говорил? В обход Лина и твоей девицы?

Я настолько стремился уладить все собственноручно, что напрочь забыл о том, что в дело вовлечены и другие силы. Пусть и не столь могущественные, как Первый стратиг, но куда могущественнее Бассандера Лина.

Райне Смайт. Рыцарь-трибун Райне Смайт.

– Нет, не говорил, – признал я и почувствовал, как невольно расплываюсь в улыбке.

– О, я знаю это выражение, – кисло заметил Хлыст. – Даже не начинай.

Я потер лицо ладонями. Мне хотелось расцеловать Сиран. У меня был другой выход. Только вперед и вниз, не сворачивая налево и направо⁶. Мы снова очутились в лабиринте – или вовсе не покидали его, – в сени мрачных деревьев моего разума.

– Не слушай его, твое величество, – сказала Сиран, глядя на меня снизу вверх. – Мне нравится, когда ты такой. – Она с улыбкой прикончила остатки водки. – Ребята, вам налить? Помянем Гхена как положено.

Сиран потянулась к бутылке, не дожидаясь ответа. Я был ей признателен. Она не увидела моих слез. Хлыст схватил меня за руку, я повернулся, удивившись той озабоченности, что отразилась на его лице.

Отмахнувшись, я вытер слезы и пробормотал:

– Твое величество.

---

⁶ По одной из версий древнегреческого мифа о Минотавре, такие указания дала Тесею Ариадна.

Глава 12

Конец пути

– Как видите, – заявил Бассандер сквозь голографическое созвездие, не поднимаясь из-за непристойного стола Эмиля Борделона, – на звездной карте, добытой дриадой из терминала Крашеного, нет ни единого указания на Воргоссос.

Объемная карта мерцала, подобно покрытой инеем паутине в цилиндре, спроецированном с потолка. Рядом сменялись названия и координаты. Голографические звезды сверкали в паутине, будто самоцветы размером не больше моего ногтя. Они располагались близко друг к другу, связанные крупными торговыми путями. Но меня манило ядовито-красное пространство между ними.

– Это темные миры? – спросил я, привлекая внимание окружающих.

– Темные миры? – усмехнулась Гринло рядом с Бассандером. – Это вам не опера.

Хмыкнув, я повернулся к Айлекс, стоявшей рядом с капитаном Корво. Вместо тяжелого мундира на ней была заправленная в красные шаровары белая рубашка и высокие сапоги.

– Это экстрасоларианские аванпосты в Вуали и Пространстве Наугольника. Список наверняка неполный, – ответила дриада, расцепляя зеленые руки.

– Этого вполне достаточно, – сказал я и перевел взгляд на Джинан.

Мой капитан потупилась, уставившись на что-то на полу.

– Спасибо, Айлекс. Отличная работа, – поблагодарил я, и дриада довольно выпрямилась. – А станцию «Март» удалось обнаружить?

– Она довольно далеко, – ответила Айлекс, подходя ко мне и указывая на красный куб в нескольких сотнях световых лет от нас. – На обычной крейсерской скорости можем добраться туда года за полтора. Есть торговые посты и поближе – вот здесь и здесь, – указала она, – но Крашенный наверняка неспроста упомянул «Март».

– Кремна и Танаис, – прочитала Джинан. – Звучат как названия планет.

– Довольно! – холодно скомандовал Бассандер. – Марло, вы обещали мне Воргоссос. Это не Воргоссос.

На его лице ходили желваки, на висках пульсировали жилки, лишний раз привлекая внимание к свежевыбритым почти до макушки волосам.

Я не удостоил его ответом.

– Капитан Корво, у вас есть предположения, почему Крашенный мог особо отметить станцию «Март»?

Высоченная Отавия Корво откинула назад прядь непослушных светлых волос и пожала плечами:

– Возможно, это более крупный торговый пост или каким-то образом сотрудничающий с Воргоссосом. Я не слишком разбираюсь в политике окраинных миров.

– Даже если мы отправимся сегодня, – скрестил руки Бассандер, – понадобится пятнадцать лет, чтобы воссоединиться с флотом. Наша миссия провалена.

– Еще чего! – повысил я голос, указывая на голограмму. – У нас есть координаты... – я сосчитал, – семнадцати экстрасоларианских баз.

– Предлагаете все их обыскать?

– Если понадобится, – ответил я.

Коммодор крякнул, опускаясь в кресло за громоздким столом. Протянул руку, взял за обернутую кожей рукоять используемый в качестве пресс-папье меч, прежде принадлежавший адмиралу Венту. Взмахнул им, как дирижерской палочкой, направил на меня:

– У нас нет времени. Наши колонии столько не продержатся.

– Так возвращайтесь, капитан.

Я протиснулся мимо Джинан, чтобы оказаться с Бассандером лицом к лицу. Его уязвило то, что я назвал его истинный ранг, да еще в присутствии норманцев. Это было ошибкой с моей стороны, но я уже пер напролом:

– Я возьму «Бальмунг» с пленниками и сам отыщу Воргоссос.

Сказав это, я покосился на Джинан, но мой капитан молчала. Продолжать путешествие одному мне не хотелось.

– Сами отыщете? – усмехнулся Бассандер. – Без моих офицеров вы и ржавой ванной управлять не сможете.

Это было не менее обидно, чем мое к нему обращение. На самом деле я вполне неплохо управлялся с лихтерами, которые базировались в ангаре «Бальмунга», но решил об этом не упоминать.

– Вы перечеркиваете все, чего мы добились с тех пор, как улетели с Эмеша. Все, что нам удалось создать.

– А чего мы добились? – спросил Бассандер, крепче сжимая рукоять меча. – Свергли норманского диктатора да разогнали шайку пиратов. Вам, рафинированным палатинам, должно быть, и невдомек, что, по имперским стандартам, это вовсе не достижение.

– Тогда отдайте мне «Бальмунг», – не отступал я.

Остальные – Джинан, Отавия, Айлекс, Гринло – будто растворились в серой дымке. Мы с Бассандером стояли в центре тусклой вселенной, и никто не хотел уступить.

Наконец он громко стукнул рукоятью меча по столу:

– Ни корабля, ни моих офицеров вы не получите.

– Я отправлюсь с ним, – выступила вперед Отавия, положив руку мне на плечо. – Вы ничего не потеряете, кроме денег, которые и без того мне платили, и корабля, который вам не принадлежал.

От ее слов у меня расправились плечи. Так или иначе, поддержка со стороны норманских наемников была целиком моей заслугой. Я избавил Отавию от Вента и Борделона. Борделон. То, что Отавии хватило мужества войти сюда после всего, что совершил этот подонок, во многом говорило о силе ее воли. Даже я не мог этим похвастаться.

«Во Вселенной достаточно бешеных псов», – сказала Корво, узнав о гибели ее жестокого командира. Она не лила о нем слез, лишь одобрительно кивнула.

Лин встал, но произвести внушительное впечатление ему не удалось, так как ростом он едва доставал Отавии до груди. Его глаза-угольки прищурились. Не успел он открыть рот, как я выступил вперед:

– Бассандер, послушайте. Пожалуйста. Если не желаете расставаться с «Бальмунгом», отдайте мне пленников. Мы перевезем их на «Мистраль». Он в любом случае быстрее. Я найду съельсинов. Знаю, что найду.

– Отдать пленников? – возмутился Бассандер. – Вы забыли, что среди них съельсинский нобиль? Нам вообще не следовало сюда лететь. Нужно было держать его в заложниках на случай нападения Бледных.

– Прекрасный план, – едва не ухмыльнулся я. – Вот только от Танарана не будет никакого толку, если на колонии нападет не его флот. Так и с остальными. Вы же не станете вести переговоры с Джаддом, чтобы заключить мир с Содружеством.

Я заметил, как Бассандер сжимает рукой меч, и инстинкт фехтовальщика заставил меня отступить на шаг.

– А что, – тихо и угрожающе произнес Лин, – заставляет вас считать, что экстрасоларианцы с Воргоссоса как-то связаны с флотом, которым он командовал?

– Оно, – не удержался я от замечания. – Оно командовало.

Бассандер использовал неправильное местоимение: у ксенобитов не существовало привычных нам полов.

Прежде чем он смог возразить, я продолжил:

– Про Воргоссос я узнал от капитана, убитого мной на Эмеше. Если оно там бывало, то воргоссианцы должны знать, как их найти. Вам это прекрасно известно, учитывая, сколько раз мы это обсуждали.

Не желая признавать ошибку, Бассандер ответил:

– Я не могу отдать вам пленников. Вот что! – Он поднял руку. – Я вас понимаю. Вы не хотите возвращаться на Эмеш, к князю Матаро и его дочери.

Я удивленно моргнул:

– Что? – и огляделся. На меня недоумевающе смотрели Айлекс и Корво, лишь Джинан единственная среди всех понимала, о чем речь. – Дело вовсе не в этом.

– Флотилия собирается у Коритани. Оттуда до Эмеша два световых килогода. Даю слово, что приложу все усилия, чтобы оградить вас от амурных притязаний леди Анаис.

Усмешка на лице Бассандера напоминала трещину в стекле. Я с трудом удержался, чтобы не врезать по ней.

Анаис Матаро. Девушка – теперь уже женщина на несколько десятков лет старше, чем я, – была классической аристократкой: красивой, умной, амбициозной. Ее отцы приютили меня, подброшенного улицами Боросево к их крыльцу, и согласились не выдавать моей семье. Но это оказалась ловушка, золотая клетка. Меня, словно сказочную принцессу, удерживали в ней по политическим причинам. Из-за моей крови. По материнской линии я приходился родственником самому императору Вильгельму XXIII и дому Адвентов, а также был пэром. Брак по расчету мог возвысить леди Анаис и ее провинциальный дом до самых дальних и древних созвездий, ведь моя кровь текла бы в наших с ней потомках. Меня хотели использовать как ценного скакуна с богатой родословной: получить то, что нужно, и отправить доживать остаток дней в качестве князя-консорта на жалкой болотистой планетке, где я хлебнул столько горя.

– Капитан, ваше благородство не знает границ, – прохладно ответил я, – но причины моего беспокойства совсем в другом. Как я уже говорил, мы можем изменить ход войны. Мир с одной сельсинской армадой откроет дорогу к миру с остальными. Мы понимаем их. Готовы с ними торговать. Нам нет нужды воевать.

– Вы хотите, чтобы я забыл о резне на Тире? Баннати? Идунне? Ликий? Здесь, на Рустаме? – прорычал Бассандер. – Марло, вы хотите мира с тварями, которые нас едят? Которые забивают детей, как свиней? Святая Мать-Земля! Мы и животных-то почти перестали употреблять в пищу. Адриан, они не люди. Они чудовища.

Я улыбнулся, чтобы поцарапать его стеклянную ухмылку:

– Сколько раз в истории человечества говорилось то же самое? О каких народах?

Мысленно я распутывал свиток времени с преступлениями всевозможных угнетателей. Мне сразу же вспомнился раб в мейдуанском коллизее, чье лицо было раздавлено сапогом гладиатора, пока не потеряло сходство с человеческим. Номо homini lupus est. Человек человеку волк. Сколько людей погибло таким образом? Сколько было вырезано нашими предками? Сколько городов сожжено? Сколько божеств осквернено?

Ксенофобия.

Так это называлось.

Страх перед чужим.

Неверный термин.

Древние закрывали ворота перед чужаками не из страха. Не было страха и в черных глазах Бассандера. Лишь очищающее пламя и отблеск грядущих костров. Костров, которые разожгу я сам. Буду вынужден разжечь.

– Они не люди! – прорычал Бассандер.

– Они ничем не хуже людей! – парировал я.
Как я был наивен!

Откуда только берутся такие, как я? Люди, что доверяют незнакомцу больше, чем соседу. В юности мы с надеждой глядели на звезды, полагая, что живущие там, в непознанной темноте, цари и боги величественнее, добрее и справедливее человека. Мы представляли, как они спустятся с небес и щедро одарят нас, верили, что любая гниль свойственна лишь людской природе, а любое зло порождается лишь черными людскими сердцами. В своем самоуничижительном неведении я не представлял себе иного, более черного и отвратительного зла, кроме собственного. Невозможно было вообразить, что наше зло для кого-то окажется нормальным и естественным. Обыденным. Но дьявол произошел не от Адама, а Мардук создал первых людей из крови Кингу, а не наоборот. Зло древнее нас, отлично от нас – больше нас. Оно простирается через все известные времена. Читатель, человек – не единственный демон. Есть и другие. Но наша развитая логика позволяет постичь лишь собственных демонов.

В юности я верил, что преодолеть барьер между людьми и другими видами поможет язык и что человеческий рассудок и Истина – логос Аристотеля, музейных католиков и исчезнувших суфиев – гораздо важнее биологии и все живое должно их придерживаться. Но теперь я знаю куда больше. Запомните: любая мысль любого философа, схоласта, ученого или священника ограничена рамками человеческого ума.

Не поймите превратно. Я не отвергаю факты. Но для того, чтобы понять, что дважды два – четыре, нужен разум, способный видеть «два» как «два», а «четыре» как четыре и понимать принципы сложения. А это гарантировать нельзя. Законы природы незыблемы, но, подобно картинке, на которой одни видят кролика, а другие – утку, могут по-разному интерпретироваться разными существами. Наша логика, наш рассудок и, прежде всего, наша мораль, что зиждется на Несотворенных божествах древности, – имеют мало общего с существами, зародившимися не на Земле. Таким образом, мне легко понять и принять, уважать и любить всякого человека, будь он джаддианцем или тавросианцем, смуглым или бледнокожим, мужчиной, женщиной или андрогином. Но нечеловека? Нет. Они не подвластны нашему пониманию, нашей вере и доверию. Фанатизм Бассандера был оправдан.

К сожалению, тогда я этого не знал. И мне, как и многим другим, пришлось из-за этого страдать. Планеты и люди все равно погибли.

– Они люди! – повторил я с нажимом. – Они разговаривают, мыслят. Им известно понятие чести. Нельзя отрицать их...

– Что? – перебил Бассандер. – Человечность? Они не люди.

Читатель, я видел такое, что вам и не снилось. То, что творили съельсины. Видел, как готовили и подавали к столу детей – человеческих и съельсинских. Видел рабов, которых уродовали ради так называемого искусства, любовников, которые калечили друг друга, чтобы отметить свою привязанность, видел Черное Пиршество в честь коронации их темного властелина. Для нас это чудовищно, а для них – обыденно, словно вечер в опере. Дело не в том, что они по природе злы, – хотя и это правда. Дело в том, что они – не мы.

Невежественный, отчаявшийся, я повернулся к Отавии. К Айлекс и Гринло.

К Джинан.

– Мы уже столько прошли, – сказал я, взяв Джинан за руку. – Капитан, вы говорили, что вам нужно время на принятие решения. Это время истекло.

– Это недемократично! – воскликнул Бассандер, хотя в некотором смысле было демократичнее некуда. Отавия служила по контракту и, как все федераты, могла разорвать его и уйти. Джинан подчинялась своим сатрапу и князю. Нас держало вместе взаимоуважение и общая цель. Если нам было суждено расстаться, я все равно должен был продолжить миссию. Свою миссию. Обещания, данные в темных казематах Капеллы, эхом звучали в моих ушах.

– Я поклялся вернуть их домой, – сказал я, глядя в лицо Джинан, не обращая внимания на Бассандера.

Мои пальцы стиснули ее руку. Мне хотелось понимания. Поддержки. Джаддианка сжала губы так, что они побелели, ее взгляд прыгал от меня по сторонам и обратно.

– Джинан, мы можем изменить ход войны, – уговаривал я ее. – Мы совсем близко. От станции «Март» один шаг до Воргоссоса. Мы найдем съельсинов.

Мы находились на распутье. Если бы я, подобно некоторым чудовищам, был способен видеть голые очертания будущего, я бы свернул. На пути Бассандера был долгий холокост. Крестовый поход. Война. Новые и новые битвы. Смерть от огня и меча. Сколько веков мы уже сражались? На скольких планетах? Сколько из них превратились в тлеющие угольки? Сколько миллиардов человек погибло? Ради чего? Из чьих тел сложат костер, возвещающий конец времен? Война есть хаос, и между нами и съельсинами, пусть я тогда этого и не понимал, не может быть мира. В конце пути Бассандера высился могильный курган, но я не знал, наш или их.

Я так ничему и не научился.

На моем пути, как мне теперь известно, пылал тот же всеочищающий огонь, что я видел в глазах Бассандера. Новые и новые битвы. Огонь. Меч. Но были и другие, удивительные места, читатель, к которым я решил свернуть в тот миг, когда Джинан сбросила мою руку. Да, в своей слепоте я уже принял решение, но она не оставила мне выбора. Кошмар и кошмар. Таковы были единственные доступные мне пути, и я пробирался по ним на ощупь. Сделал бы я тот же выбор, если бы мог предсказывать будущее? Или превратил бы себя в камень, как мог бы сделать Персей, чтобы попусту не тратить силы?

Джинан заговорила, и каждое слово ранило меня, будто Белый меч катара.

– Мы возвращаемся на Коритани, – произнесла она, закрыв глаза. Темные глаза. Темные, как у Бассандера.

На секунду у меня перехватило дыхание, и кровь, казалось, остановилась в жилах. Дело было сделано. Слова сказаны. И никакая стихия не могла повернуть это вспять, как бы мне того ни хотелось.

– Нет, – попытался я схватить ее за руку. – Джинан, нет. Послушай.

Она рефлексивно сжала мое запястье:

– Нет, это ты послушай.

Ее темные глаза открылись. Не отпуская меня, она сказала:

– Бассандер... Бассандер прав. Нужно вернуться к флотилии с новыми данными. Они отправят корабли ко всем экстрасоларианским базам. Это будет быстрее, чем самим проверять каждую.

– Но нам точно известно, что след ведет на станцию «Март», – возразил я, оглядываясь на красные отметки на голограмме.

– И сообщил об этом гомункул-преступник, – заметил Бассандер.

Даже не глядя, я почувствовал, как дернулась Айлекс. Она ненавидела слово «гомункул» не меньше, чем люди не любят слово «примат», несмотря на то что эти термины вполне корректны.

– Марло, этот ваш след весьма тонок, – сказал он. – Смиритесь.

Не вырывая руку из пальцев Джинан, я повернулся к нему.

– С каждой секундой промедления вы получаете лишний аргумент в свою пользу, – прошипел я. – С каждым днем съельсины приближаются к новым планетам. Неужели вы настолько хотите доказать свою правоту, что готовы пожертвовать этими планетами лишь для того, чтобы показать, что я ошибаюсь? Лин, дайте мне идти своей дорогой. Ради Земли.

– Адриан, – сказала Джинан, – прошу тебя.

Дышать было тяжело, из ноздрей готов был повалить пар. Мне понадобилась каждая капля стоической философии Гибсона, чтобы не схватить Джинан и не наорать на нее. Все

молчали. Пять пар глаз были устремлены на меня. Все равно что пять лазеров. Я был в меньшинстве. Отавия и Айлекс могли бы прийти мне на помощь, но нет. Их в первую очередь заботило собственное будущее, и это молчание могло обеспечить им выгоду в дальнейшем. Я их не винил.

Я даже не злился. Эмоции, подкатывавшие к глотке, были иными. Не паникой. Чем-то одновременно сокрушительным и здравым, логичным.

Это было отвращение.

Огрызнувшись, я покружился на месте, смерив всех презрительным взглядом – не всех заслуженно: Айлекс и Отавия не сделали ничего плохого.

– Значит так? – Освободившись от хватки Джинан, я подошел к Бассандеру. – Полетим на Коритани с пустыми руками и станем оплакивать мертвых? Тех, кто отдал жизнь ни за что?

– Капитан, – коротко скомандовал Бассандер Лин Приске Гринло, – отведите лорда Марло в его каюту. Он на грани нервного срыва.

Светловолосая лейтенант обогнула стол и потянулась ко мне. Показывая, что наш разговор окончен, Бассандер отвернулся к стене, на которую передавались записи с камер наблюдения.

– Нервный срыв? – переспросил я, отступая от Гринло. – Вы уничтожаете мой отряд. Еще бы тут не сорваться.

– Ваш отряд? – резко развернулся Бассандер. – Ваш? Позволю себе напомнить, лорд Марло, что этот отряд лишь прикрытие, обеспечивающее нам безопасное пребывание в варварских владениях. На самом деле никакого отряда нет. Лейтенант!

Последнее слово он обратил к Гринло, которая снова приблизилась, весьма непривычным успокаивающим тоном бормоча о том, что мне лучше пойти с ней.

– Значит, раз никакого отряда нет, – подала голос Отавия Корво, – то и контракта у меня нет.

От этих слов Гринло замерла.

Высокая норманка сложила руки на груди и заявила:

– Я забираю свой корабль с командой и покидаю вас.

– Ваш корабль? – возмутился Лин. – Норманка, вы командуете им с моего позволения. Этот корабль – имперская собственность по праву завоевания. У вас нет никаких...

– Разумеется, все ваши люди вернутся к вам, – перебила Отавия. – А норманцы, служащие на «Бальмунге» и «Фараоне», вернутся ко мне – если, конечно, захотят. А они захотят.

– Вернутся? Если?.. – недоуменно повторил Бассандер.

Тряхнув головой, он собрался с мыслями и произнес:

– Собираетесь объявить войну Империи? Угнать имперский корабль? Норманка, вам эту битву не выиграть.

Отавия опустила руку к фазовому дисраптору на поясе:

– Еще раз назовешь меня норманкой, имперец, и узнаешь, на что эта норманка способна.

– Хватит! – сорвалась Джинан, встречающая между ними. – Мы тратим время. Бассандер, отдай ей корабль. Его не было у нас, когда мы улетали с Эмеша, и мы ничего не теряем. Пускай норманцы сами решают, оставаться или отправиться с капитаном Корво. Драться между собой непозволительно.

Она покосилась на меня, и я до сих пор гадаю, поняла ли она, что я собирался сделать и что уже сделал. Гринло отвлеклась на норманскую амазонку и забыла обо мне.

Джинан сказала:

– В одном вы с Адрианом правы: каждая секунда промедления дает преимущество врагу. Что бы мы ни решили, мы не должны бездействовать и тратить время на распри.

Бассандер с Отавией сверлили друг друга взглядом. Капитан по-прежнему держал меч Вента, но клинок не был активирован. Против дисраптора Отавии шансов у него было не

много, но если ему удастся включить щит прежде, чем она выхватит оружие... тогда у нее шансов будет еще меньше.

Наконец Бассандер кивнул. Капитан – коммодор Лин – оперся на угол стола, напоминая своим видом давно умершего лорда с засаленного портрета из какого-нибудь пыльного архива.

– Ступайте, – произнес он, смирившись.

– На опрос команды уйдет день-два, – заметила Джинан.

– Я хочу, чтобы всех, кто находится в фуге, немедленно перевезли на «Мистраль», – потребовала Корво.

– Хорошо, – ответила Джинан, опередив Бассандера. – Что-нибудь еще?

Отавия показала зубы. Ее улыбка напоминала сельсинскую. Она пристально посмотрела на Бассандера Лина, и я принялся гадать, что она потребует. Компенсацию? Неустойку за разрыв контракта? Что-нибудь из вещей Вента или Борделона, – в конце концов, они были ее соотечественниками.

– Я требую извинений.

Глава 13

Повиновение

Я ощущал себя канатоходцем. Стоит чуть-чуть наклониться – и можно приземлиться прямо на путь Бассандера, ведущий к войне и позорному концу, которого мне вовсе не хотелось. Я твердо знал: даже если капитан сдержит слово и оградит меня от заточения на Эмеше, никакой мирной жизни с Джинан на Убаре ждать все равно не приходится. Бассандер использует меня ради иной, куда менее приятной цели.

Что двигало мной? Алчность? Гордыня? Желание войти в историю великим героем, принесшим в Галактику мир, и получить почести от императора? Или, как я тогда утверждал, меня вело сострадание? Сострадание не только к людям, но и ко всем другим существам? Не знаю. Отчасти потому, что с тех пор, как я стоял на борту «Фараона», просчитывая шансы, прошло уже почти пятьсот земных лет, а отчасти потому, что мой прозревший разум воспринимал меня немного чужаком. Чуждыми казались те древние элементы, которые мы, люди, делим с обезьянами, китами и омарами, те, что старше даже нашего языка. Любого языка. Я их не понимал и потому не мог определить глубину и источник своих побуждений.

Достаточно будет сказать, что я чувствовал отчаянное желание сделать хотя бы что-нибудь и найти этому действию четкое определение. У меня был талант: я понимал язык врага. И была возможность применить этот талант. Я, пусть и неохотно, воспользовался выпавшим шансом, переговорив с Райне.

Политика – опасная игра. Однажды я сыграл в нее и выиграл, несмотря на высокий риск. На Эмеше я с помощью Валки избежал брака по расчету и опалы Капеллы и добился права покинуть планету: в меньшей степени – благодаря моей находчивости, и в большей – благодаря слепому и цепкому прагматизму. Дом Матаро, джаддианцы, Капелла, сьельсины, легионы. Я ловко лавировал между ними и выбрался лишь слегка потрепанным.

Сидя на кровати в ярко освещенной каюте, я провел пальцами по рассеянным на левой руке шрамам. После пыток Уванари пыталось убить меня. Капли расплавленного свинца брызнули на руку из пыточного приспособления, оставленного катарами Капеллы. Шрамы блестели на бледной коже, словно кратеры. Словно звезды.

Плата за ум.

Чем я расплачусь на этот раз? Стоит ли оно того?

Я отправил Райне Смайт телеграммы с «Мистраля», где у Бассандера было меньше возможностей их перехватить. Она предложила мне формальную защиту. Никакого содействия в трудную минуту. Она не могла наложить вето на решение Бассандера, ведь тот получил приказ от ее непосредственного начальника Тита Хауптманна. Она лишь негласно призвала меня к неповиновению.

«Я приказала тебе найти Воргоссос, – говорилось в ее ответном послании. – Если теперь я потребую следовать этому приказу вопреки распоряжению Хауптманна, то отправлюсь под трибунал».

«Тогда выйдет, что я последую приказу преступника», – ответил я.

«Если добьешься успеха, это будет не важно».

«Адриан, – раздался в голове голос Гибсона, – назови мне восемь степеней повиновения».

Как и много лет назад, я перечислил их про себя. Повиновение из страха перед болью. Повиновение из прочих страхов. Повиновение из любви к личности иерарха. Повиновение из верности трону иерарха. Повиновение из уважения к законам, людским и божественным.

Повиновение из набожности. Повиновение из сострадания. Повиновение из преданности. Я назвал их несколько раз.

«Что из этого наивысшее? – произнес его резкий голос. – Что может заставить тебя повиноваться?»

«Повинуйся, – подумал я голосом отца, и единственное слово было как порыв ветра в руинах замка на разрушенной луне. Мой отец, лорд Алистер Марло, – Линонский Мясник. – Есть два типа людей. Одни повинуются любому приказу вышестоящих. Другие повинуются собственным приказам. Все люди кому-то повинуются, пускай лишь себе».

Я не был уверен в его правоте, но знал одно: Бассандер был из первых. Он солдат, а не господин.

Что им двигало? Сострадание? Нет, в его мандарийском теле не было ни капли сострадания. Набожность? Возможно, но в нашей Империи под видом религии подают весьма лживую и низменную идеологию. Оставалась верность. Конечно верность. Не личности его командиров, а их рангу. Приверженность Бассандера порядку была куда сильнее, чем я думал. Так он подавлял хаос в собственной душе, где, как у каждого из нас, водились демоны. В Имперских легионах правила иерархия, порядок, закон. Его верность была следствием его зависимости, его нужды. Он повиновался трону иерарха, командованию легиона. Своему командиру, своему трибуну, Первому стратигу.

А перед кем отвечал я? Кому повиновался?

Глава 14

Заговор

Так было положено начало распаду нашего отряда. Между тремя кораблями сновали шаттлы, перевозя норманских наемников к норманским наемникам, имперских легионеров к легионерам и джаддианских альджани к джаддианским альджани. Учитывая расстояние и время, необходимое на погрузку и выгрузку персонала и имущества, процесс обещал занять не меньше двух дней.

Я по-тихому присвоил все вещи, с которыми не желал расставаться. Одежду и боевую броню, красные очки, прошедшие со мной весь путь с Эмеша, помятый мирмидонский шлем и чашу для омовений – подарок Джинан. И разумеется, все мои дневники. Их накопилось уже пять, начиная от огромного тома в локоть толщиной и заканчивая маленькой записной книжечкой размером меньше ладони. Между страницами были всунуты и другие бумаги, угольные и чернильные зарисовки людей, городов и прочего. Если не считать меча, они были моим главным сокровищем.

Но я не был уверен, что для всего этого найдется место на «Мистрале», поэтому заранее решил устроить инспекцию и один отправился на маленький угранский корабль с дюжиной замороженных наемников с «Фараона».

Хлыст остался заниматься своими делами.

Как только стыковку разрешили, я пошел по рукаву к залу, где встречался с Сиран. Круглые своды коридора напоминали о развалинах Тихих на Эмеше, отличаясь разве что белым, а не черным, как в том причудливом месте, цветом, прокладочными кольцами через каждые несколько футов и перилами на случай отключения гравитации. Я протискивался между брошенными в коридоре ящиками, отвечал на приветствия солдат, но не задерживался.

На мне не было формы Красного отряда: в тот момент я посчитал ее неуместной, оставил лишь высокие сапоги. Я надел тот же черный наряд, в котором высаживался на Рустам, с поясом-щитом и мечом Олорина поверх короткой туники. Сверху набросил старую темно-серую шинель, подаренную на прощание князем Матаро после моей катастрофической дуэли. Ее полы болтались, хлестали по икрам.

– О, босс! – окликнул меня Бандит.

Остановившись, я повернулся и увидел вышедшего из комнаты за моей спиной федерата. Под его глазами были темные круги, но он улыбался, приглаживая непослушные волосы.

– Зачем пожаловали? – произнес он тихо.

– Ищу капитана.

У меня не было причин врать ему.

– Они с доктором Ондеррой в комнате для расчетов, – сказал Бандит. – Мы с вами правда расстанемся? Улетаете назад?

– Валка здесь? – спросил я вместо ответа.

– Она собирается остаться с нами. – Бандит улыбнулся шире. – Сказала, что устала таскаться с варварами, и... с вашего позволения, сэр, я не буду цитировать дальше.

– Валка остается? – опешил я.

Этого можно было ожидать. Она не была солдатом и не питала большой любви к Империи. Ее удерживали лишь обещание встречи с ксенобитами и поиски ответа на интересовавшие ее загадки. Внутри меня вдруг зародилась пустота, и я запоздало кивнул. Спустя мгновение новые мысли вытеснили ее.

– Так где они, вы говорите?

– В комнате для расчетов, милорд.

– Спасибо.

Не сказав больше ни слова, я поспешил туда.

* * *

Комната для расчетов находилась сразу за коридором, ведущим на мостик к главному носовому шлюзу. Приложив ладонь к сканеру, я через круглую дверь попал внутрь, в крошечную каморку с низким потолком, изогнутым параллельно фюзеляжу. Валка и капитан обернулись, и их удивленные взгляды я воспринял как комплимент.

– Капитан, я хочу вас нанять, – произнес я прежде, чем они успели открыть рты.

– Что? – нахмурила лоб Отавия Корво.

Одета она была в тренировочный костюм; золотистые волосы убраны с лица назад.

Я дождался, пока тяжелая дверь с шипением закроется, и, встав в широкую стойку, продолжил:

– Мне нужно попасть на станцию «Март».

Последовавшая за этим тишина могла бы продолжаться вечно, если бы Валка не спросила:

– А как быть с приказами Бассандера?

– К черту приказы! К черту Бассандера! – выругался я, распаляясь, и через низкий металлический консольный столик вперил взгляд в Отавию. – И к черту Империю, если они станут вставлять мне палки в колеса.

Краем глаза я заметил, как Валка легким кивком выразила одобрение.

Но я был сосредоточен на Отавии. Та села в низкое кресло, привинченное к полу. Закинула ногу на подлокотник, как я сам любил делать. Ее фигура, подобная богам-олимпийцам, буквально излучала силу.

Корво долго разглядывала меня, прищурившись, и наконец спросила:

– А еще что?

Валка рассмеялась.

– Простите? – не понял я.

– Что еще вам нужно? – уточнила Отавия, смахивая упавшую на лицо прядь волос. – Не просто такси до станции, надо полагать.

– Мне нужна помощь, чтобы вывезти сьельсинов с «Бальмунга», – ответил я без колебаний. – Сегодня.

– Сегодня? – изумилась капитан. – Вы спятили? Нас даже на борт не пустят.

Покачав головой, я уселся напротив нее, покосившись на Валку, что задумчиво стояла, скрестив руки, у стены.

– Сейчас между всеми кораблями курсируют шаттлы. Если пошлем три самых больших на «Бальмунг», сможем загрузить шесть или семь капсул. У вас в трюме есть крепления. Они поместятся.

– И как мы их вывезем? Ваша дама непременно заметит, – сказала Отавия. – К слову, почему вы не обсуждаете это с Джинан?

Саданула по живому. Я отвел взгляд:

– Вы же присутствовали на совещании. Думаете, она меня послушает?

Мне стоило обернуться через плечо. Теперь меня рассматривала Валка. Ее беспощадные золотистые глаза как будто сдирали с меня кожу. Я снова отвернулся.

– Я неоднократно пытался ее убедить. Она непреклонна. – К горлу подкатил сухой шершавый комок, и я сглотнул. – Между нами все кончено. Когда мы воссоединимся с флотом, она вернется к своему народу.

– Кончено? – переспросила Валка. – А Джинан об этом знает?

– Она в этом виновата, – ответил я, сам удивляясь желчи в голосе.

Мне не нужно было смотреть на Валку, чтобы почувствовать, как та с печальной улыбкой и заботой воззрилась на страдающего друга.

Отавия высказывать сочувствие не стала.

– Не выйдет. Даже если получится доставить три шаттла на «Бальмунг», не спалившись перед вашей девицей или мандарийским приятелем-жополизом, капсулы вывезти не удастся. Слишком большие. Даже если отправить две бригады и обеспечить полную секретность.

– Тогда хотя бы одну, – не раздумывая сказал я. Мой план изначально был таков, но стоило попытаться начать с большего. – Нобиля Танарана.

Отавия сдвинула брови и нервно взъерошила волосы:

– Это уже проще...

Я едва не улыбнулся. На то, что она согласится выкрасть нескольких сельсинов, я не рассчитывал. Но мне нужно было заставить ее подумать, будто она меня отговорила. Я легко улавливал ход ее мыслей. Несмотря на вид чемпионки-тяжелоатлетки, Отавия мыслила как ротсбанковский логофет и казначей легиона в одном лице.

– Хватит одного шаттла.

– Все равно придется доходчиво объяснить джаддианцам, зачем нам понадобился их пленник. – Не выпуская пальцев из шевелюры, Отавия опустила ногу и навалилась на столик. – И зачем я вообще вас слушаю? Мне нужно людей к фуге и прыжку готовить... – Задумавшись, она устремила взгляд мимо Валки, в какое-то видимое ей одной окно. – Заняться настоящим делом. Времена сейчас такие, что наверняка найдется захудалая колония, которой нужна защита. Немножко поохранять, немножко попатрулировать.

– Вы шутите, – одновременно с упреком и улыбкой произнес я. – Охрана? Орбитальное патрулирование? Да вы через день со скуки помрете.

– Может быть, – не стала спорить Отавия и скрестила перед собой руки. – Но скажите, имперец, чем вы собираетесь мне платить? Мои прежние чеки приходили не от вас.

Я едва не прикусил губу. Деньги поступали из казны легиона и передавались нашим норманским наемникам через казначея Бассандера. Никаких средств я не имел. Отец лишил меня всего, что полагалось мне как наследнику дома Марлю, когда вручил меня дому Матаро. Все мои сбережения были либо конфискованы, либо переданы князю Эмеша в качестве приданого. Я так и не выяснил, что именно случилось. Однако...

– Вы правы, – ответил я честно и, склонившись, положил руку на стол. – Денег у меня нет, но я не прошу доставить меня на Воргоссос. Только до окраинных миров. До станции «Март», или куда мы там направляемся.

– А еще вам хочется, чтобы нас всех перебили, пока мы берем на бордаж имперский эсминец.

– Я ничего не говорил об абордаже, – возразил я. – Тут, скорее, подойдет «тайное проникновение». На «Бальмунге» я чувствую себя как дома. Там Хлыст. Отправьте со мной Сиран, Бандита и еще пару человек, и мы выкрадем Танарана, Джинан и глазом не успеет моргнуть.

– А как быть с остальными? – спросила Отавия с неожиданной теплотой.

– Что?

– Со старым Паллино и вашими друзьями с Эмеша?

Ответ застрял у меня в глотке. Как и Джинан, мысленно я уже их отпустил.

– Для них будет лучше пойти другим путем, – сказал я больше из желания утолить чувство вины, нежели искренне так считая. Впоследствии оказалось, что я был прав. – Пускай остаются с Бассандером. Худшее, что он может сделать, – это посадить их на Коритани или где-нибудь по пути.

– И вас это не тревожит? – посмотрела на меня исподлобья норманка.

Я мотнул головой:

– Хлыст отправится со мной, Сиран уже здесь, еще кое-кто. Паллино пора на заслуженный отдых. Он достаточно навоевался.

– Вряд ли он с этим согласен.

Я хрипло усмехнулся. Наверняка. Я не стал говорить, что Хлыст уже собрал мои вещи для переправки с «Бальмунга» – его прежний любовник Этьен помог – и что они упакованы в ангаре вместе с амуницией, сухими пайками и семенами для гидропонической станции.

«Адр, мне это не нравится, – сказал Хлыст на „Бальмунге“. – Бросать Джинан и остальных неправильно».

Мне тоже этого не хотелось. Хлыст сдался, лишь когда я вконец измотал его упрасиваниями.

«Неправильно это, – повторил он, – бросать своих».

– Адриан? – окликнула Отавия. – Вы слушаете?

– Простите.

– Я спрашиваю, как вы собираетесь повернуть эту чудесную операцию, – повторила она. – Капсула весит полтонны. Хлыст ее не поднимет, а если отключить гравитацию, то это не останется незамеченным.

– Придется разбудить сьельсина, – произнесла Валка, делая полшага вперед и слегка расслабляясь.

– Что?! – воскликнула Отавия и заметно побелела.

Я невинно развел руками:

– Так будет быстрее.

Лицо норманского капитана скривилось в ужасе и отвращении.

– Хотите разбудить эту... тварь? И притащить ее ко мне на корабль? – Она едва не подавилась, оглядываясь на Валку в поисках поддержки, но ксенолог молчала. – Да еще и бесплатно?

– Денег обещать не могу. По крайней мере, не сейчас, – ответил я. – Но мне нужна ваша помощь. Умоляю, Отавия.

Она отвернулась, и я живо представил, как в ее глазах перемещаются костяшки старинных счетов.

– Разве мы не друзья? – напомнил я.

Это ее зацепило, было видно по лицу.

– Друзья, Марло, еще какие. Но дружбой «Мистраль» не заправишь.

– Знаю, – ответил я. – Знаю. На совете вы сказали, что от войны прежде всего страдают ваши, норманские планеты. Я по-прежнему верю, что могу остановить войну, но для этого мне нужны тот ксенобит и корабль. Сейчас вы единственная, кто может мне это дать.

Капитан глубоко задумалась, потупив взгляд и барабаня пальцами по консоли. Нужно было надавить.

– Вы сделаете это ради меня? – спросил я.

– Требуете вернуть долг? – прищурилась она.

Мне не нравилось такое определение.

– После смерти Борделона я уже говорил, что вы ничего мне не должны. Я лишь прошу помощи и пойму, если вы откажетесь.

У меня ни на что не было прав. Я уяснил это еще в Боросево. Все, чего мы добиваемся не своими руками, а получаем от других, – подарки. Я избавил капитана Корво от ее бесчеловечного командира и пощадил ее на Фаросе. Если бы я по-прежнему был мальчиком, то считал бы, что она передо мной в долгу. Но милосердие из корысти – вовсе не милосердие, как и дружба из долга и благодарности – не дружба.

Я просто надеялся и гнал из сердца повторяющийся шепот: «Надежда – это дым».

Нет ничего страшного в том, что человеческий разум способен объять лишь малую часть мира, и даже к лучшему то, что мы ограничены нашим жалким восприятием. Если бы Отавия

знала, сколько жизней зависит от ее ответа – в самом прямом смысле, – то прикусила бы язык. Если бы я знал, о чем на самом деле прошу, то прикусил бы свой. В крошечной комнате были только мы трое, и Отавия тяжело вздохнула:

– Ладно. Кого хотите взять?

– Отсюда? Сиран, Бандита... Айлекс, если не возражаете.

– Обоих моих лейтенантов?

– Тогда ограничимся первыми двумя. Плюс пилот. И «Мистраль» должен быть готов к отправке, как только наш шаттл пристыкуется. Не думаю, что Бассандер рискнет по нам стрелять, но испытывать его терпение мне не хочется. – Я вытер пот со лба. – Еще нам понадобится медтехник. Я и сам могу справиться с разморозкой, но рисковать не стоит. Окойо здесь?

– Нет, – сказала Отавия, прикусывая щеку. – Придется подождать, пока все мои люди окажутся на «Мистрале».

– Мы растеряем преимущество, что дает нам суматоха.

– А меня не волнует, – ответила она. – Я никого не оставляю с этим напыщенным индюком. Опустив голову, я ответил, что согласен.

– Но мне все равно не нравится пускать на борт этого... пришельца.

– Вы с ним не встречались, – парировал я, но Отавию это не убедило. – А если понадобится запереть его, мы это сделаем.

Она что-то буркнула в знак согласия, и я оставил эту тему.

Все прошло так, как я рассчитывал. Предстояло лишь воплотить план в жизнь. Мы условились о времени и обсудили отдельные детали. Моя группа должна была отправиться с «Мистралю» с последней волной шаттлов, на которых вернутся на свои корабли оставшиеся легионеры и джаддианцы. Затем эти же шаттлы отвезут замороженных норманцев на «Мистраль». Между делом я проберусь в кубикуну и с помощью Окойо разморожу Танарана. Я уже представлял, как в ледяном мраке вытекает фиолетовая жидкость и в бледное существо с черной кровью возвращается жизнь.

– Вы забыли о камерах, – заметила Валка.

Я едва из кожи вон не выпрыгнул. Она так затихла, что я и забыл о ее присутствии.

Заметив мою реакцию, она хищно ухмыльнулась и сказала:

– У вас будет всего несколько минут, прежде чем охрана поймет, что вы задумали.

– Поэтому я и хотел Айлекс, – ответил я. – Но в случае конфликта от Бандита будет больше проку...

Валка заправила волосы за ухо:

– Я с вами.

От этих слов я замер, словно стоп-кадр. Валка была помехой, пятном в человеческой вселенной, искажавшим мои усилия и восприятие так, как звезда искажает свет. Я хочу сказать, что боялся попросить ее, – так боялся, что даже не задумывался о такой возможности.

– Полагаю, у меня получится отключить камеры с шаттла, – сказала она.

– Вы уверены? – спросил я.

Доктор скривилась. Машинальным жестом отдала какую-то команду вмонтированному в основание черепа микрокомпьютеру.

Я, отступив, выставил перед собой ладони:

– Не сомневаюсь в ваших способностях. Просто... мне казалось, вы нас покидаете? – Я обвел рукой комнату, отмечая присутствие Валки на «Мистрале», а не на любом другом корабле нашей маленькой флотилии.

Она села в кресло между мной и Отавией, кровожадно ухмыляясь.

– Что вы там говорили? К черту Империю? К тому же, – она сложила руки на столе, – у меня появится возможность пообщаться со съельсином. Я с вами.

Я сделал глубокий прерывистый вдох, с каждой каплей воздуха чувствуя себя все сильнее.

– Тогда решено! – воскликнул я, хлопая в ладоши. – Будет весело! – И улыбнулся, гоня из себя безмолвную, вызванную необходимостью крайних мер панику.

Обе женщины помрачнели.

– По-вашему, это весело? – произнесла капитан.

– У Адриана странное представление о веселье, – заметила Валка, и по прищуре ее глаз я решил, что она могла вспомнить мою дуэль в Боросево или то, как помогала мне с Уванари и сельсинами.

Я выдавил еще одну улыбку:

– Пока нет. Но обязательно будет.

Глава 15

Первое предательство

Хлыст встретил нас в ангаре, где кипела работа. Наверху под присмотром наряженных в черное бритоголовых легионеров Бассандера готовились к отправке последние три шаттла с норманскими наемниками. На мне была моя длинная шинель, под которой прятался активатор щита.

– Это мои? – спросил я, указывая на ящик и пару мешков у заправочной станции, где разместился лихтер класса «пустельга».

Не дожидаясь ответа, я добавил:

– Мантию нашел?

– Ага, – кивнул рыжеволосый ликтор, взял из кучи самый маленький пакет и не глядя бросил мне.

Я повертел мантию в руках. Так себе камуфляж, но от посторонних глаз защитит, когда мы поведем сюда громадного ксенобита.

Этот грузовой ангар притаился на корме «Бальмунга», под главными двигателями, и открывался назад. В длину он был почти двести ярдов, в ширину – около пятидесяти. Внутри, под потолком, помещалось целое звено лихтеров, доступ к которым обеспечивали подвесные сходни, а на блестящем черном полу располагалось несколько шаттлов.

– Отнесите это на борт, – обратился я к девушке-пилоту, указывая на отключенный летающий поддон, на котором Хлыст оставил ящики и мешки.

Я окинул взглядом спутников. Валку – холодную и спокойную, отвлеченно смотрящую куда-то вдаль. Бандита и Сиран – в форме Красного отряда. Доктора Окойо – с аптечкой в руках. Двух солдат, посланных Корво сопровождать меня, нервных и напряженных.

– Ты, – подозвал я бледную девушку с квадратной челюстью и серьезным взглядом. – Оставайся с пилотом. Погрузите все и держите двигатели готовыми к вылету. – Я повернулся к другому солдату. – А ты пойдешь с Сиран и лейтенантом. Знаете, куда идти? – спросил я Сиран и Бандита.

– Впереди тебя, – ответила Сиран.

– Тогда идите, – сказал я тихо, а потом уже громче, чтобы все слышали, добавил: – Соберите все норманские пожитки и погрузите на борт!

Сиран отсалютовала мне, и троица направилась к квадратному люку, ведущему в шлюз и продольный коридор.

– Пойду взгляну, что из моих вещей уцелело, – сказала Валка, взяв меня за руку, и отправилась следом за Сиран и Бандитом, оставив меня с Хлыстом и доктором.

Валке было не важно, где находиться. Она могла выполнить свою работу из любого места с помощью встроенного в череп тавросианского компьютера. Но мы решили, что лучше будет разделить, отвлечь внимание, развеять подозрения, ведь все мы здесь друзья.

– Бойтесь данайцев, дары приносящих, – вспомнил я старинную крылатую фразу и подумал о родне моей матери.

– Чего? – спросил Хлыст.

– Ничего, – коротко ответил я и, чтобы о нашем присутствии в ангаре не забывали, нарочито громко крикнул пилоту: – Осторожнее!

Девушка промямлила извинение, и я улыбнулся, чтобы сильно ее не обидеть.

К нам подошел начальник ангара, плебей с редкими седыми волосами.

– Лорд Марло! Что здесь творится? – Он обвел рукой мои вещи, переводя взгляд с меня на Хлыста и обратно. – Вы ведь не остаетесь с норманцами?

– Ни в коем случае, офицер, – по-дружески хлопнул я его по плечу. – Перевожу скarb на «Фараон» перед прыжком к Коритани. Но нас покидают несколько мирмидонцев, поэтому сначала заскочу на «Мистраль».

– Вильгельм, неужто ты? – вытаращив водянистые глаза, спросил он Хлыста. – Или старый центурион?

Офицеры обращались к ликтору по имени, но для меня оно было непривычно. Все, кто знал его с Колоссо, да еще несколько близких друзей звали его исключительно Хлыстом.

– Нет, Брукс, не я, – помотал головой Хлыст. – А Паллино скорее из шлюза выбросится, чем уйдет на покой.

– Тогда ладно, – ответил начальник ангара. – Капитан Азхар подписала грузовой манифест? Мне нужно его проверить, прежде чем дать разрешение на отправку.

За спиной офицера одетые в черное легионеры помогали группе куда более пестрых норманцев загрузить следующий шаттл. От формы Красного отряда отказались так быстро, словно все наше путешествие было лишь мимолетным видением. Отпуском. Теперь, когда отпуск закончился, костюмы и декорации упаковали и убрали подальше, словно их и не существовало. Однако солдаты смеялись и шутили, как близкие друзья при расставании.

– Пока нет, – ответил я, вздрагивая. – Я позволил себе поступить не по протоколу. Собираюсь зайти к Джинан и... пожелать спокойной ночи.

– Вот оно что, – понимающе ухмыльнулся Брукс. – Вас понял, милорд. Ступайте.

Если он и узнал сопровождавшую меня доктора, то ничего не сказал и отправился по своим делам.

Оставив пилота и охранника, мы втроем вышли в дверь по правому борту и поспешили по коридору, минуя патрульных легионеров и механиков. Тяжелую мантию я намотал на руку и держал под шинелью. Хлыст и Окойо следовали за мной по пятам, и я чувствовал себя лидером фаланги. Ощущение усиливалось от стука наших каблуков, пусть и неровного.

Внешняя стена слегка изгибалась, поддерживаемая черными металлическими переборками. Из-за них подглядывали глаза камер, и мне оставалось надеяться, что у Валки все получилось. Наверняка получилось, потому что Бандит и Сиран за это время должны были добраться до кубикеры, но никто из встреченных нами солдат не выражал ни капли беспокойства. Кубикера располагалась неподалеку от ангара, но добираться туда предстояло на тесном лифте, куда могло поместиться не больше десятка человек. Лифт тихо гудел, пока мы поднимались. Наконец изогнутые двери с шипением открылись.

«Бальмунг» был меньше «Фараона», всего шестнадцать сотен метров в длину по сравнению с двухкилометровым флагманом. Нам нужно было пройти всего четверть этого расстояния, минуя альков, в котором я беседовал с Валкой сразу после пробуждения. Но, не считая пары поворотов, путь по периферийному коридору к центру корабля был почти идеально прямым. Я чувствовал натянутые нервы моих спутников, как менестрель – натяжение струн, и тоже беспокоился. Это не было похоже на тошноту, которую испытывает подсудимый, но я ощущал, будто мои вены стали пластмассовыми или стеклянными, растянулись, как ноздри при глубоком вдохе, а кровь текла стремительно и не желала замедляться. Тем не менее я вспоминал уроки Гибсона, чтобы успокоиться.

«Страх отравляет».

Старый плут как будто шел рядом.

«И в схватке, и в обыденной жизни ты должен быть целеустремлен, но спокоен»⁷.

Кто это сказал? Фраза вспомнилась словно из ниоткуда, и, подчинив себе дыхание, я вместе со спутниками преодолел последний поворот перед кубикерой.

– Адриан!

---

⁷ Цитата из трактата Миямото Мусаси «Книга пяти колец», перевод А. Фесюна.

Собственное имя и голос, произнесший его, поразили меня сильнее любой пули. Я, как обольститель из плохих эвдорских постановок, планировал сбежать, не прощаясь с ней. Она ни за что не согласилась бы уйти со мной и попыталась бы остановить, узнав мой замысел. Я по-прежнему ее любил, но уже не мог ей доверять.

Обернувшись, я поймал Хлыста за руку.

– Идите с доктором дальше, – прошептал я, наклонив голову, и, обойдя его, воскликнул: – Джинан? Привет!

– Вернулся с «Мистраля»? – спросила она, вспомнив разговор, состоявшийся у нас утром, до того как я отправился к Отавии. – Убедил Сиран полететь с нами?

На Джинан по-прежнему была форма Красного отряда: подпоясанный мундир, галифе и высокие сапоги.

Не найдя слов, я покачал головой и оглянулся на исчезнувших за углом Хлыста и Окойо.

– Нет. После смерти Гхена она...

Я запнулся, слабо махнул левой рукой. Правая по-прежнему скрывалась под шинелью, обернутая мантией, приготовленной для Танарана. Сердце вновь пустилось в галоп, но никакие стоические афоризмы Гибсона не помогли мне его усмирить, потому что Джинан пришла не одна.

– Кажется, это была доктор Окойо? – с любопытством спросил Бассандер. – Я ведь всего три часа назад отослал ее на «Мистраль».

– Следит за перевозкой последних норманских пациентов, – поспешно пояснил я. – Отавия отправила ее со мной. Я сопровожу ее обратно, прежде чем перебраться на «Фараон» для заморозки.

Кажется, ответ удовлетворил Бассандера. Он причмокнул губами и поправил широкий пояс, на котором рядом с личным оружием коммодора – точнее, капитана – болталась рукоять старого меча адмирала Вента. Он, как и легионеры в ангаре, переделся в старую черную форму, тем самым положив конец нашей общей военной мечте.

– Бассандер, а вы-то здесь какими судьбами? – спросил я, желая выведать что-нибудь важное.

Он должен был спокойно сидеть на «Фараоне», а не болтаться по коридорам рядом с местом, откуда мои друзья собирались выкрасть его драгоценного пленника.

Капитан тяжело вздохнул:

– Наблюдаю, как последних норманцев отсеивают от нас. Решил, что это моя прямая обязанность.

– Алессандро сказал, что Хлыст собрал твои вещи, – перебила Джинан, взяв меня за руку и заслонив собой Бассандера. Это прозвучало вопросительно, и в голосе слышалось неверие.

– Да, – выдохнул я, глядя на нее. – Я вернулся кое за чем, что он забыл.

Она напоминала одинокую бутылку вина. Я выпил ее почти без остатка и готов был разрыдаться, если бы в эту минуту меня не сверлил тяжелый взгляд капитана.

– Разъединимся, да? – сказал я и направил через плечо Джинан вопрос Бассандеру: – Как только вернемся на Коритани?

Его черная форма сливалась со стенами коридора, будто он был не человеком, а частью интерьера.

– Нужно будет посоветоваться с джаддианским сатрапом, но, полагаю, все так. Если только не вскроются новые подробности по данным, полученным от Крашеного, и нам не поступит новых приказов. – Отвечая, Бассандер смотрел мимо меня. Неужели от смущения?

Нет. Нахмурившись, я заглянул за плечо Джинан. От стыда. Каким бы ни был Бассандер, он не был слеп. Он осознавал последствия своего выбора и понимал, на что обрекает нас с Джинан и нашу любовь. Я перевел взгляд на джаддианку, она пристально смотрела на меня. Я знал, что означает такое выражение ее лица, знал, что жалость в ее глазах – ответ на мое

презрение. Во мне что-то сломалось; мне самому стало стыдно. Стыдно за то, как я вел себя на совете, за гнев и отвращение к тем, кто не хотел меня слушать. И за то, что все-таки собирался сделать.

– Бассандер, не переживайте, – с трудом произнес я. – Вы поступили так, как считали правильным. – Сказав это, я осознал все свои чувства к Джинан и добавил: – С этим уже ничего не поделать.

Понимала ли она, что я прощаюсь?

– Спасибо за эти слова, лорд Марло, – ответил он голосом человека куда более старшего, чем я, – впрочем, таковым он и был. – Я сдержу обещание и сделаю все, чтобы вы не вернулись на Эмеш к... ах, – он покосился на Джинан и, клянусь всей памятью Земли, покраснел до кончиков ушей, – к этой девице Матаро. Впрочем, прошло уже несколько десятков лет. Вы уверены, что она все еще вас дожидается?

– Лучше не рисковать, – зажмурившись от смущения, пробурчал я. – Поступайте, как должно. Спасибо.

Я открыл глаза. Джинан смотрела на меня с непонятным выражением. Губы были вытянуты и сжаты, как будто она одновременно удивлялась и тревожилась из-за нашего внезапного согласия.

– Поговорим на Коритани? – сказал я ей, построив фразу как вопрос, чтобы не лгать.

– Да, – кивнула она.

Слово сорвалось с губ почти беззвучно. Она сжала мои пальцы. Я поцеловал ее и в этот миг предал, ведь мой поцелуй дарил ей надежду на новые поцелуи, но на самом деле оказался последним. Мы отстранились друг от друга.

– Я люблю тебя, *mia qal*, – шепнула она.

– Да, это так, – произнес я в ответ.

Я не смог сказать, что тоже ее люблю. После предательского поцелуя это прозвучало бы лживо. Со всем своим актерским мастерством я отступил.

– Смотри обо мне сны, мой капитан, – добавил я.

Она скорчила гримасу и улыбнулась:

– Я никогда не вижу тебя во сне.

Не помню, говорили мы друг другу еще что-нибудь или нет. Кажется, я просто развернулся и вошел в кубикулу. Не помню, как пересекал зал и проверял, не следят ли за мной. Разум самым непостижимым образом отбрасывает отдельные воспоминания и сохраняет другие. Еще более непостижимо то, как он изобретает воспоминания. Создает легенды. Я уверен, что не оглядывался на Джинан и капитана. Помню, что боялся это сделать, опасался, что малейшая тень на моем лице предаст меня, как я предал их. Но я отчетливо помню, как мой капитан стояла в коридоре, высокая и горделивая, словно бронзовая статуя Капеллы, в своей – нашей – красной форме. Когда я вспоминаю Джинан, то удивительным образом начинаю с этого мгновения и отматываю назад наши счастливые и трудные моменты... или вперед, к нескончаемой душевной тоске.

Глава 16

Склеп

Холод пробрал меня до костей. Тонкие пальцы тумана протянулись в коридор, словно призрачные руки. Бандит с Хлыстом моментально нацелили на меня оружие и убрали его, поняв, что это я. Сиран с норманским солдатом сторожили противоположный вход, пока доктор Окойо возилась с огромными грузовыми яслями, где содержался сельсин.

– Этот, правильно? – спросила она, набирая на боковой панели комбинацию клавиш.

Кутаясь в шинель, я присмотрелся к написанному красной краской имени:

– Да.

Я отложил тяжелую мантию и подошел к шкафу напротив яслей. В полный рост сельсины были от семи до девяти футов и в стандартные фуги не помещались. В одиннадцати склепах, стоявших на расстоянии друг от друга по периметру округлого помещения, когда-то, должно быть, перевозили быков для новой колонии. Найдя нужный ящик, я вытащил его и положил на пол. Внутри было подобие черного скафандра из какого-то резинистого материала и свободный черный балахон.

– Одежда Танарана, – ответил я на удивленный взгляд Сиран.

– Кровь смешивается, – сказала доктор с норманским акцентом. – Вы уверены, что мы правильно поступаем?

– Абсолютно.

Однако уверен я не был. Реакцию Танарана трудно было предугадать. Оно не было солдатом, как Уванари или его спящие рядом спутники. Но на мгновение мне передалась тревога Бассандера. Его защитный рефлекс против этих чуждых нам созданий.

– Доктор, тем не менее я бы попросил вас отойти, когда капсула откроется. Хлыст, держи сельсина на прицеле. Кто знает, как оно отреагирует на разморозку.

Состоящие в основном из воды органические ткани не слишком охотно замораживались. Кристаллизация воды в крови грозила повреждениями деликатных органов и тканей, разрывом сосудов и артерий. Но путешествовать через космос долгие годы, бодрствуя, могут разве что самые высокопоставленные палатины. Остальным на это попросту не хватит жизни. Поэтому кровь откачивали, заменяя суспензией ТХ-9, которая не замерзала при охлаждении. В основном капсулы проводили процедуру автоматически, осушали тело и емкость, в которой оно находилось, от раствора и закачивали кровь обратно, одновременно согревая тело. Присутствие медика было необходимо только высокопоставленным лицам вроде меня, позволяя существенно снизить опасность криоожога.

– Откачиваю раствор из капсулы, – сообщила Окойо, щелкая переключателем сбоку яслей.

Вокруг одного из шлангов, соединяющих капсулу с резервуаром для стерилизации, возникло кольцо синего цвета. Суспензия. Я встал за спиной у доктора, сложив руки, и принялся наблюдать за ее манипуляциями, ожидая своей очереди выйти на сцену.

– Долго еще? – спросила Сиран.

– Не знаю, – закусил губу Окойо. – С такими большими резервуарами обычно не работаю. Мне привычнее с людьми. – Она переключила еще что-то. – Температура растет. Начинаю откачку ТХ-9.

Прежде чем нажать последнюю кнопку, она повернулась ко мне:

– Вы уверены, что это сработает? Их организм устроен иначе и вовсе не так, как у коровы.

Я покосился в сторону выхода, подсознательно опасаясь, что Бассандер с инквизиторами в любой момент может ворваться сюда.

– Не знаю, – помотал я головой, поеживаясь от холода. – Не уверен. Они не боялись процедуры, это означает, что у них применяют подобные технологии, но...

Я не договорил. Оставалось только надеяться, что технологии работают на ксенобитах так же, как на животных. В Империи были цирки, схоласты и прочие чудачки, перевозившие внеземных существ на кораблях. На Эмеше вилик князя рассказывал, что планировалось отправить тысячи коренных умандхов на другие планеты, и я также слышал, что представителей некоторых колониальных рас привозили на людские планеты на потеху местным богачам. Как же нужно было транспортировать их между звездными системами.

– Не сомневаюсь, что имперские медтехники сделали все возможное, чтобы Бледные не погибли, – сказал я.

– Оно живо, – ответила Окойо, указывая на небольшие индикаторные панели. – Но не уверена, что смогу сохранить его живым.

Момент для такого замечания был не самым подходящим: из капсулы уже откачали суспензию и началась откачка ТХ-9. Мне понадобилось немного времени, чтобы переварить информацию.

– Доктор, я не сомневаюсь в ваших способностях, хотя прежде вы этим и не занимались.

Под ногами хрустел лед. Я шагнул к Окойо и сам нажал кнопку, начав переливание крови.

С несколькими тихими звонками красные огоньки сменились синими. Я помог Окойо встать, продумывая, что сказать съельсину. Мне предстояло говорить на чужом языке, и я не знал, как прозвучат мои слова.

«Ты говоришь как ребенок» – так сказал мне первый встреченный мной съельсин. «Nietolo ti-coie luda». Как ребенок. Ребенком я себя не чувствовал. Скорее, стариком. Постаревшим так, как может только предатель. Мой разум вознесся за пределы этой холодной комнаты, к остальной нашей флотилии. К Валке, где бы та ни была и откуда бы ни помогала нашей авантюре. К Бассандеру, который, я надеялся, ничего не пронюхал. К Джинан, которую я предал. К Отавии, Айлекс и всем, кто дожидался нас на «Мистрале». К Паллино, Эларе и тем, кого я собирался бросить. Я чувствовал себя некромантом из древних легенд, склонившимся над гробом ожившего мертвеца. На память вновь пришли слова, что я цитировал Крашеному из Шелли: «У Сатаны были собратья-демоны; в их глазах он был прекрасен. А ты одинок и всем ненавистен».

Ксенобиту придется нелегко одному среди людей. Чужак в стране чужой.

Раздалось шипение пневмопривода, и огромная крышка яслей поднялась и съехала назад. В холодный воздух вырвались едкие пары, по запаху напоминавшие смесь антисептика с машинным маслом. В привычной ситуации врач должен был подойти и проверить пульс и реакцию зрачков пациента. Но Окойо отошла как можно дальше.

Я не винил ее за это и чувствовал, как за спиной напряглись Хлыст с Бандитом. Они держали наготове фазовые дисрапторы в оглушающем режиме. Сиран и солдат рядом с ней побледнели, как сама смерть. Я вдруг осознал, что единственный из нашей группы побывал в тоннелях Калагаха. Один лишь я был в замке Боросево и в бастилии Капеллы под ее стенами и участвовал в допросе и следствии по крушению корабля на Эмеше. Только я говорил с Уванари и Танараном. Хлыст, Сиран и норманцы даже не видели живого съельсина.

Немудрено, что им было страшно.

Вот поэтому я не мог позволить себе бояться.

– Страх отвращает, – прошептал я почти беззвучно.

На морозном воздухе слова превратились в облачко, пролетев мимо норманского доктора. Из яслей поднимался сиреневатый пар. Покрытая остатками суспензии, будто соплями какого-то адского зверя, капсула напоминала картонные коробки для яиц, которые я встречал на рынках повсюду, от Маринуса до Джадда. В ней, пронзенный трубками, спал голый пришелец. Белоснежная плоть раздулась, как будто тело несколько лет пролежало в воде и готово

было лопнуть. В то же время существо выглядело крепким, жилистым, с когтями, рогами и толстой шкурой. Его длинные белые волосы, растущие из затылка, напоминали мандарийские прически, были мокрыми и спутались вокруг изогнутых рогов. Дотянувшись через край капсулы, я содрал с шеи съельсина сенсорную ленту и проверил пульс.

Пульс был. Поначалу слабый, с каждым ударом двух сердец он креп.

Тук-тук, тук-тук.

– Оно живое, – сказал я, вынимая трубку у него изо рта. При взгляде на тварь – на это жалкое чудище, что я привез с собой, – мое еще юное сердце наполнилось чувством жалости и вины. – Живое, – повторил я.

Все, что случилось с ним после, случилось из-за меня. Я ступил на трудный путь.

Не обращая внимания на фиолетовые сгустки на лице съельсина, я прикоснулся к нему рукой, чувствуя, как с приливом черной крови в нем медленно расцветает тепло.

Тук-тук, тук-тук.

– Проснулось? – спросил Бандит.

– Спит, – ответила Окойо. – Разум еще не сориентировался.

Лицевые мышцы существа были расслаблены. Глаза закрыты, губы разведены. Если бы не отсутствие носа, это лицо могло бы сойти за человеческое, вырезанное из алебаstra или слоновой кости. Что-то в его чертах заставило меня вспомнить безумных древних итальянцев, что на заре цивилизации кромсали трупы, чтобы понять строение их мускулатуры. Схожесть наших лиц занимала меня и как художника: почему эволюция смогла создать столь похожие, но в то же время разные формы жизни? Какой случай или какие силы привели к этому, я мог лишь гадать, задумчиво водя пальцем по резко очерченной скуле Танарана. Я представлял, что между нами есть родство, что, как и все земные существа, две наши жизни имели общего предка. Из необходимости и юношеского идеализма я не обращал внимания на различия между нами. Я должен был не обращать на них внимания и потому воображал человечность в этих нечеловеческих чертах.

Тело дернулось, как от удара током, и я резко убрал руку. Все ахнули, послышался щелчок предохранителя станнера. Почти наверняка Хлыст. С гулким рокотом съельсин вздохнул, подался вперед, пытаясь подняться на ноги – на колени. Ничего не вышло. Танаран не удержалось и упало, выдирая оставшиеся трубки, по которым под мятую бумагу его кожи качалась кровь.

– Raiwarete, – произнес я, кладя руку ему на плечо. – Осторожнее. – Я говорил на языке пришельцев тихо, почти нараспев. – Вы очень долго спали.

Существо наугад протянуло конечность, нащупало мой локоть, плечо, воротник. Крепкие пальцы сжались на тунике, придвигая меня к себе.

– Yukajji-do, – сказала оно, оглядываясь.

Его черные глаза размером с мой кулак открылись и принялись рыскать по кубикуле. Оно заметило Окойо и остальных и наконец остановилось на мне:

– Адриан.

– Да, – по-прежнему тихо ответил я. – Это я.

– День настал? – спросило оно, вздергивая верхнюю губу и обнажая жуткие стекляннстые зубы. – Араната? Ты нашел моего... хозяина?

Я долго думал, что сказать Танарану, когда разбужу его, но идеально подходящих слов так и не подобрал. Ясно было одно: правдивые истории обычно долги, да и лживые тоже, а у нас не было времени на промедление.

– Namme deshu civaqeto ti-zahem gi, – ответил я.

– Когда мы прибудем куда? – переспросило существо.

– Можешь встать?

– Наверное. Да.

– Я помогу.

Поднявшись на ноги, Танаран нагнулось, опираясь на меня, голое и покрытое слизью. Своей наготы оно не стыдилось, как и Уванари во время пыток, и я в очередной раз задумался, считается ли нагота непристойной среди ксенобитов. Если подумать, с чего бы? Сьельсины – гермафродиты, и у них нет нужды прикрываться друг от друга, как делаем мы.

– Полотенце, – протянул я руку Окойо.

Она не передала, а бросила мне то, что я попросил. Белки ее глаз были как у лошади, напуганной внезапным резким шумом. Танаран без объяснений поняло, зачем нужно полотенце, и стало вытираться.

– Времени в обрез, – повторил я серьезным тоном. – Тебе нужно пойти с нами.

– *Iagamī mnu ti-pegem ne?* – спросило оно.

«Куда мы пойдем?»

– На другой корабль, – коротко ответил я, указывая на ящик с одеждой Танарана. – Объясню, когда будем на месте.

Если существо и поняло, к чему нужна поспешность, то не подало вида, продолжая вытирать фиолетовую слизь с бледных конечностей. Наконец оно закончило, осмотрелось вокруг, обратив внимание на капсулы, где по-прежнему лежали его сородичи.

Пошатнувшись, оно распрямилось и спросило, глядя мне в глаза:

– А остальные?

Я качнул головой, приблизительно воспроизводя жест, означающий у сьельсинов «нет».

– *Usayu okun.*

«Только ты».

– Поведешь меня на пытку, – решило оно. – Как капитана.

На это у меня не было ответа. Не было нужных слов.

– Оденся, – только и сказал я.

* * *

Бандит с Хлыстом шли впереди, мы с укутанным в мантию сьельсином – за ними. Пока мы были в кубикULE, черные коридоры изменились. Я держал руку на поясе-щите, напрягая плечи, как будто ожидая, что между лопатками в любой момент может вонзиться нож. Но позади были только Сиран и доктор.

– Лифт прямо перед нами, – обратился я к сьельсину. – Пригни голову.

Потолок в коридоре был ниже, чем в кубикULE, и Танарану приходилось нагибаться.

– *Oreto yagiara. Raka hassu-iuna,* – сказала оно, натягивая пониже капюшон.

– Что оно говорит? – прошептал Бандит, вжимаясь в стену и пропуская Хлыста вперед.

– Ему ничего не видно, – перевел я.

– Кривоожог? – спросил норманец через плечо, продолжив движение.

– Не знаю, – ответил я, качнув головой. – Сьельсины в принципе не любят свет.

Высоченный ксенобит плотно укутался в мантию, и, если бы не слишком бледные руки с чересчур длинными пальцами, его можно было бы принять за фантомного пилигрима, сторбленного временем и испытаниями. Существо привалилось к стене, его голова оказалась почти на одном уровне с моей. Вспомнив собственные мучения после выхода из фуги, я поддержал его:

– Еще чуть-чуть. Уже недалеко.

Я помог существу встать и взглянул на потолок, на усыпавшие темную крышу полусферы из черного стекла, за которыми крылись камеры. Благодаря Валке эти недремлющие глаза Империи должны были быть отключены, но все равно угнетали меня.

– Идем, – сказал я.

Не прошли мы и трех шагов, как Бандит выстрелил из станнера, крикнув что-то на джад-дианском. Оставив Танарана у стены, я бросился вперед. Отвлекаясь на помощь громадному пришельцу, я не увидел никого постороннего.

– Техник нас заметил, – не дожидаясь вопроса, сказал Хлыст. – Не знаю, кто именно.

– Черная планета! – выругался я, проскрежетав зубами. – К лифту, скорее!

Развернувшись, я схватил Танарана за руку и, перейдя на его язык, произнес:

– Liara doh!

«Быстрее!»

Под капюшоном были видны лишь серебристо-стеклянные зубы Бледного.

– Что происходит?

– Нужно спешить! – только и ответил я. – Liara!

Съельсин не двинулся, лишь выпрямился настолько, насколько позволял тесный коридор.

Приоткрыв рот, оно произнесло:

– Ты сражаешься со своими же людьми. Ради меня? Почему?

– Liara! – повторил я, потянув его за рукав.

– Ты глупец, – ответило Танаран.

– Не спорю, – согласился я, – но, если хочешь снова увидеть своих, придется слушаться глупца.

Вам когда-нибудь приходилось оказываться ночью в месте, хорошо знакомом днем? Чувствовали ли вы, как темнота и звездный свет превращают привычное место в чужое и злое? Так было в этом коридоре. Я ходил по нему тысячи раз, но тогда мне показалось, будто я никогда в нем не был. Ребристые стены, трапециевидный профиль и моргающие камеры таили в себе немую угрозу.

Мы забились в лифт. Бандит с Хлыстом вошли последними и заняли позицию у дверей. Танарану пришлось согнуться, чтобы не упираться головой в потолок. Двери закрылись, и мы всемером спустились на несколько этажей.

– Велика вероятность, что внизу нас встретят? – спросила Сиран, тщательно проверяя, чтобы ее дисраптор был настроен на оглушение.

– Сейчас вряд ли, – ответил Бандит, – но рано или поздно встретят.

Двери с шипением открылись. Перед нами оказались двое потрепанных техников – лысых, бледных, в полосатой черно-серой форме. Бандит не мешкал, и они не успели даже удивиться, прежде чем оглушающие заряды повалили их на пол, – просто шлепнулись, словно мокрые тряпки.

– Нехорошо это, – произнес Хлыст, задержавшись у оглушенного техника. – Свои же.

Я обернулся на громадного Танарана, выбравшегося из лифта следом за мной.

– Наш съельсинский друг с тобой согласен, – сказал я.

Хлыст скорчил гримасу и взглянул на Танарана со страхом и отвращением. Когда ксенобит прошел, мирмидонец начертил в воздухе знак солнечного диска, направив жест на Танарана, как будто тот был ведьмой, от которой Хлысту требовалась защита. Я, смерив его скептическим взглядом, покачал головой и был рад, что он этого не заметил.

– Оставь их. Выживут, – заверил я.

Тем не менее Хлыст нагнулся и распрямил ногу упавшего техника, после чего с педантичным кивком продолжил путь. Я улыбнулся. Что я там говорил Джинан? Казалось, с того разговора минула вечность. Недопустимо, чтобы хорошие люди всю жизнь воевали? Я снова об этом подумал и почувствовал – как это часто бывало, – что не заслуживал дружбы и преданности этих людей. Признаюсь, я на мгновение задержался, глядя в спину Хлысту, Бандиту и Сиран, которая волокла Танарана от переборки к переборке. Стоял я недолго и, несмотря на всю серьезность ситуации, снова улыбнулся.

– Почти пришли, – произнес Бандит, и, хотя от этих слов было мало толку, я повторил их Танарану. – Чем ближе к ангару, тем больше риск на кого-нибудь нарваться.

Сказал под руку.

– Лорд Марло! – раздалось внезапно.

Вот и тот нож в спину, которого я ждал. Вонзился прямо между лопатками, чуть правее сердца. Казалось, мое имя вырвали из меня, словно осколок льда. Обернувшись, я увидел лейтенанта Алессандро Ханаса в сопровождении шестерых джаддианских альджани в оранжево-синих камзолах.

Они целились в нас из фазовых дисрапторов.

Оборачиваясь, я включил щит. Меня окутала энергетическая завеса, кожа натянулась, волоски встали дыбом под действием статического электричества.

Стараясь вести себя непринужденно, я просунул руки в рукава шинели:

– Здравствуйте, лейтенант.

– Сэр, будьте любезны объяснить, чем вы тут заняты.

– Сэр, – сказал я, отмечая, что Танаран по-прежнему стоит рядом, – я веду этого сельсина к его командиру.

Не успел я договорить, как осознал, что мои слова донельзя банальны. Но я все равно закончил ответ. Доставать станнер не стал. Ханас тоже был защищен щитом, а его альджани я провоцировать не хотел – ради безопасности своих спутников. Я принялся искать выход, который позволял моему отряду покинуть этот коридор в целости. До ангара оставалось каких-то двести метров по прямой, но бегство было невозможно – мы стали бы мишенями.

Джаддианский лейтенант почесал бороду:

– Сдавайтесь, и капитан гарантирует вам справедливый суд. – Он зажмурился и сменил тон с офицерского на человеческий. – После всего, что она для вас...

– Ханас, не впутывайте ее, – огрызнулся я. – Я знаю, что делаю.

Офицер не стал поднимать руки для команды, но его челюсть дернулась, а взгляд метнулся к солдатам. Показалось, будто он прожевал что-то кислое или зловонное.

– Надеюсь, что нет. Ради вашего же блага.

Дула шести станнеров засияли синим, подобно узким глазам хрустальных змей. У Бандита был щит. У Сиран и Хлыста тоже. А вот доктору, солдату и Танарану защититься было нечем. Танаран выдержало бы пару выстрелов – я видел на Эмеше, что его сородичи на это способны, – но рисковать было нельзя. Танаран был хорошей мишенью. Любой восьмифутовый ксенобит в узком коридоре стал бы главной целью отряда пехотинцев. Как я ни ломал голову, шансы у нас были скверные. Я подумывал даже выхватить меч, но эти люди были моими товарищами. Друзьями. И они служили Джинан, а эту черту, несмотря на все, что я натворил, я переступить не мог. Напасть на них было все равно что напасть на нее.

– Сдавайтесь! – приказал Ханас, кладя руку на дисраптор. – Повторяю последний раз! Бросьте оружие и встаньте на колени!

Как только он договорил, выстрел из станнера повалил альджани справа от него, затем второго, третьего. Лейтенант обернулся, выхватывая оружие. Двое солдат открыли ответный огонь. Один попал в потолок, другой – прямо мне в грудь. Заряд рассеялся, ударившись о защитное поле. Я ринулся вперед, приказав Танарану пригнуться.

Защищенный щитом лейтенант присел, прижимаясь к стене. Достав станнер, я выстрелил в его направлении. Энергетическая завеса заискрилась от попадания заряда. Из-за широкой спины Ханаса не было видно, чем он занят, но я и так понял.

Уваа! Уваа!

В коридоре завывла стандартная имперская сигнализация, призывая корабельную группу быстрого реагирования. Замигали красные огни. Я услышал, как Хлыст произнес короткую

клятву. Из прохода за спиной солдат Ханаса снова раздался выстрел. Недолго думая, Бандит тоже принялся стрелять в оставшихся альджани и попал одному в лицо.

– Какого черта здесь творится?! – Голос Сиран едва не потонул в вое сирен.

Уваа! Уваа!

У меня был тот же вопрос.

Но искать ответа долго не пришлось.

Наверное, существует антоним слову «катастрофа», но почти не бывает ситуаций, когда его можно употребить. Из прохода появились двое в красной форме отряда. Элара выстрелила из станнера в голову солдата; из-за ее спины вышел Паллино с оружием наготове. Оставался только лейтенант. Заметив неожиданных гостей, он выхватил дисраптор. Серебристый ствол засверкал. Видя, что офицер защищен щитом, Паллино швырнул станнер ему в лицо, и выстрел Ханаса ушел в молоко. Паллино метнулся вперед быстрее, чем я свылся с его неожиданным появлением. Выбросив сокрушительный хук, он добавил джаддианцу локтем в лоб, и тот отключился.

Уваа! Уваа!

Все случилось так быстро, как будто приснилось. Сложно было поверить, что этот пожилой поджарый мужчина способен на такое.

– Мне следовало догадаться, мой мальчик, что ты выкинешь нечто подобное, – процедил Паллино сквозь зубы, глядя на меня единственным голубым глазом.

– Следовало? – переспросил я, но раз он был здесь, значит догадался. – Что ты имеешь в виду?

– Я ему рассказала, – раздался голос, и в проходе появилась Валка со станнером. С момента нашего расставания в ангаре прошел всего час, но она вся посерела, как будто несколько дней не спала. – Разобралась с системой безопасности и решила позвать их.

Паллино прищурил глаз:

– Думал сам смыться?

Казалось, он не замечал рядом со мной громадного сельсина или считал Танарана в сером балахоне частью интерьера.

Уваа! Уваа!

– Думал, – признался я.

– Теперь-то ты от нас не избавишься.

Я сглотнул. Мы молча простояли секунду, я кивнул и махнул рукой вперед:

– Ругаться будем потом.

– Еще как будем, черт побери! – протиснулась мимо меня Элара. – Бросить нас решил?!

– Хватит! – вырвалось у меня с палатинскими нотками. – Вперед, отряд!

Все, кроме Валки, заспешили. Она осталась в проходе. Я подумал, что она глядит вслед Танарану. Лишь спустя весомое мгновение осознал, что она смотрит на меня. Ее бледное лицо освещали красные всполохи тревожных ламп. Она коротко кивнула. Я едва слышно прошептал «спасибо», и мы ринулись вслед за остальными.

Глава 17

Распад отряда

Мы успели пробежать сотню шагов, прежде чем снова наткнулись на людей. Камеры слежения по-прежнему не работали после вмешательства Валки, и мужчины и женщины, появившиеся из-за угла, не искали драки. Техник, попавшийся нам наверху, должно быть, предупредил Ханаса, но вести еще не успели разлететься по всему кораблю. Мы промчались мимо, не стреляя. Почти все встречные были безоружны. Никакой защиты. Вслед нам понеслись оклики, но тут же стихли, когда люди поняли, что пряталось под тяжелой мантией. Сиран пришлось выстрелить в двух легионеров – те сползли на пол, раскинув руки и ноги, будто тряпичные куклы. Она вела нас за собой, опережая невысокого Бандита, и ни с кем не церемонилась. Я поглядывал по сторонам, высматривая по-настоящему серьезных противников.

Уваа! Уваа!

– Можно что-нибудь сделать с этой сиреной? – спросил Хлыст у Валки. – Она даже мои мысли глушит!

– Потерпи! – крикнула в ответ доктор, жестом призывая к молчанию.

– Почти на месте! – перебил Паллино. – Еще немного!

Дверь ангара была закрыта – то ли автоматически по тревоге, то ли по чьему-то приказу. Много лет назад я изучил чертежи «Бальмунга» и знал, что эти двери изготовлены из цельного титана более чем в фут толщиной. Стены были еще прочнее – сплав титана и углеволокна, пронизанный разнообразными проводами и трубами. Я мог бы прорубиться с помощью меча сэра Олорина, но, несмотря на остроту клинка из высшей материи, на это ушло бы немало времени.

Уваа! Уваа!

– Оставьте сигнализацию, – тронул я Валку за руку. – Займитесь лучше вон тем терми-налом.

К моему удивлению, она ничего не ответила и сразу повернулась в указанном направлении. Тут мимо меня протрещал заряд станнера. Я закрыл тавросианку собой и щитом.

– По укрытиям! – скомандовал я, целясь в ближайшего солдата в черном, появившегося посреди коридора.

Попал точно в грудь – ноги солдата подкосились, а его товарищ метнулся за опорную колонну. Я стиснул зубы.

Позади меня Валка склонилась над панелью, подключившись к интерфейсу. Что-то буркнув, она откинула с лица волосы и поднялась.

– Получилось? – спросил я.

Уваа! Уваа!

Она помотала головой. Огонь из станнеров не прекращался. Один выстрел задел мой щит. Я услышал, как выругался Паллино, а Бандит спросил: «Ты цел?»

Мне не доводилось видеть, как Валка работает – разве что с освещением, – и я не знал, чего ожидать. За пределами Империи многие верят, что люди не знают правды о машинах, что Капелла держит всех в страхе и неведении. В случае плебеев и серфов это правда, для них и грунтомотиль – роскошь. Но палатины окружены машинами. Капелла следит лишь за тем, чтобы эти машины не проявляли ни проблеска автономии и разума. Призраки мерикани до сих пор являются людям в кошмарах, а ведь с их гибели прошло уже пятнадцать тысяч лет. В Империи, в Джадде, во многих норманских владениях, где свято чтут память о Земле. Даже в Лотриаде, где людям промывают мозги. Я говорю это, прекрасно осознавая, что Валка не собиралась вскрывать себе вены и собственной кровью малевать руны на панели. Однако

я надеялся на какую-то вспышку, а та часть меня, что пошла в мать, ожидала услышать театральные раскаты грома на заднем плане.

Уваа! Уваа!

Экран на панели померк, Валка зажмурилась. Что случилось дальше, я не заметил, потому что в щит ударило еще два выстрела. Пришлось отвлечься. Хлыст прятался в тени переборки, рядом к стене прижималось Танаран. Мой ликтор побледнел и показывал зубы почти как съельсин. Я спустил курок – никакой отдачи – и еще один легионер Бассандера повалился на пол.

– Дех! – воскликнула Валка на родном языке.

Тяжелые двери ангара со скрежетом начали открываться, и Бандит рванул через коридор, бросившись на гладкий пол и проскользив по нему, уклоняясь от следующего оглушающего залпа.

– Идите, – подтолкнул я Валку к дверям. – Tanaran-kih, cıvaqa ti-kousun, – привлек я внимание ксенобита и, указав на Валку, добавил: – Иди с этим человеком. Она понимает ваш язык. Я следом!

Я двинулся с места, но Валка схватила меня за руку:

– Куда вы?

– Никуда! – ответил я. – На мне щит.

Уваа! Уваа!

Отмахнувшись, я двинулся в центр коридора с оружием наготове. Я хотел отвлечь огонь на себя, позволив остальным пересечь коридор, и надеялся, что щиты выдержат обстрел. Оружие наших противников было относительно маломощным, и кто-то должен был убедиться, что путь к отступлению безопасен.

– Черт! – услышал я чей-то голос. – Это же лорд Марло.

Неужели они до сих пор не заметили? Они вообще понимали, что происходит? Или говоривший лишь был новичком? Я стоял, окруженный щитом, в пульсирующем сиянии тревожных ламп. Тишина продержалась секунды три, не больше, но казалось, будто прошли столетия. Я вдруг почувствовал, как напряжены плечи, как будто мне под руки просунули крюки и подвесили.

Расслабившись, я по-палатински высокомерно крикнул:

– Дайте нам пройти!

Никто не ответил. Сирена продолжала завывать.

– Дайте нам пройти! – повторил я, убирая станнер в кобуру.

Они все равно не могли ничего поделать с моим щитом, не переведя оружие в летальный режим. Позади я услышал, как моя группа пересекает коридор.

– Адриан! – раздалось из-за спины.

Я развернулся, мгновенно позабыв о солдатах в коридоре. Из ангара затрещали станнеры, и я насчитал за дверью целый взвод солдат – человек тридцать. Не полноценные декады, а разрозненные, разбросанные среди контейнеров и шаттлов служащие, оставшиеся в ангаре после объявления тревоги.

Уваа! Уваа!

Слева в отдалении я увидел наш шаттл, ничуть не пострадавший. С чего бы? Если солдаты в коридоре были удивлены, увидев меня, то те, что в ангаре, и подавно. Валка, Хлыст и Танаран укрылись у погрузчика. Паллино, Элара и остальные рассредоточились за контейнерами. Я вбежал последним и разбил пульт управления дверью. Дверь закрылась, ревя подобно какому-то хтоническому чудищу.

Снова выхватив станнер, я, пригнувшись, поспешил к Валке и нашему драгоценному съельсину.

– Можете помешать им закрыть ангар для вылета? – тихо спросил я.

Уваа! Уваа!

– Наверное, – недоумевающе моргнула Валка.

Пустое пространство позади шаттлов плавно переходило в горловину ангара. От черноты космоса ангар отделяло лишь статическое поле, непроницаемое для газов и достаточно надежное, чтобы удерживать воздух внутри корабля, одновременно позволяя шаттлам вылетать без помех. За преградой раскинулись звезды. С нашей позиции планету Рустам не было видно. Я решил, что она, должно быть, над нами.

– Нам без этого не обойтись.

Острый стальной подбородок Валки дрогнул.

– Лорд Марло! – Это был Брукс, начальник ангара, которого мы встретили перед тем, как отправиться в кубикуну. В его прежде спокойном голосе появилась холодная резкость. – Не знаю, что вы задумали, но придется вам, сынок, сложить оружие.

– Не могу, – ответил я, не высовываясь из-за погрузчика.

– Ваша светлость, капитан будет здесь через минуту. Оба капитана. Сдавайтесь!

– Ханас то же самое говорил! – парировал я, переглядываясь с Паллино. Старик кивнул, наверняка вспоминая бесчисленные бои в Колоссо, где ему приходилось укрываться от противников за колоннами. – Теперь он спит в коридоре!

Уваа! Уваа!

Подав Хлысту сигнал оставаться на месте, я выскочил направо, вызывая на себя огонь станнеров. Брукса я не видел, – вероятно, он сидел наверху в будке смотрителя. Мой щит поглотил пять зарядов. Столько же раз я выстрелил в ответ. Снял троих людей Брукса. Оглянувшись, увидел, как Паллино несется к шаттлу, подталкивая вперед доктора Окойо. Чуть поодаль от них бежала Элара, за ней – Сиран, Бандит и наш норманский провожатый. Четверка растянулась между контейнерами. Неплохое начало.

Шмыгнув за массивный пилон, поддерживавший лихтеры, я принялся отстреливаться от солдат Брукса. Валка, Хлыст и съельсин по-прежнему оставались за погрузчиком. Мой отвлекающий маневр сделал свое дело, но теперь всем приходилось отсиживаться. Нужно было не думать о конспирации и экипировать всех щитами. Теперь от этой конспирации не было толку.

Уваа! Уваа!

Работники ангара понемногу осваивались в хаосе, и все новые и новые legionеры в черном бросали работу над шаттлами. Я выглянул из-за пилона. Ни у кого из них не было щитов. Это радовало. Численное преимущество – на их стороне. Они могли перехитрить нас, зайти с фланга и перестрелять прятавшихся, если только... если только... Я огляделся в людном ангаре, присматриваясь к составленным друг на друга контейнерам, подъемникам, сложенному багажу и наполовину загруженным шаттлам. К «пустельгам», висящим под потолком подобно летучим мышам.

Не обращая внимания на сирену, я обогнул пилон и подобрался к красной лестнице, спущенной с решетчатой платформы, с которой обслуживались штурмовые лихтеры. Колонна давала скудную защиту от Брукса и его солдат, пряча меня от их взглядов и синих огней станнеров. Убрав оружие в кобуру, я полез наверх.

– Не знаю, что вы задумали, Марло, – по-плебейски протяжно сказал Брукс, – и не сомневаюсь, что вы считаете себя правым, но вам лучше сдаться.

Я не ответил. Legionеры в любой момент могли обойти пилон и понять, куда я подевался. Но этого и не понадобилось – меня выдавала дребезжащая платформа. С этим я ничего не мог поделать. Меня принялись обстреливать со всех сторон. Из мастерской справа выскочила удивленная девушка-механик. Она отшатнулась, и я, выругавшись, на бегу свалил ее из станнера.

– Он на сходнях! – услышал я голос какого-то legionера.

– Адриан, спускайтесь, – холодно приказал Брукс. – Вы палатин, и вас не повесят. А вот ваши друзья могут пострадать, если продолжат сопротивление.

Это дало мне передышку, и я сбавил шаг. Он говорил правду. Меня бы не повесили: для палатинов-предателей Индексом Империи предусмотрено раздробление обеих рук с последующим обезглавливанием Белым мечом. Такие вот аристократические привилегии. Насчет прочего он тоже не ошибался. Валка, будучи гражданкой Тавроса и членом их безумного правительства, могла бы выйти сухой из воды, а вот остальных непременно ждала петля. В лучшем случае. Если только я не придумаю какую-нибудь хитрость.

Или глупость.

В «Бальмунге» помещалось двенадцать лихтеров диаметром восемь на восемь метров, каждый из которых по весу был равен трем грунтомобиям. Их удерживали электромагнитные крепления, которые отсоединялись, когда на лихтерах запускались двигатели и репульсоры – или когда кто-нибудь отключал питание.

Именно так этот «кто-нибудь» и поступил.

Не обладая познаниями Валки в области машин, я достал меч Олорина и перерезал кабеленесущий трубопровод ближайшего лихтера. Оптиковолокно и топливные трубки с легкостью рассеклись, а с ними и поддерживающий пилон. Электромагниты отключились беззвучно – никакого треска древесины, как на древних верфях, никакого лязга металла. Сила тяготения на «Бальмунге» была велика, и лихтер рухнул вниз то ли якорем, то ли рукой божьей. Я предпочел не думать о судьбе находившихся внизу людей. По пути машина ударилась о платформу и, как огромный дротик, обрушилась на пирамиду контейнеров. Раздался треск алюмоплекла и звук, подобный раскату грома. Люди закричали.

– Снимите его! – услышал я призыв Брукса, усиленный громкоговорителем.

Я поспешил к следующему лихтеру, искоса видя, как Бандит и Сиран бегут к шаттлу. Валка подтолкнула вперед Танарана, и они едва успели в новое укрытие, прежде чем солдаты снова открыли стрельбу.

На этом Брукс остановился. Я больше не слышал его призывов и уговоров, попыток мирно погасить конфликт. Между нами была проведена черта – как это всегда бывает – красными чернилами, которые не стереть даже самому дотошному писцу. Я обрушил на землю второй лихтер. Третий и четвертый уже не понадобились. Я рассчитывал просеять группу легионеров Брукса, и мне это удалось. На этот раз я выкрикнул предупреждение, и они разбежались. Я с облегчением услышал крики гнева вместо криков боли. Развернувшись, я осмотрел мутные стекла будки начальника ангара – бронированной смотровой площадки под потолком у дальней стены. Я вообразил – впрочем, это на самом деле было так, – что за мной наблюдает глаз Империи и смотрит на меня с тем же презрением, что погребальные маски, развешанные над дверями под Куполом изящной резьбы. Он видел меня. Он знал меня. И не любил. Подумав так, я деактивировал клинок из высшей материи и убрал рукоять в карман шинели.

– Адриан!

Голос рассек выдуманный мной имперский глаз. За блеющей сиреной он был едва слышен, но в то же время звучал громче ее.

Мир нечасто ставит меня в ситуации столь же драматичные, как в моем воображении.

Нечасто – не значит никогда.

Позади меня на платформе стоял Бассандер Лин, отрезав путь назад к пилону. Не знаю, откуда он появился – то ли с другого конца ангара, то ли из бокового шлюза, ведущего в верхний зал. Но он был здесь. На его черной офицерской форме серебрились знаки отличия. Он шагнул вперед, и по легкому гудению я понял, что на нем энергощит.

– Капитан! – Я убрал фазовый дисраптор в кобуру. Против щита станнер бесполезен.

– Мне стоило догадаться, что вы выкинете нечто подобное.

Внизу Валка помогала прихрамывающему Танарану перемещаться из укрытия в укрытие. Хлыста нигде не было видно.

– Что ж, мы оба здесь. – Я сунул руки в карманы, нащупывая рукоять рыцарского меча. На мгновение забыл о криках снизу. – Вы мне мешаете.

– Вы никуда отсюда не уйдете, – сказал Лин, приближаясь. – Адриан, вам конец. Вас ждет трибунал.

Кроме нас, на платформе никого не было. Я мог бы развернуться и броситься бежать к другой лестнице, но Бассандер нагнал бы меня. Перепрыгнуть через перила было невозможно – падение стало бы смертельным в условиях сильной гравитации «Бальмунга». Тут был не Рустам и не кабинет-паланкин Крашеного.

Бассандер сделал еще шаг, затем еще.

Я вынул меч Олорина, держа его излучателем вперед:

– С дороги.

Капитан замешкался.

– Почему вы так поступаете? – спросил он, подняв руку.

– Потому что должен.

– Вы убили троих моих солдат. – Лин указал вниз, где легионеров застал врасплох первый упавший лихтер.

В красном свете тревожных огней глаза Лина сверкали диким огнем, уже не в первый раз выдавая, что этот человек видел и совершал такое, о чем лучше не рассказывать.

Объяснений он не ждал. Мои действия объясняли достаточно. Он сделал выпад, стремительно сорвав с пояса меч адмирала Вента. Клинок загорелся, редкая материя бледно засветилась в кровавых всполохах света. Я отпрыгнул, мой собственный меч материализовался, словно осколок лунного камня, отбивая его атаку. Мы на мгновение замерли на линии столкновения, глядя друг другу в глаза. Наши клинки сияли, подобно ледяным кристаллам. Бассандер чуть наклонился вперед, и я махнул мечом из-за головы вниз. Такой удар мог разрубить его от плеча до бедра.

Я удивился, когда мой меч из высшей материи встретил сопротивление. Его клинок резал все: камень, металл, дерево и плоть. Он с легкостью перерубил провода и мог бы рассечь меня самого, как будто я был соткан из воздуха. Он никогда не натыкался на преграду, никогда не встречался с оружием подобным себе – по крайней мере, с тех пор, как оказался в моих руках. Бассандер махнул мечом в направлении моего лица, я заблокировал, сделав шаг вперед, и резко наступил ему на ногу, проталкиваясь мимо. Бассандер крикнул от боли и опустил меч сверху вниз, перерубив перила и не задев меня. Крутанувшись, я успел заблокировать следующий размашистый удар.

Бассандер был имперским офицером и дрался как подобает офицеру. Широко, размашисто. Атакуя реже, но сильнее, без палатинского изящества. Вне всякого сомнения, он был умелым фехтовальщиком, но ему не хватало тонкости, – впрочем, он в ней и не нуждался. Он рычал, показывая зубы, и теснил меня. Его привычно аккуратные волосы растрепались, закрывая лицо. Снизу по-прежнему слышались крики, и я понимал, что времени в обрез.

Текущий металл клинков пошел рябью, когда я парировал удар и нанес ответный выпад. Бассандер отбил, и кончик моего меча проткнул металлический пол. Я по-кошачьи отскочил, внутренне радуясь, что никто из легионеров еще не добрался к нам. Я отдавал Бассандеру пространство, отступая к пилону и лестнице, по которой поднялся. Бассандер надвигался с неумолимостью прилива: шаг – удар, удар – шаг. Меч Вента отличался конструкцией от моего, был более широким, плоским и прямоугольным, без кольца для пальца у оковки и без множества сверкающих кристаллов. Он не имел защиты для руки и регулятора и выглядел грубым и небезопасным. Но он был тяжелым, что редкость для клинка, способного рубить все без сопротивления.

В нашем бою это имело значение.

Бассандер отбил мой меч и, прежде чем я среагировал, врезал мне кулаком в лицо. Я пошатнулся. Он не рассчитал силы и тоже потерял равновесие, что дало мне возможность отскочить. Я потерял челюсть. К счастью, зубы остались целы. В ближайшие лет тридцать мне вряд ли бы представилась возможность отрастить новые. Бассандер не остановился, широко размахнулся и прорубил клинком Вента стену справа от меня, отломив изрядный кусок титана. Просунув палец в кольцо, я взял меч двумя руками. Бассандер атаковал с удвоенной силой, метя мне в лицо. Я сделал взмах, пользуясь гардой, чтобы отбить оружие противника вверх и в сторону. Затем обрушил клинок вниз. Текучий металл зашипел, когда клинки сошлись, – в воздух выбросило облако странного пара. Бассандер успел убрать голову, но я зацепил его за плечо. Он поморщился и отступил.

– Первая кровь, – заметил я, как будто фиксируя очко в фехтовальном поединке.

Я прорезал эполет, тунику и нательную рубашку. Капитан дотронулся до плеча рукой. Пальцы окрасились алым. Он промолчал, огрызнулся и снова бросился на меня. Я отпрыгнул, и его меч нашел лишь пол. Учитывая остроту наших клинков, я не собирался больше фехтовать с Бассандером на ближней дистанции. Он все так же теснил меня, я отступал под градом зарядов станнеров, искривших вокруг нас и отражавшихся от наших щитов.

Он пошевелил плечом, шипя сквозь зубы. Я вспомнил другую дуэль, вспомнил мертвого Гиллиама на белой траве Боросево. Я ненавидел его, ненавидел за то, что он был жрецом Капеллы, за то, что хотел убить Валку, за то, что был интусом, человеком с генетическим дефектом. Какогенетической ошибкой. Теперь я сожалел о его смерти, но тогда не придавал ей значения, пусть она и не давала мне покоя. Вся моя тогдашняя уверенность, все отвращение и презрение вернулись теперь ко мне и дали ясно понять одно.

Я не испытывал ненависти к Бассандеру. Не желал ему смерти.

– Лин, наше сотрудничество могло бы оказаться плодотворным! – попробовал я перекричать сирену.

– Вы упустили свой шанс! – ответил он, обрушивая меч.

Даже обычный стальной клинок, направленный с такой силой, мог бы разрубить меня пополам. Но Бассандер вытянулся слишком далеко, дав мне возможность ударить его в спину.

Я ею не воспользовался.

Как и тогда с Гиллиамом, в ключевой момент я засомневался. В тот раз меня остановила собственная трусость. Теперь – нечто другое. Нечто более глубокое, искреннее. Уважение? Жалость? Сострадание? Я не хотел убивать Лина. Но клинки покинули ножны, решение принято. Время для разговоров прошло. Я выбрал свой путь, сбросив «пустельгу» на рабочих, открыв капсулу Танарана. Я выбрал свой путь в комнате для расчетов на корабле Отавии.

И много лет назад на Эмеше.

Бассандер ринулся вперед, рукав его формы уже пропитался кровью. Я встретил его, как учил меня сэр Феликс много лет назад, и отбил все выпады. Атаки Бассандера слабели. Я чувствовал это. Пальцы потеряли хватку, меч свободно повис в руке. Я воспользовался полученным преимуществом, сделав выпад в сторону его головы и раненого плеча. Капитан блокировал мечом, споткнулся, но удержал равновесие, ухватившись за перила. Сделал низкий выпад, и я остановил его меч своим. Мы застыли. Моя сила против его силы. Длинные кости моей правой руки, казалось, хрипели и кашляли. Но преимущество было у меня. Медленно, как будто по геохронологической шкале, я прижал его руку, лишив возможности орудовать мечом. Еще чуть-чуть надавить – и получится ударить локтем Бассандеру в челюсть. Элементарно.

Он двинул лбом мне в нос.

На мгновение у меня отшибло мысли и дыхание. Удар был настолько неожиданным, что я рухнул, не успев сообразить, что к чему. Я растянулся на спине, тяжело дыша. Из разбитого

носа хлестала горячая кровь; все лицо казалось пылающим и мягким. Боль, далекая, как будто больно было какому-то другому Адриану, пришла мгновением после.

«Молодец, Криспин! – щелкнул, словно хлыст, голос сэра Феликса в подземном тренировочном зале моей юности. – Еще раз!»

Меня уже сбивали с ног. В боросевском Колоссо, во время операций Красного отряда, темными голодными ночами на улицах. Мой брат Криспин сбивал меня с ног несчетное количество раз. Вот и теперь мне почудилось, что надо мной стоит брат. Черная форма легионов напоминала униформу моего дома: подпоясанная туника с регалиями и галифе, заправленные в высокие сапоги.

– Это вам не сказки. – Бассандер остановился вне досягаемости моего меча, посмотрел на меня свысока и пригладил нелепо растрепанные волосы. – Вы не герой. Не вам решать судьбу Империи. Это не спектакль. Бросьте меч. Все кончено.

Моему внутреннему «я» казалось, будто я снова на полу Колоссо, побитый кем-то из гладиаторов или гладиатрис князя. Я стоял перед ними на коленях, а они прижимали кончик меча к ложбинке на моем плече, ожидая решения зрителей и лорда Балиана Матаро. Я всегда сражался достойно, и решение всегда было в мою пользу. Большие пальцы вверх. Жизнь спасена.

На платформе не было зрителей. Никто не подбадривал, никто не улюлюкал. Лишь сирена продолжала выть, да внизу кричали люди. Я молчал, несмотря на то что сражался за свою свободу, за победу. Видение прошло, и вместо призрачного колизея глазам вновь явилась мрачная действительность. Передо мной был только Бассандер, готовый опустить меч. Никаких гладиаторов. Никаких зрителей.

Мы были одни.

Мы были не одни.

Выстрел пришелся Бассандеру прямо в лицо; лазурный луч станнера исказил силовое поле щита и заставил капитана отшатнуться. Он не был ранен, просто отвлекся. Мне этого хватило. Мысленно призвав Криспина и эмешских гладиаторов, я вскочил, и со мной вскочили мальчик-Адриан и Адр-мирмидонец, и втроем мы отсеки у запястья руку Бассандера вместе с мечом и бросились на него, ломая ему нос тыльной стороной ладони. Он выдержал два удара, но на третьем повалился навзничь, словно каменная стена, когда связывающий камни цементный раствор превратился в пыль.

Я уселся на него, прижав коленом грудь и схватив за горло. Говорить было нечего, приводить доводы – поздно. Мы спорили без слов, на более честном языке.

– Сдавайтесь!

Мне на миг показалось, что он возразит. Я сжал пальцы и буквально услышал, как вместо меня говорит мой отец – раскатисто, повелительно:

– Повторяю, сдавайтесь.

Из запястья и плеча бравого капитана хлестала кровь, он выглядел жалким и скукоженным, нос был разбит, как и мой, миндалевидные глаза опухли. Он простонал, но ничего не сказал.

– Медики вас найдут, – произнес я, отпуская его. – Кисть еще можно пришить.

Я попробовал встать, но ноги не слушались.

Меня подхватили крепкие руки.

– Осторожнее, дружище, – сказал знакомый голос.

Ладонь накрыла мою и отключила меч, чтобы я ненароком не поранил нас обоих. Хлыст поднял меня и поддержал. Я понял, что это он стрелял из станнера Бассандеру в лицо.

Я оглянулся:

– Хлыст, я... – «Мой друг, мой лучший друг». – Я...

– Да, это я, – перебил он. – Выглядишь, будто в аду побывал. Земля и император... идем.

– Я в порядке. Могу идти сам.

Сбросив его руку, я подошел к мечу Бассандера. Клинок еще дрожал, бронзовокожие пальцы по-прежнему сжимали рукоять.

Я нагнулся, вынул из них меч и повернулся к поверженному солдату:

– Думаю, теперь он мой.

Пожалуй, меч по праву принадлежал Хлысту, но я хотел напоследок уязвить Бассандера. Это было низко. Я понимал, что это низко, но все равно убрал меч в карман и полез за Хлыстом вниз по лестнице.

Не имея щита, он шустро перебегал из укрытия в укрытие. Я передвигался медленнее, соблюдая предельную осторожность. Я не стрелял, хотя держал станнер. Откуда-то издалека доносились крики моих товарищей. Я видел Валку и остальных в отсеке для шаттлов, но из-за яркого света и воя сирен чувствовал себя как будто под водой. Я запнулся и свалился бы, если бы рядом не оказалось ящиков, за которые можно было ухватиться. Из-под упавшей «пустельги» виднелись руки в черных рукавах, на темном полу растеклась кровь. В глазах помутилось, оглушительно стучало в ушах, и пульсировали жилы.

«Богов любимицей была... и оттого сошла в могилу рано»⁸, – то ли пробормотал, то ли подумал я. Как это относится ко мне, Байрон? Как?

Выстрел сбил меня с ног. Это был не станнер.

– Ios di puttana!

Джаддианский. Слова укололи больнее, чем клинок маэскола.

«Сукин сын!»

Я понял, что она здесь, что выстрелила в меня. Но не обернулся. Бросился вперед, к трапу. Сначала на четвереньках, потом на ногах. Второй выстрел прошел мимо, срикошетив от бронированного шаттла.

– Meta tutto che marana! – крикнула она. – Ti itante mia qal!

«После всего, что между нами было...»

Третий выстрел угодил мне в плечо, но я устоял и запрыгнул на трап.

– Пилот! – рявкнул я. – Поехали!

Лишь тогда я обернулся. Лишь тогда увидел ее в окружении джаддианских солдат под началом окровавленного Ханаса. Джинан. Моя Джинан. Мой капитан. В ее глазах стояли слезы, но не было грусти. Шаттл дернулся, и Элара с Хлыстом подхватили меня. Трап начал подниматься. Джинан снова вскинула винтовку, и дуло было чернее любой виденной мной тьмы. Вспышка – и новая пуля ударила меня в плечо, рассыпавшись о щит.

– Ti abatere! – крикнула Джинан.

«Я любила тебя».

Любила.

Люк закрылся. Шаттл вырвался из статического поля в глубокую, безмолвную Тьму.

---

⁸ «Паломничество Чайльд-Гарольда», перевод В. Левика.

Глава 18

На другом краю

В варпе космос выглядит калейдоскопом из оттенков фиолетового. Стремительно приближающиеся звезды переливаются лазурным и индиго, превращаясь то в тонкие пальцы света, то, благодаря искажению пространства-времени, в безымянные геометрические фигуры. Я стоял на мостике «Мистраля», завернутый в толстое одеяло, дрожа и едва сдерживая тошноту после фуги, и наблюдал, как причудливая ткань Вселенной вьется вокруг нас на скорости, в восемь раз превышающей световую. Конечно, это был лишь обман зрения. На самом деле мы не двигались, а находились в космическом пузыре, и нас несло, как чайку на волнах.

Отавия стояла у центральной панели управления, на платформе, откуда хорошо были видны работающие внизу офицеры. Она отдавала команды и отвечала на вопросы с отточенной за многие годы четкостью. Меня никто не беспокоил, и я мог блаженно стоять босиком, скрючившись, и наблюдать, как ионизированные частицы оседают на мембране искривленного пространства на краю варп-конверта. Как же они сияли! Как феи из лесов Луина, о которых рассказывала Кэт.

– Тридцать секунд до перехода на субсветовую скорость, мэм, – сообщил младший офицер. Не помню его имени.

– Приготовить поглотители к переходу на субсветовую скорость. Не хочу, чтобы след выдал нас при выходе из варпа. – Отавия схватилась за края панели, напрягая мускулистые руки. – Теплоотводы готовы?

– Так точно, мэм.

– Думаете, нас атакуют? – спросил я и тут же сжал челюсти, чтобы не клацать зубами.

– Не хочу рисковать кораблем, – бросила капитан.

– Пятнадцать секунд.

Шаркая по полу, я перебрался поближе. Отавия отдала еще несколько кратких приказов. Я молча наблюдал. В отличие от мостиков «Фараона» и соларианского «Бальмунга», где вместо иллюминаторов были информационные экраны и голографические панели, по бокам и сверху конусовидного носа «Мистраля» располагались полноценные окна. В них я и смотрел, кутаясь в одеяло, словно в тогу.

– Пять секунд, – произнес младший офицер.

Сквозь окна полился фиолетовый свет, прорываясь, как солнечные лучи сквозь толщу воды.

– Граница.

Тьма.

Свет вдруг померк; его сменила усыпанная звездами бесконечность космоса. Вдали – впереди и под нами – виднелся холодный голубой сверхгигант. Иллюминаторы успешно сдерживали солнечное излучение, и сквозь сияние я заметил яркий нимб околозвездного диска. В звездной пыли вращались еще не сформировавшиеся планеты. Пылинки размером со спутники вились вокруг, увеличиваясь в размерах и разбиваясь. За всю жизнь я ни разу не видел ничего подобного. Рождение миров. Пройдет еще немало времени, прежде чем эта звезда, этот титан вылепит своих глиняных детей, но спустя миллиард или три миллиарда лет из этого хаоса могут образоваться полноценные планеты, горячие и неукротимые.

Мы нашли частоту для связи с экстрасоларианцами. Она была отмечена на терминале Крашеного вместе с координатами станции «Март». Отавия приготовилась подать сигнал – точное сообщение, которое я написал прежде, чем мы были заморожены после побега с «Бальмунга». С тех пор прошло почти семь лет.

Я не слышал, что она говорила.

Прислонившись к иллюминатору у правого борта, я вглядывался в алую пену и диск, в этот космический инкубатор.

«Рождение миров», – подумал я вновь, чувствуя тот же трепет, что в темных тоннелях Калагаха.

В галактической Тьме плыло четыреста миллиардов солнц. Империя занимала существенную часть пространства – миллионы систем, – но мы покрывали Галактику лишь подобно паутине в углу окна. Мы были ничтожны.

Случайно я заметил у диска какую-то синеватую вспышку. Если бы вместо окна была голографическая панель, я мог бы приблизить изображение, а так пришлось щуриться.

– Что-то вижу, – бросил я, не отводя взгляда.

Я не понимал, что именно увидел. Расстояние было слишком большим – все равно что пытаться разглядеть мошку на далеком холме. Вспышка повторилась, озарив тьму. Излучение термоядерного двигателя. Корабль.

– Множественные сигналы с диска! – крикнул младший офицер.

– Перехват? – настороженно спросила Отавия.

Я покосился на нее, на этого бронзового голиафа с волнистыми выбеленными волосами, склонившегося над панелью управления кораблем.

– Нет, – сказал я.

– Нет, – произнес в унисон со мной офицер и добавил: – Они не обращают на нас внимания. Двигутся по своим траекториям.

– Это шахтеры, – догадался я, вспомнив голограммы шахтерских кораблей в поясе Делоса, которые показывал мне отец. – Выкачивают из диска тяжелые элементы. Должно быть, это проще, чем бурить планеты.

На моих глазах посреди диска и в тени освещаемых холодным солнцем планетоидов возникли новые вспышки.

Отавия вызвала с консоли несколько изображений, переданных внешними корабельными камерами:

– Похоже на то. А что станция? Дала ответ?

– Нет, мэм, – отчеканил связист. – Просигналить повторно?

– Да, – распорядилась Отавия. – Держимся прежнего курса.

Отходя от иллюминатора, я едва не споткнулся об одеяло.

– Пойду навещу остальных. По словам Окойо, все должны были проснуться.

* * *

Сиран и Паллино все еще ежились от холода в медике, укутанные согревающими одеялами. Оба пили обязательный после пробуждения апельсиновый сок. С ними были Айлекс и Бандит.

– Где Хлыст? – спросил я, приглаживая воротник.

С распадом Красного отряда я снова стал носить простые черные рубашки с брюками. Верхние пуговицы рубашки были расстегнуты, приоткрывая оторочку с орнаментом «бута».

Паллино вперил в меня единственный голубой глаз. Он еще не надел повязку на другой, и покрытая шрамами глазница зияла передо мной.

– Размораживается.

– А съельсин?

– Где-то, – пожал плечами старый мирмидонец.

– Его уже две недели как разбудили, – объяснила Айлекс, помогая Сиран встать. – Оно с доктором Ондеррой. Общаются.

– Что-что? – переспросил я, не до конца понимая. Должно быть, еще не отошел от фуги. Дриада тряхнула головой:

– Отавия обустроила для него камеру как полноценную каюту. Они там.

Придерживая одеяло, она отвела Сиран к душевой. Гомункулы всегда восстанавливались после фуги быстрее нас, млекопитающих. Наверняка в биохимическом составе крови содержалось что-то, что им помогало.

Опустив руки, я кивнул и двинулся к выходу.

– Адр, – заставил меня развернуться голос Паллино. – Ты в порядке?

Я потупил взгляд, не зная, что сложнее – смотреть Паллино в пустую глазницу или в пронизательный глаз. Я до сих пор прекрасно помнил, как кричала на меня Джинан, когда я поднимался по трапу, видел слезы в ее глазах, чувствовал ее гнев. Мы провели в заморозке семь лет, но, по сути, все это случилось лишь вчера.

«Мимолетное время, прости нас...» – подумал я. Это был не афоризм схоласта, а молитва, которую я помнил с детства⁹.

Сделав резкий глубокий вдох, я расправил плечи, перестал сутулиться.

– Да, Паллино. Я... Со мной все будет хорошо.

И голубой глаз, и пустая глазница одинаково подозрительно прищурились, но Паллино улыбнулся, показав пожелтевшие зубы:

– Ну ладно. Ступай. Я скажу парнишке, где тебя искать.

Я отдал честь старому центуриону, прижав кулак к груди, и поспешно покинул медику. Прошел под боевыми знаменами, вяло болтавшимися под массивной переборкой. Никто меня не беспокоил, включая двух норманцев-часовых, оставленных Отавией у двери в карцер.

– Комендант, – пробубнили они с поклоном.

Я хотел было поправить их, сказать, что мечтам пришел конец, но не стал. По моей просьбе они открыли дверь, хотя я был без телохранителя, и я шагнул через порог.

В камере, несмотря на все разговоры о том, что это клетка, оказалось весьма уютно. Стены были белыми, проклепанными, как и в коридорах, потолок – слишком низким для ксенобита, а кровать – слишком короткой. Но по крайней мере, она там была. Как и туалет, и ультразвуковой душ. Свет был приглушен и настроен в красном спектре, чтобы защитить деликатное зрение сельсина. Танаран сидело на краю кровати, склонив голову. Его белая грива постепенно отрастала и свешивалась на плечо. Темная мантия выглядела чистой, как новая, – я даже подумал, что кто-то напечатал ее, пока мы спали. Заметив меня, оно повернулось, прерывая разговор с...

---

⁹ Молитва, о которой идет речь, родом из компьютерной ролевой игры «Baten Kaitos», разработанной компаниями «Monolith Soft» и «tri-Crescendo» и выпущенной компанией «Namco» для игровой платформы «Nintendo GameCube» в 2003 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.